

РФ л
пзв

ПЕСНИ И СКАЗКИ

НА
ОНЕЖСКОМ
ЗАВОДЕ

КАРЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

ПЕСНИ и СКАЗКИ НА ОНЕЖСКОМ ЗАВОДЕ

СБОРНИК

1 9 3 7

П Е Т Р О З А В О Д С К

НА ОНЕЖСКОМ ЗАВОДЕ

„Ни хлеба, ни соли, ни табаку. Вот как мы жили в старину“ — заключил свой рассказ старый рабочий, пожимая на прощанье мне руку. На улице было пустынно, шел снег; с горюшки виднелись домики старого рабочего поселка „Голиковка“, вправо, на берегу реки Лососинки—завод, а за ним — центральные улицы города Петрозаводска. Январь 1937 года . . .

Беседуя с рабочими Онежского завода, снова и снова ставишь перед собой целый ряд вопросов, связанных с изучением устно-поэтического творчества нашего народа.

Владимир Ильич, читая фольклорные сборники, сказал: „Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желаний, все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите, в сказках Н. Е. Ончукова, которые перелистывал, — ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нам нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это доподлинное литературное творчество,

такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни“.¹

Фольклор имеет огромное историко-познавательное значение. „Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества“—говорил Горький. В образной, яркой форме нашли свое отражение в народном творчестве события мировой истории. Крупнейшие художественные произведения всех эпох и народов возникли именно на основе народного творчества или под непосредственным его влиянием. В заключительном слове на I Всесоюзном съезде советских писателей Горький подчеркнул: „Искусство слова в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его“.

Великий пролетарский писатель уделял много внимания фольклору и в своем творчестве, и в целом ряде своих статей, и в докладе на съезде писателей. Он высоко ценил песни и сказки, созданные народом, собирал и записывал их, художественно перерабатывая в своих произведениях, учился на них мастерской точности языка и силе образных обобщений.

К сожалению, песен и сказок, возникших в рабочей среде мы знаем очень мало. Это объясняется тем, что до революции собиранием фольклора от рабочих не занимались. Творчество рабочих в большинстве случаев было открыто направлено против существующего строя. Только случайно на страницы легальных журналов и газет попадали отдельные произведения фольклора фабрично-заводских пролетариев. Революционные произведения рабо-

¹ В. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии.

чих последних десятилетий в гораздо большей степени находили себе место в подпольной большевистской печати, нежели в легальной прессе. Буржуазная фольклористика сознательно обходила тему рабочего фольклора или трактовала ее заведомо клеветнически, стремясь „доказать“, что рабочий класс не в силах создать „самобытное“ искусство. Только в советские годы началось серьезное научное собирание и изучение устного поэтического творчества рабочих. Те материалы, которыми теперь располагает наша наука, достаточно убедительно показывают художественную и историко-познавательную ценность фольклора рабочих. Каждый этап истории пролетариата, его зарождение, формирование из класса в себе в класс для себя, борьба за новое социалистическое общество под руководством великой партии большевиков в яркой и образной форме находят свое отражение в творчестве рабочих. За последние годы сделаны интересные записи на Урале, они помещены в книге „Дореволюционный фольклор Урала“,¹ значительный материал собран на Украине, в Ленинграде. Старые рабочие песни, сказки, пословицы и поговорки, которые с течением времени забываются, должны быть записаны и изучены наряду с новым советским фольклором. Необходимо провести тщательное обследование крупнейших промышленных центров для такого рода записей.

Север России давно привлекал к себе внимание многих собирателей народного творчества. В бывшей Олонецкой губернии сделаны были записи былин Рыбниковым и Гильфердингом и боль-

¹ Свердловск, 1937 г.

шинство сказок, опубликованных Ончуковым, записаны там же; некоторые песни, опубликованные Барсовым, были обнаружены им в Петрозаводске. В числе собранных материалов попадаются записи, сделанные от рабочих, но, к сожалению, по этим материалам невозможно составить четкое представление об устном поэтическом творчестве рабочих. Вместе с этим первые же записи, сделанные два года тому назад на Онежском машиностроительном заводе показали, что среди рабочих этого завода есть сказители и певцы—выдающиеся художники слова.

Карелия—сокровищница фольклора, страна замечательных талантов, республика неисчерпаемых природных богатств. Не только лесом, рыбой, пушниной славилась и славится Карелия. Еще в глубокой древности население края занималось добычей руды, из которой выплавлялось железо. Об этом рассказывается и в карельских рунах, одним из героев которых является кузнец Илмаринен.

... Там кузнец остановился
Там огонь себе разводит,
Первый день меха он ставит
На другой день наковальню...
... К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками...¹

Во времена великого Новгорода (1227—1478 гг.), когда Карелия входила в состав Обонежской пятины, из местного железа делали кривцы—топоры, и еще в начале XVIII века топорами платили оброк. Дашков в книге „Описание Олонецкой губ.“, (Спб., 1842 г.) писал: „В уездах Вытегорском, Каргопольском и

¹ „Калевала“ перев. Бельского, изд. Academia, 1933, стр. 58, 54.

Пудожском крестьяне сами вырабатывают из руды железо и делают земледельческие орудия для собственного употребления и для домашней, иногда значительной продажи. Пуд такого железа стоит не свыше четырех рублей“ (стр. 59). В XVII столетии возникают в Карелии металлургические заводы. Развитие промышленности тормозили отсутствие путей сообщения, слабая заселенность. Часто постройка заводов была вызвана временными нуждами. Так в связи с войной со Швецией для военных целей был построен в 1703 году у самого устья реки Лососинки железоплавильный завод, названный Петровским. Поселок, который возник около завода, и положил основание города Петрозаводска. Этот завод в то далекое от нас время работал на крепостном труде крестьян.

Царское правительство зверски эксплуатировало крестьян, оно заставляло их доставлять руду, уголь, дрова за 200—250 верст на своих лошадях бесплатно. Интересные материалы сохранила нам история о восстании приписных крестьян. Восстание вспыхнуло в 1769 году и было подавлено 3 сентября 1771 года. Вожакам восстания Климу Соболеву (ходок к Екатерине II), Семену Костину и Андрею Сальникову было дано 100 ударов кнутом, им вырезали ноздри, их клеймили: на лбу вывели—В, на правой щеке—О, на левой—З („ВОЗмутитель“). Затем их сослали в Нерчинские заводы на пожизненные каторжные работы. Другие участники восстания были сечены розгами и сданы в рекрута.

Петровский железоплавильный завод просуществовал не долго. Уже в 1773 году была произведена закладка бывшего Александровского завода

ныне Онежского. На нем отливались пушки, ядра, изготовлялись мостовые части и художественное литье для строительства Санкт-Петербурга. О более позднем периоде истории завода предреволюционной поры старые рабочие могут сообщить многое. Часто рассказывают о том, как отливались снаряды. Работа велась на-глазок; разнообразие диаметров требовало соответствующих чертежей и указаний, которые мастера не умели дать. Точных калибров не было. Забракованные снаряды отсылались обратно в литейную, они не оплачивались, приемщики использовали это для того, чтобы получить взятки.

Весной 1875 года резкое понижение заработной платы у литейщиков вызвало коллективный отпор: 6 февраля рабочие захотели говорить с начальством. Сначала это ни к чему не привело. Рабочих заставили разойтись. Петра Полякова и Николая Суханова уволили с завода. Тогда на другой день, потушив вагранку, рабочие отправились в Горное Правление к главному управляющему инженеру Фелькнеру с категорическим требованием увеличения заработной платы и возврата на производство Суханова и Полякова.

Один из рабочих передал мне интересный „сказ“ о Суханове (в „сказе“ он именуется Василием, но речь идет, повидимому, именно о Николае Суханове)—называется он „Былинка про дядюшку“ и изложен следующим образом:

„Зарботки маленькие были. Дядюшка был неспокойный. Не любил начальство, а начальство его не любило. Держали дядюшку в черном теле,—Василия Суханова. Однажды в ночь он вооружился молотком и пришел к мастеру. Мастер увидел мо-

лоток, пообещал перевести на другую работу. И перевел. Но через два месяца опять поставил на худшую. Получал за нее три копейки на руку. В протест на это дядюшка вечером надел белые заячьи туфли, белые чулки, простыню, вооружился чугунным ядром и пошел. На ядре написал мелом за что брошено, и кому. Пришел к дому, где жил мастер, и бросил в окно, и угодил на подушку. Второй раз он понес второму мастеру Иванову. Его вернули, отец вернул;—затем уволили с завода, но потом опять вернули на завод. Расценки еще снизили. Тогда дядюшка написал бумагу,—писал Шмелев ее,—и собрал больше трехсот подписей, и пошел к царю. Начальник узнал об этом и в Петербурге его арестовали. Он объяснил: „Положение такое, что мы умрем с голоду“. Потребовали его к министру. Министру он этого прошения не дал, хотел отдать царю. Его допустили во дворец. Пришел во дворец с конвоем. Министр опять просит дать прошение. Дядюшке пришлось все же отдать, так как царь не вышел. Потом на казенный счет отправили его в Петрозаводск, дали ему пакет, в котором сказано, чтобы поставили его на работу, какую бы он захотел. Начальник с иронией его встретил, потом взял пакет, прочитал и говорит: „Ну, на какую работу хочешь?“—„Пойду на какой и работал, только плату чтобы всем повысили“. Говорят этого начальника убрали, а потом опять все стало по-прежнему, и еще хуже стало... Было это в 80-х годах... А что с дядюшкой случилось, того и рассказывать нечего...“

В 1905 году волна революции прокатилась по всей России. Владимир Ильич Ленин в статье „Уроки революции“, напечатанной в „Рабочей Га-

зете“ (№ 1 за 30 октября 1910 г.)—писал: „Минуло пять лет с тех пор, как в октябре 1905 г. рабочий класс России нанес первый могучий удар царскому самодержавию. Пролетариат поднял в те дни миллионы трудящихся на борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие десятки лет тщательно ждали от „начальства“.¹

Рабочие Александровского завода и других заводов Карелии вместе с революционной частью крестьянства, вместе с политическими ссыльными, которых тогда в деревнях Олонецкой губернии было 216 человек, представляли из себя внушительную силу. Характерно, что политических ссыльных в самом Петрозаводске не оставляли совершенно, из боязни их „вредного влияния на рабочих Александровского завода“. Губернатор Протасьев принимал все меры для того, чтобы задушить революционное движение, уничтожить возможность соединения революционных сил для совместных действий. Шпионство, провокации, аресты—излюбленные приемы царской полиции, были пущены в ход. В этот период активизировались кадеты, меньшевики, эсеры, и другие представители буржуазии. Они пытались сгруппировать вокруг себя рабочих завода.

Огромное значение для развития революционного движения на заводе имела связь с питерскими рабочими; позднее в 1917 году, когда из Петрограда приехали рабочие-большевики, на заводе быстро оформилась партийная организация.

¹ Ленин, „Уроки революции“. Соч., III изд. М.—Л., 1931 г., г. XV, стр. 369.

В самом начале 1905 года,—18 января,—уезжает из ссылки (Мяндусельга—Повенец) М. И. Калинин. Группа ссыльных устроила во время проводов демонстрацию, пыталась петь революционные песни. Уже в начале 1905 года по губернии и в самом Петрозаводске происходит целый ряд „беспорядков“, как выражались полицейские чиновники. За революционной деятельностью завода внимательно следили власти. В 1906 году на заводе вспыхнула забастовка, прошла полоса митингов.

В результате целого ряда арестов 26 мая 1906 г. полицейские чиновники начинают следствие по так называемому „процессу 17-ти“. Группу революционеров высылают дальше из Олонецкой губернии: частью по этапу через Вятку („В Вятке свои порядки“—вспоминают ссыльные о бесчеловечном отношении к ним в Вятской тюрьме), направляли ссыльных в город Великий Устюг, в Кадников и другие места. Осенью того же года происходит революционное выступление рабочих Александровского завода у ворот петрозаводской тюрьмы.

К концу 1907 года усиливается реакция, но события 1905—1907 гг. не прошли даром, как правильно замечает кузнец Н. И. Одинцов. Даже наиболее отсталые рабочие начали понимать сущность большевизма, стали осознавать какими путями нужно идти для завоевания власти.

Наиболее передовые, близкие к партии большевиков, принимавшие активное участие в революционном движении в период 1905—1907 гг., Григорьев Н. Т., Аксентьев, Огарков, Дорошин и др. впоследствии вступили в партию Ленина—Сталина.

Прошли годы. Первая большевистская организация в Петрозаводске оформилась 11 декабря 1917 г.

Онежские большевики сразу же установили связь с железнодорожниками и некоторое время организация была объединенной. Оформление ячейки РСДРП(б) быстро отразилось на местных событиях. Большевики повели борьбу с эсэрами и меньшевиками, которые засели в совете. Под руководством большевиков рабочие завода вынесли 20 декабря 1917 года постановление с требованием разгона меньшевистско-эсеровского совета. В постановлении говорилось: „Мы, рабочие Александровского завода, обсудив вопрос о текущем моменте, требуем от Олонецкого губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов изменения его действий по отношению к центральной власти, ибо непризнание народных комиссаров затрудняет работу революционной России, а также вносит раскол между нами и петроградскими пролетариями“.¹ Установление Советской власти в бывшей Олонецкой губернии было по существу лишь началом борьбы за советскую Карелию.

Рабочие помнят тревожный гудок Онежского завода весной 1918 года. С севера шли банды Миллера и Чайковского, с северо-запада и запада бело-финны, в деревнях присоединялось к ним озверевшее кулачье. В мае 1919 г. неприятель был в шести километрах от Петрозаводска. Город сотрясая от гула и грохота орудий, пулеметной и ружейной стрельбы.

Коммунисты-рабочие первые стали под ружье, за ними шла остальная масса рабочих. Город отстояли. Отряды, сформированные из рабочих, направля-

¹ Архив Онежского завода, 1917 г., дело № 1/12, л. 165.

лись и на другие участки фронта. По всей Карелии шла гражданская война. При активной помощи русского и в особенности петроградского пролетариата трудящиеся советской Карелии разбили и изгнали из пределов Республики белогвардейцев и интервентов.

7 июня 1920 года ВЦИК выносит постановление об организации Карельской Трудовой Коммуны. 25 июля 1923 года Коммуна была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику.

События последних лет происходили на наших глазах. Рабочие Онежского завода — активные участники создания истории своего завода, протекавшей уже в условиях новой эпохи социалистического возрождения человечества. Завод перешел на обслуживание нужд социалистического строительства Республики. Здесь впервые в СССР осваивалось производство дорожных машин, выполняются заказы лесопромышленности, которая занимает ведущее место в экономике Карелии, осуществлены заказы для строительства Беломорско-Балтийского канала и т. д. Завод выдвигает замечательные кадры лучших людей социалистической промышленности. Об одном из лучших ударников — Брызгалове (механ. цех) нами записан следующий характерный „сказ“: „Брызгалов парень старательный, парень сознательный. Придя из Заонежья, он напал на правильную мысль: осесть на механическом производстве. Очень часто обращается к опытным мастерам, как бы лучше работать, как быстрее освоить станок, теорию резания. Занялся техучебой, сдал гостехэкзамен на „хорошо“. Убедился, что работает не на капиталистов, а работает на свою общую семью — на обще-

ство, и, значит, на самого себя. Стал передавать свой метод работы другим. О станке беспокоится, уж ему замечания не поставишь, что у тебя станок не в порядке". „Сказы“ рабочих дают ценнейший материал по истории пролетариата. Много в них интересных историко-бытовых данных, заслуживающих внимательного изучения.

Некоторая часть рабочих до революции жила в своих убогих домишках. Вокруг домов — крохотные, бедные огороды. „Многие имели коров, но пили ли молоко — это другой вопрос. Приходилось продавать. Кто-то другой пользовался нашим молоком“, — вспоминает Одинцов. У иных была лошадь; для прокорма скота вырубали лесную заросль за городом и косили траву, уплачивая за это арендную плату. Наличие своего хозяйства у этих рабочих объяснилось тем, что завод не обеспечивал семью, часто сокращал свое производство, вынуждал искать пропитание на стороне.

Петрозаводск был географически оторван от промышленных центров, созданных в наше время удобных путей сообщения не было. Отсюда и развитие рыбной ловли и охоты, которые теперь у рабочих начинают приобретать спортивный характер — раньше же они являлись также экономическим подспорьем семьи. Петрозаводск расположен на самом берегу Онежского озера, кругом леса. Рыбы и дичи здесь всегда было много.

Другая часть рабочих снимала жилье у хозяев; третьи, наконец, жили в казармах. Казарменная жизнь особенно характерна для рабочих старого Александровского завода. Грязь, вши, невероятная теснота, отсутствие элементарных условий человеческого

общежития,—такова типичная обстановка этих заводских казарм.

Среди Онежских рабочих есть много потомственных пролетариев. Спрашиваю одного: „Кто ваш отец“? Отвечает: „Отец рабочий, мы из липецких, пригнаны сюда еще при Петре I“. Предки некоторых рабочих были приписаны к Кончезерскому и другим заводам, расположенным на территории нынешней Карелии, а позже, в связи с закрытием этих заводов царским правительством, перебрались в Петрозаводск. У некоторых рабочих сохранились свидетельства, выданные в 1861 г. об „освобождении“ от крепостной кабалы. Один из рабочих, который получил теперь для себя и своей семьи квартиру в новом доме, жил в избе, выстроенной его дедом „100 лет тому назад“. Домишко покосился, врос в землю, рослому человеку в нем нельзя было распрямиться.

В рабочих семьях детей отдавали на завод с 12, 11 и даже с 9 лет. Шли к мастеру, подносили подарки, упрашивали,—и „благодетель“ устраивал ребенка на завод. Отсутствие нормальных условий труда подрывало здоровье ребят, организм их не мог окрепнуть. Учиться дети рабочих могли только в церковно-приходской школе, в гимназию не попадали, нужны были деньги, а их то и не было. Страшным бичом было пьянство—результат политики спаивания рабочих „цивилизованными“ эксплуататорами, стремившимися завлечь рабочих в кабаки и отвлечь их от политической борьбы и предъявления экономических требований. В свое время еще Радищев в „Путешествии из Петербурга в Москву“ заметил: „Бурлак, идущий в кабаки, повесит голову, и возвращающийся обгаренный кровью от оплеух,

многое может решить доселе гадательное в истории российской". Со времени написания этих слов прошло более ста лет. В России возник рабочий класс, быстро завоевавший главенствующую роль в русском революционном движении. И именно он решил по своему все вопросы истории российской.

Резко переменялся быт рабочих после Великой Октябрьской Социалистической революции; ужас нищеты и лишений, казармы и кабаки для „фабричных“ ушли в далекое прошлое, ушли навсегда. Но в дни счастливой и радостной жизни нам, молодежи, не видевшей ужасов прошлого, не вредно послушать стариков для того, чтобы еще лучше понять и оценить величие исторических завоеваний Великой Пролетарской революции. Несомненно, что изучение труда и быта онежских рабочих в широком этнографическом (а не только фольклорном) плане ждет еще своего исследователя.

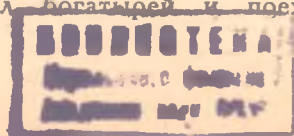
Собирая фольклор среди рабочих Онежского завода, мы записали произведения всех без исключения известных жанров и видов подлинно-народного творчества. Однако, при составлении сборника мы использовали только небольшую часть наших записей. В сборник помещены те материалы, которые дают общее представление о том, что бытует на заводе среди различных категорий рабочих. Многие из песен широко известны на других заводах, некоторые имеют литературные источники. Весь материал сборника разбит на два отдела: песни и сказки. При этом мы не придерживались строгого деления по жанрам (например, причитания не выделены), материал подобран тематически, поскольку это было возможно. Лирические песни мы выделили особо, так как они интересны

прежде всего для сопоставления с крестьянской лирикой. Работа, которая велась в плане обследования всего фольклорного материала, убеждает в необходимости дополнительного исследования по отдельным жанрам. Так, несомненно, значительно шире должны быть изучены сказки рабочих. В осуществление этого мы запишем в текущем году все сказки Господарева, а он знает их,—по предварительному подсчету,—около ста. Нужно выявить материал былевого эпоса, сохранившийся и развивающийся в рабочей среде.

Сейчас мы располагаем одной записью, сделанной от И. А. Вепрева: „былиной про Илью Муромца“. Вот ее текст:

74311К
В селе Киро—Кирочаеве,
Сиднем сидел тридцать лет и три года...
Вот приехал он в Киев град
Ко великому князю ко Владимиру;
И Неодолище приехало к царю Владимиру,
Стало бесчинствовать,
Съело калачик, по другому душа болит...
„Я единым духом выпью ведерышко,
У моего отца, у батюшки
Была сивая коровушка,
Еле по двору таскалася,
Много пила, много трескала,
А где“ . . . (не помнит)
Рассердился тут Неодолище,
Метнул копьем в Илью Муромца,
Да промахнулся Неодолище поганое.

Дальше рассказывается о том, как Илья Муромец собрал богатырей и поехали они к

Никуле Селяниновичу, а у того „сошка была не убрана“; посылает он Алешу Поповича убрать сошку:

Пришел Алеша—шевельнуть не мог,
Посылают Добрыню Никитича,
Он на четверть сошку повыдернул,
А потом поехал Илья Муромец:
Взял сошку, закинул под ракивов куст;
Тут Никула Селянинович руку дал,
Побратались с Ильей и поехали.

Несомненный интерес представляют также и причитания, одной из наиболее выдающихся носительниц которых является Елена Павловна Васильева. Елене Павловне 84 года, она неграмотная, пошла на завод с 15 лет; „все силы отдала заводу, вся жизнь там“—говорит она. Встретились мы с ней в доме инвалидов „Клименицы“, и она сразу же обнаружила свое мастерство, рассказав нам „Плач о своей доле“:

„Ты уйдешь в чужедальню сторонушку,
Во глубокую могилушку.
Обижали меня людюшки“ и т. д.

.

Приведу еще одну небольшую причеть, записанную от А. М. Михеевой (год рождения 1879, жена рабочего, неграмотная). Причеть свадебная.

Вдова причитает по дочери-невесте, работавшей на заводе в предреволюционные годы.

„Ты моя белая лебедушка,
Ты моя касатка ласточка,
Ты мое рожоное дитяtko,
Не сидела ты у окошечка
Под хрустальным стеклышком,
Ты все ходила по трудной работушке,
Ты вставала ранем-ранешенько.
Обмирало мое родимое сердечушко.
Приходила ты позднем да позднешенько,
Приобижали тебя да многодобрые людюшки,
Все соседи спорядомные,
Как обмирало мое материнское сердечушко!..

От рабочих записаны нами также фрагменты народных драм „Лодка“ и „Царь Максимилиан“.

Кровно связанный с трудом и борьбой революционного рабочего класса, рожденный в его делах и боях, фольклор рабочих нельзя изучать, нельзя понять без изучения истории революционного движения. И, наоборот, устное народное творчество, реалистическое по самой своей основе,—дает нам богатый материал для изучения революционного прошлого стран и народов. Этим критерием следует руководствоваться и при ознакомлении с песнями и сказками, записанными на Онежском заводе и собранными в этой книжке.

В работе над составлением книги принимали участие студенты филологического факультета Ленинградского Государственного Университета: В. Чистов (глава о песнях), А. Соймонов (лирические песни), Н. Новиков (сказки), Г. Нефедов (заметки

о языке онежских рабочих) и студент Всесоюзной Академии Художеств Ю. Стронк (оформление книги). Коллектив, составивший книгу, приносит искреннюю благодарность рабочим Онежского завода за радушный прием и внимание и товарищам, оказавшим помощь в собирании материала и подготовке книги.

А. Соймонов

4/VII 1937 г.

ПЕСНИ

Песня — популярнейший жанр фольклора рабочих Онегзавода. Она красочно и правдиво иллюстрирует бесправное положение рабочих старого Александровского завода, ярко отражает революционную борьбу рабочих, революцию 1905—1907 гг., победу Великой Пролетарской революции, гражданскую войну и борьбу за строительство социализма. Это поэзия, оформившаяся в конце XIX века, когда русские рабочие достигают классового и политического самосознания и вступают на путь борьбы за свое освобождение. Песни рабочих Александровского завода складывались из устного коллективного творчества рабочих, записи которого представлены нами в первом отделе, из общереволюционных песен, из стихотворений большевистской партийной печати, из крестьянской лирики, живая традиция которой очень сильна в Карелии. Первые песни („Старый Александровский завод“ и др.) еще не отмечены четкостью призывов к борьбе, ясным политическим осознанием содержания и характера борьбы рабочих

и в стилевом отношении характеризуются чертами наивного реализма, граничащего с натурализмом.

Дальнейшее развитие устной рабочей поэзии идет по линии расширяющегося и углубляющегося отражения русского рабочего революционного движения, руководимого ленинской партией большевиков, по линии усиления и упрочения реалистических и революционно-романтических тенденций. Большую роль в этой эволюции рабочей песни сыграл 1905 г., год первой русской революции, когда впервые блеснули сигналы перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую.

В 1905 г. к общеизвестным массовым революционным песням, составляющим основу революционно-поэтического репертуара онегзаводских рабочих, прибавились песенные произведения, крепко вошедшие в устное бытование или создаваемые самими рабочими под влиянием революционных событий: фабричная „Камаринская“ с ее призывом к рабочим:

Уж найдите вы управушку
На мироеда на Саввушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество.
Подымайся, как единый человек... и т. д.

Широкое распространение получает „Дуда“, зовущая „потрясти“ кулаков и купцов, распевается песня, полная боевого оптимизма, отражающая большевистский лозунг вооруженного восстания:

Ты не плачь по ночам втихомолку,
Понапрасну ты слезы не лей,
А бери поскорее винтовку,
Кровопийцев своих перебей.

Изменяется характер и тюремной политической лирики. Прежние грустные, протяжные песни до-

полняются новыми, переосмысляющими их куплетами, мечты о свободе сочетаются в них с выражением готовности к продолжению борьбы и с верой в классовое возмездие.

Революционная песня — лирически-призывная, сатирическая, агитационная, — становится мощным средством, острым оружием в борьбе пролетариата. „Опасности“ этой „крамольной“ поэзии начинают пугаться власти светские и власти духовные, против нее с равным испугом и озлоблением вооружаются и губернатор Протасьев, и епископ „Олонецкий и Петрозаводский“. Епископ издает указ за № 3922 от 7 октября 1903 г., в котором „повелевает“ подведомственному ему духовенству собирать и популяризовать старые песни и духовные стихи, печатать их в „Епархиальных ведомостях“, противопоставляя их новым песням, прежде всего революционному рабочему фольклору.

Не менее активные меры борьбы с рабочей песней принимает и губернатор Н. Протасьев. В 1908 г. по всему Петрозаводску расклеивается „объявление Олонецкого губернатора“, в котором отмечается, что „с конца апреля сего года среди молодежи города Петрозаводска замечаются проявления буйства и склонность производить уличные беспорядки в *форме пения недозволенных песен...*“ (курсив наш, В. Ч.). За констатацией этого факта в „объяснении“ губернатора следует прямая угроза, обещание „по-свойски“ (по-жандармски) расправиться с „крамольниками“ певцами-рабочими. И дальше:

„Предупреждаю беспокойных людей, что всему есть предел и что если вновь повторятся беспорядки, то обстоятельства вынудят отказаться от сдержанного и примирительного образа действия и

перейти к иным способам подавления беспорядков, которых я до сих пор тщательно избегал.

Никакие беспорядки терпимы быть не могут и будут прекращены твердо и решительно“.

Новая волна рабочей поэзии прокатывается по стране с наступлением подъема революционного движения после столыпинской реакции. В 1913 г. в „Письме из СПб“ тов. Сталин замечает, что „в революционных песнях и манифестациях нет недостатка“ („Социал-демократ“, 1913, № 30). Особенно значительного подъема достигает эта волна в годы империалистической войны и Великой Октябрьской Социалистической революции. Создаются новые боевые рабочие песни, острые стихи об эксплуататорах, выметаемых из страны, о мастерах, вывозимых на тачках, гимнические песни, полные радостного, ликующего пафоса борьбы и победы. Ими начинается новая историческая полоса в развитии рабочей песни — полоса ее расцвета в советские годы. Из песен онегзаводских рабочих, относящихся к после-октябрьскому периоду, нами публикуются партизанская песня эпохи гражданской войны, песня о рабочих, свободно празднующих пролетарский праздник („Песня рабочих“), плач о гении революции — В. И. Ленине, частушки, зародившиеся в первом стахановском году, и ряд других.

Все они с большой яркостью выражают народную любовь к освобожденной родине, к ее социалистическому строю, все они исполнены священной ненавистью к врагам народа и революции, бодрой уверенностью в великой силе социалистического труда, страстной верой в лучших людей великого своего отечества, радостной гордостью его всемирно-историческими победами.

В. Чистов.

СТАРЫЙ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЗАВОД

Сипло заводский гудок завывает,
 Властно рабочих зовет.
 Старый Александровский завод оживает.
 Крови и пота он ждет.
 Злобно скрежещут машины,
 В такт шестеренки стучат.
 Песни станков тоскливо зовут.
 Песни о вечной невзгоде,
 Песни—проклятье судьбе,
 Песни о близкой свободе,
 Песни о счастье в борьбе.
 Злобно скрежещут машины,
 Четко стучат шестерни.
 Ломят рабочие спины,
 Нехотя гнутся они.
 Сипло заводский гудок завывает,
 Кончился день трудовой.
 Старый завод засыпает,
 Крови напившись людской.

Аналогичные песни были широко известны рабочим и других городов царской России (Иваново-Вознесенск, Петроград и др.). Вариант этой песни впервые напечатан Ц. О. нашей партии „Правда“ в 1912 г. (№ 23, 26 мая, стр. 2).

О МУЖЕ СВОЕМ, КОТОРЫЙ
ОБЖОГ НОГУ ПРИ ПЛАВКЕ
СТАЛИ

Пошел мой муженек родненький,
Моя удала головушка
На тяжелую работушку.
Принесли мне домой весточку нерадостну
Со казенной тяжелой работушки,
Что свезли моего муженька родненького,
Мою удалую головушку
Во казенное, вить,¹ гнездышко.
Обмерло мое ретивое сердечушко,
Как болели его резвы ножушки,
Сколько прошло долгих годиков
Я ходила притопталася . . .

Труд на Александровском заводе не охранялся. Несчастные случаи бывали чуть ли не каждый день. Публикуемый плач относится к началу 90-х гг. XIX ст.

¹ Ведь.

ПЛАЧ ПО МУЖУ И СЫНУ

Вот еще один плач женщины—плач по убитому на войне солдату—сыну и почти одновременном несчастье с мужем на заводе. Анастасия Степановна Уконнен рассказывает, что такой случай был в действительности на Онежском заводе в годы русско-японской войны.

Ох, тошнехонько, что сделалось, случилось,
И как получили мы весточку-грамотку,
Что убили рожоного дитятко на войне.
Ох, тошнехенько еще сделалось
И несчастье случилось,
На заводе, на работушке
Сам ¹ получил смеретушку,
Недуманну, негаданну,
Что такая бедушка делается,
Что он убьется там,
Моя венчальная семеюшка.
И оставили они меня, несчастную голо-
вушку,
Со малыми со детушками.

¹ Т. е. муж.

И как я жила за ими,
Было истье сахарного,
Было питье медового,
Были цветны платицы,
Были сафьяновы обуточки.
А как теперь я не увижу от них,
Не увижу истье сахарного,
Питье медвяного
И не цветных платицев
И не обуточки.
И не придет больше ни весточки, ни
грамотки,
Ни от мужа, ни от сына—родного,
И больше не увижу я от них
Денежного жалованья...
И все прошло и потерялося,
И осталася я несчастная головушка
Со малыми со детушками,
И будет мне жить тежелешенько
И будет мне жить труднешенько...

ПРИЧИТАНИЕ ПО РАБОЧЕМУ

Чудо случилось, что диво дивовалось,
Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет тебе такая смеретушка
От тяжелой работушки.
Верно не спас тебя божий господи
На такой работушке
И оставил меня круглой сиротушкой
Со малыми детушками.
Как же я буду жить,
Как же я буду без тебя,
Моя венчальная, законная семеюшка.
Будет жить мне тяжелешенько,
Без тебя, моей законной, венчальной се-
меюшки,
Тяжелешенько и труднешенько,
Не забыть мне тебя, кручинной голо-
вушки.

(Садится у гроба).

Мне подсесть к своей законной головушке,
К своей венчальной семеюшке,
Мне подсесть в последний разочек.

Остались тебе последние часочки,
Твои последние минуты.
Часок к часочку подвигается,
Минута, минута кончается,
И все твое-то потеряется.
И понесут тебя сегодняшним господним
денечком,
И ты пойдешь не в гостибище,
И не на веселое весельице,
И понесут тебя на воскат-гору високою,
На могилушку умершую.
И зарюют тебя желтым песочком,
И не встанешь и не выстанешь;
И я осталась несчастная головушка
Со малыми со детушками.

ПЕСНЯ ПРО КУПЦОВ

Помяни, господи, петрозаводских купчиков,
Всех кормильцев-голубчиков.
На муку набавили,
Мужику заботы прибавили.
Помяни, господи, Пospelова Андриюшу,¹
Помяни, господи, Тиккоева Васюшу,¹
Помяни, господи, Пименова Гришу,²
И вверзи их в огненную геену
И предай сатанинскому плену.

¹ Пospelов, Тиккоев—купцы.

² Пименов—городской голова.

„Работать было трудно. Есть, бывало, нечего, купим куль муки на заводе. Купцы для завода закупали. Купят плохую муку; все равно бери—есть нечего. Другой и заработает только на куль муки. Да и мука-то осолоделая, подмоченная, пестом толочь приходилось“,—рассказывает К. А. Копаев.

„Денег при расчетах с рабочими не выдавали,—рассказывают рабочие,—а давали все мукой через заводский склад. Мука, полученная по дорогой цене, сбывалась и обменивалась на рынке, шла на водку. По этому-то поводу и составили стихок. Шутили: получит кто-нибудь куль муки, идет и всем встречным рассказывает: „У меня и костюм есть и сыт буду“.—А откуда костюм-то? Из мешка и костюм.

Александровский ЦЕХ
Александровского завода.

РАСЧЕТНАЯ КНИЖКА
восточного № 10

Фамилия *Сидорова*

Имя и отчество *Иван*

Выдана *10/10/1918 г.*

Срок действия _____

Расчетный листок № 10

10/10/1918

За рубль по счету	
Поступило в кредит	
На вынос в кредит	
За вынос в кредит	
За вынос в кредит	
III часть	- 24
IV часть	- 10
Итого	- 34
Платит № 10/10/18	- 10
	- 20

В течение месяца все равно дома муки не было; хватало ее на несколько дней. Остальное продавали, прогадывая в цене, чтобы заплатить долги, меняли на другие продукты".

Скоро-ли наступит
Первое число,
Отец муку получит,
Мать пышек напечет,

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ДУБИНУШКА

Как у нашего капрала
Вечор музыка играла.

Эй, дубинушка, ухнем.

Эй, зеленая, сама пойдет.

Идет...

Вечор музыка играла,
Дочка ночью убежала.

Эй, дубинушка, ухнем,

Эй, зеленая, сама пойдет.

Идет...

Дочка ночью убежала,
За лесничего попала.

Эй, дубинушка, ухнем,

Эй, зеленая, сама пойдет.

Идет...

А лесничий был богатый:
Огребал деньги лопатой.

Эй, дубинушка, ухнем,

Эй, зеленая, сама пойдет.

Идет...

Когда на заводе отливали пушки, их возили на пробу обычно с „Дубинушкой“, с песней. У начальника завода Фенклера дочь без разрешения отца ушла к лесничему Маршкеру. Рабочие про это знали, и один из рабочих, запевало Федор Иванов, во время перевозки орудий пел между куплетов обычной „Дубинушки“ и эти куплеты“.

Евдокия Ивановна Чехонина рассказывала, что она работала в литейном цеху и вместе с мужчинами пушки возила. По ее словам, припев был другой: „Ой, дубинушка, охнем, ой, веленая, сдохнем, ой, идет“...

ПРО АРХИЕРЕЯ АНАСТАСИЯ

(„Надгробное слово“)

Жил был у нас архирей Настасий
В славном городе Петра.
Как монах, он пил простасик ¹
От утра и до утра.
Ни печали, ни работы
Сей „владыко“ не имел,
От субботы, до субботы
Все над рюмкою корпел.
Как подагрик изнуренный,
Никуда он не ходил,
И в соборе кафедральном
Вовсе даже не служил.
Чем же он себя прославил?
Это трудно объяснить,
Племяша попом поставил,—
А для средства, чтоб прожить,
Ключарем его поставил,
Камилавкой наградил.
Бедным гроша не оставил,
До копейки все пропил.

¹ Простая водка.

Лишь любил "одних чиновных,
Бедных ставил ни во что,
Как медведь, сидел в берлоге,
Консistorии не знал,
Эконому на похмелье
Сумму крупну отпускал.
Все же смертью ненормальной
Наш владыко опочил,
И в соборе кафедральном
Он могилу получил.

Иногда даже старики, собираясь по вечерам, пели песни про попов-обдираал, зло издеваясь над ними. Чаще всего анти-религиозные песни составлялись в виде пародий на религиозные, акафист, церковные или под акафист, или, как в этой песне, под надгробное слово. „Споет кто-нибудь такое „надгробное слово“ о попе,—рассказывают старые рабочие,—да еще стакан вина поднимет, да и выпьет „за упокой души“ это живого-то архиерея. Ну, зато и попадало за эти песни“. П. Д. Морозов, сообщивший эту песню, датирует ее началом века (до 1905 г.).

* * *

В марте 1917 г. на заводе было получено сообщение о событиях в Петрограде. Утром на тачках выкатывали мастеров; первого из прессового цеха Антона Житкова. Захватили, посадили на тачку. Житков достал перочинный ножичек — хотел обороняться. Вывезли за большие ворота и выкинули. Побежал в контору за пальто. Не пустили.

После этого приходит мастер обливочного цеха. Ребята кричат:

— Чего не здороваешься?

Рабочие его захватили на руки и выкинули за ворота. Он бежит на Губернаторский крыж. Бежит и оглядывается — не за ним ли.

На заводе и до этого еще сочиняли песни и частушки о мастерах, непосредственных исполнителях воли эксплуататоров. Больше всего песен составляли о мастере прессового цеха Антоне Житкове. Недаром прежде всего о нем вспомнили рабочие, когда решили вывезти наиболее ненавистных мастеров с завода на тачке. Вот что пели про него на заводе:

I

Житков, ты барин каков,
Много баешь, мало знаешь,
Лишь карманы набиваешь.
А вы, мастеришки,
Настоящие воришки,
Себе шубу шьете,
С мастерового последнюю шкуру дерете.

II

Вот явился наш Антон,
Приубавил рабочий тон,
На иконы тремя крестами крестится,
На рабочего сердится.

Говорят, Житков имел привычку, входя в цех, троекратно креститься.

Некоторым рабочим (сварщикам, каменщикам и др.) подавались рукавицы. „А Житков,—рассказывает М. Е. Власков,— все экономил, да себе прибирал. Ему как-то этот этишок мелом в конторке написали“:

III

Антон—эконом
из смиренных отцов Валаамо,
по его высокому росту
мы даем ему прозвище Волкодава.
До него цех нес как будто б убыток.
Он все расходы стал сокращать
И рабочим полагающихся рукавиц совсем
не давать.

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ
В домах полицейских засада—
Все время стрелял пулемет
Но шли ни на что не взирая
Свободу и хлеб добывать,
И долг свой они выполняли:
Решился народ умирать.

А царь Николай в это время
У Двинца с составом стоял,
Собрав кровожадное племя
Надежды в душе не терял.

Он думал, что все обойдется,
Надеясь, как был пятый год,
Он кровью народа напьется,
И снова опять заживет.

Солдаты ему изменили,
Не стали в рабочих стрелять,
И вместе с народом решили
Свободу и хлеб добывать.

Из разных сторон Петрограда
Собирался рабочий народ,
За кровь получил он награду,
Свободно на праздник идет.

Эта песня сложена уже после Великой Октябрьской
Социалистической революции

ПЛАЧ ПО В. И. ЛЕНИНУ

Мне подсесть кручинной головошке,
Уж и сесть мне к товарищу Ленину
Со великой обидушкой,
Что это чудушко сдувалосьи,
Что это дивушко сдивовалоси,
Была думушка не думана,
Была мыслина не мыслена,
Что придет к тебе смеретушка
И не пришла тебе судьбинушка
Пожить жизнью хорошею поболее,
Мне уж стать сказать не высказать
Мне уж стать писать не выписать
Про твое житье-живленьице,
Была жирушка ¹ тяжелая,
Все работала твоя буйная головошка
И волновалося ретливое сердечико.
И был отправлен ты на чужедальнюю
сторонушку,
И был посажан ты на замки ключевые
И еще то жил ты во в темных лесиках
Была тебе мукушка и печалюшка

¹ Жизнь.

И жил ты в маленьких келиках
И имел ты великую досадушку,
Все работал и старался
Своей буйной головушкой,
И ретливым сердечиком,
Все кручинился, печалился,
Полагая свою жизнь
За своих любимых товарищей
За хороших работников.
И все расстраивал свое ретливое сер-
дечико.

И как бы мне перевернуть эту власть,
Как бы мне устроить власть советскую.
Были нервы у тебя тяжелыи
И устали твои нежные ручки
Писать белыи бумажечки.
И нападывали на тебя вить злые люди
Горькими словами и тяжелыи ударами
Все равно ты добивался и не жалел себя,
Своей силушки, своей буйной головушки,
А желал своих любимых товарищей
И всех рабочих-работников.
И все хотелось тебе дать им вольную
волюшку

Великую свободушку.
И устроил ты как тебе хотелосе:
Сделал ты вольную волюшку
И дал ты свободушку.
И еще вы мои, дорогие товарищи,
Уж вы вспомните товарища Ленина,
Вы вспомните его словамы добрыма
Уж что мог он, то старался
И всю силушку положил для вас,
Для своих любимых товарищей,

Для хороших работников.
Где бы жить ему да любоваться,
Дорогому товарищу Ленину.

Плач о великом вожде пролетарской революции записан со слов Анастасии Степановны Укоинен, жены рабочего, — талантливой плакальщицы. Анастасия Степановна еще до революции была широко известна на заводе как составительница плачей по рабочим, получившим увечья, погибшим во время работы, убитым в империалистическую бойню. Некоторые из ее плачей уже известны читателю,

ЧАСТУШКИ

Короткая песня-частушка играла и играет большую роль на заводе в период работы по восстановлению народного хозяйства, в борьбе за социалистическую индустриализацию, в борьбе за завершение строительства социалистического общества. Она чутко реагирует на достижения и недостатки в работе завода, бичует лодырей и бракоделов, показывает стахановцев—передовых людей Онежского завода. Частушку можно услышать и в цеху, и с клубной сцены, и на гуляньи, и прочитать в стенной или печатной газете.

Сыпь, тальянка,
Сдынь басами,
Заливными голосами,
Разуважь, не откажи,
Про Стаханова скажи.

Нет стахановцам преграды,
Недоступных нет высот.
Сделать нам скорее надо
Весь стахановским завод.

Арифметика? простая,
И стахановцу почет,
Арифметикова знают
Все цеха и весь завод.

Без простоев и прогулов
Нормы надо перекрыть.
Так строгать, как наш Акулов,
Как Тимонин—токарить.

Был я первым из лентяев,
Нынче все грехи покрыл:
Потому меня Минаев
У станка стоять учил.

На эстраде выступали
Пианист, скрипач, певец.
Глазунова исполняли
Токарь, слесарь и кузнец.

Скоро буду планеристом,
Не плохой при том стрелок,
Жизнь моя блестит лучисто,
Так блестит и мой станок.

Дело доблести и чести
Сменный план процентов двести,
Ну, а коли поднажать,
Значит—триста можно дать.

Каждый винтик нам полезен,
И беречь его должны.
И Стаханов и Березин¹
Одинаково нужны.

¹ Березин—рабочий Онежского завода.

По-стахановски трудиться,
По-бусыгински ковать,
С Виноградовой сравниться,
Кривоноса обогнать.

Ты играй, моя гармошка,
Чтобы делу вышел прок,
Беломорские заказы
Мы должны закончить в срок.

(Пели на заводе, когда делом чести завода было вышол-
мение в срок заказов для Беломорско-Балтийского канала).

Эй, гармошка, сдынь басами,
Заливными голосами.
Про станочный расскажи,
На дефекты укажи.

Кузница болты забыла
Во-время на сборку дать,
Значит дело завалила,—
Механизмов в срок не сдать.

Тише едешь—дальше будешь,
Так твердит пословица.
Десять лет токарный пресс
К выпуску готовится.

Что ни месяц, то позор
С цифрами задания.
Плохо развито по цеху
Соцсоревнование.

Вот ударница на брак,
Логинова Ниночка,
Работу делает кой-как,
Браку половиночка.

Лодыри Иван с Федулом
Дождались законных кар.
Ведь ударники прогулам
Нанесли большой удар.

II.

ПЕСНИ О РЕКРУТЧИНЕ

Молодым рабочим, призывающимся сейчас в свою Красную Армию, трудно даже представить, каким горем в старину для всей семьи и для самого рекрута был уход сына в кабалу царской армии. „За две недели парни бросают работу, пьют и гуляют по всему городу, „рекрутят“, — вспоминает Кл. И. Вавилина. — Парень приходит под мерку, принимают его совершенно пьяного. Если кричат: „гож“, встречают и мать и жена, девушки, и ревут, ревут“. Многие уже позабылось. Лучше всего о рекрутчине помнят песни, протяжные, жалостливые, песни тоски и горя.

РЕКРУТСКАЯ

Последний день в семье родимой,
А завтра рано в дальний путь;
Глухой, гнетущею обидой
Томит измученную грудь.
Не утолит тоски бессонной
На сердце пьяное вино,
В казарме каменной и темной
Три года жить присуждено.
Служить царю слепую верой,

На караулах голодать,
И рукавом шинели серой,
Украдкой слезы утирать.
О, где же правда, где же милость?
Коли голодный и больной,
Отбыв солдатскую повинность,
Придешь калекою домой.
Тебя соседи не узнают,
Взглянув на бледное лицо;
И мать-старуха зарыдает,
Упав на ветхое крыльцо.
Расскажет старческие были
Про годы бедствий без конца,
Наверно, брата осудили,
Убили старого отца,
В далекий край сослали друга,
Греметь цепями под землей.
Одна убогая лачуга
Стоит печальной и сырой...

Пели эту песню, последние слова которой сказитель за-
памятовал, на мотив широко распространенной рекрутской
песни „Последний нынешний денечек“.

Дальше пелось о том, что рекрут обещает отомстить и за
себя, и за осужденного брата, и за смерть отца, и за сослан-
ного друга. Пели в 1908 году и позже. Изображаемые в ней
события относятся к 1905 году.

* * *

Меня в солдатики возьмут,
Шинель проклятую дадут,
На головушку башлык,
А в леву руку острый штык.

А. И. Вавилина.

Солдатики, некрутики,
Ломали в поле прутики,
Ломали и поставили,
Служить-то их заставили.

Запрягай-ка, татка, бурку,
Оседлай-ка Воронка,
Оседлай-ка Воронка,
Вези в солдатушки сынка.

Меня в солдатики сдавали,
Кровь кипела в самоваре.
Как сказали, что я гождь,
Без морозу пронял дрожь.

Женят, женят нас, молодчиков,
Во нонешнем году,
И дают нам по шинели
И по казенному ружью.

Пряжь-ка,¹ мама, пирожки,
Последний день побереги,
Постели постелюшку
Последнюю неделюшку.

Все дружки — приятели
Остались при матери.
Один Ваня — сирота
Уедет в дальни города,

Не в харчевне харчевать,
В солдаты горе горевать.

¹ Пеки.

Мы под мерочкой стояли,
Наши ноженьки дрожали.
Наши груди смерили
И сказали — приняты.

Погодите, не стригите,
Родну маменьку дождите.
Родна маменька придет,
Бел платочек принесет,
Бел платочек принесет
Кудерки сына уберет.

У приема, у стола
Девченка плачет без стыда.
Она плачет, говорит:
Под меркой парочка стоит.

Милые родители,
Вы парочку обидели,
Котомочку наладили,
В солдатики отправили.

ПРИЧЕТЬ ПО СОЛДАТУ

Заросла путь дороженька
Уж частым ельничком, березничком
С молодым горьким олешичком.
Уж я березничек повысеку,

Уж я олешичек повырублю,
Уж я дороженьку попрочищу,
Уж я начисть свою поразберу.
На долюшку мне бедную

Злодейская обидушка.
Дай повыплакать мне детушек,
Злодейскую обидушку.
Уж я ростила, трудилася

Своих детушек любимых
Уж с утра и до поздна вечера.
Уж добивалася я в учение
Своих родненьких детушек.

Служба царская немилостивая —
Закричали зычным голосом:

— Заб्रивайте добрых молодцев,
Так ведь мать стала старшенька,
Так уж делать было нечего,
Взяли моих сердечных детушек...

ВЫНУЛ Я ЖРЕБИЙ НЕДАЛЬНИИ

Вынул я жребий недалний,
С виду мне крикнули „гож“.
Что же так смотришь печально?—
В военную службу пойдешь.
Глянь-ка, сынки богатеев,
Смажут кого, кое-где,
Дома остаться сумеют,
Ты же служи за него.
Дома же с горя зальется
Мать и жена и отец,
Ну, да небось обойдется,
В военную службу пойдешь.
Военная служба в войске,
Служба там — пуля, штыком,
Чтоб справляться — „геройски“
С братом своим — мужиком.
Если забитый рабочий
Вздумает только вздохнуть,
Гибнуть за грош не захочет,
Целься верней ему в грудь.
Вспомнишь, как, может, бывает,
Как это братья твои
Честным трудом добывают
Хлеб для голодной семьи.
Как их теснят, угнетают,

Как богатеи из них
Слезы и пот выжимают,
Вспомнишь далеких родных.
Вспомнишь, что может придется
Несть самому этот гнет,
Сердце от боли сожмется,
Стыд кровью щеки зальет.
Совесьть отгонит отвагу,
Дрогнет на брата рука,
Вспомнишь устав и присягу —
„Бей подлеца — мужика“.
Правду, заветы святые,
Поп уж давно извратил,
Вспомнишь права крепостные,
Что тогда поп говорил.
Разве не поп равнодушно
Связанных в церкви венчал?
На смерть пороли в конюшне,
Поп тут чего же молчал?
Поп не видал, как меняли
На кобелей мужиков,
Как от детей угоняли
Их матерей и отцов.
Ведь в царские спальни водили
Прямо из церкви невест,
Но где же попы тогда были,
Где ж был Евангель и крест?

.

„Дальше несколько строк забылись. Помню, что песня кончалась словами „Свободным ты будешь на век“. — говорит Иван Игнатьевич Копосов.

Этот интересный вариант был мало распространен среди рабочих. Гораздо большей популярностью пользовался вариант, записанный нами под заголовком „Рекрутчина“, певшийся на мотив песни „Гибель Варяга“.

РЕКРУТЧИНА

Вытащил жребий недальний,
Смерили, крикнули: „гож!“
Что же ты смотришь печальный,
Ведь в царскую службу идешь?
Ведь царская служба могуча,
Много там пуль и штыков,
Чтоб справляться „геройски“
С братом своим — мужиком.
Ведь если голодный, холодный
Вечно оборван мужик,
Хлеба захочет до-сыта —
В глотку вопьешь ему штык.
Но если заводский рабочий,
Не в силах он больше вздохнуть,
То вспомни устав и присягу,
Целься верней ему в грудь...

III.

О КРАСНОЙ АРМИИ

„Мы оборонцы с 7 ноября (25 октября) 1917 г. Мы за „защиту отечества“, но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за советскую республику, как отряд всемирной армии социализма“.¹ И это определение великого Ленина отразилось и в песнях о старой и о новой, революционной армии. Песни и частушки о первой в истории человечества регулярной и дисциплинированной, мощной и технически оснащенной армии трудящихся пронизаны духом советского патриотизма, беспредельной преданности и безграничной любви к родине. Мы приводим в виде примера пять частушек о Красной Армии, записанных от молодых рабочих: А. М. Пиганина и Н. И. Ших и партизанскую песню, записанную от группы партизан.

Скоро, скоро снег растает,
Скоро с речки лед сойдет.
Скоро, скоро мой миленок
В Красну Армию пойдет.

¹ Ленин „Главная задача наших дней“. Соч., III изд. М.—Л., 1931 г., т. XXII, стр. 378.

Паровоз пары спускает,
По дороженьке бежит.
Собирайтесь-ка ребята,
В Красну Армию служить.

Прощай, братец дорогой,
Не забывай сестрицу.
Знаю, в Армию идешь,
Охранять границу.

Не плачь, милая моя,
Я не уезжаю.
В Красну Армию иду —
Долг свой выполняю.

Был я парень ничего,
Но всегда ругался.
В Красну Армию попал,
Перевоспитался.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

Партизанский наш конный отряд,
Для него никаких нет преград.
Командир наш — герой,
Он веселой порой
Впереди на коне ведет строй.
Так пойдем же, сестрица, с тобой,
Так пойдем на кровавый тот бой.
Видешь солнце и звезды
Так ярко горят,
Про свободу на весь мир говорят.
Если буду убит я в бою,
Поспешి взять винтовку мою.
Ты садись на коня,
Не страшись ты огня,
Отомсти ты врагу за меня.
— Я готова, товарищ, с тобой,
Я сама закаленная бронь,
Мне надо коня,
Не страшусь я огня.
Есть винтовка и штык у меня,
Отомщу я врагу за тебя.

Песня партизанского отряда, в котором сражались и огне-
заводские рабочие.

В этом отделе приводятся песни, которые были распространены не только среди рабочих Онежского завода, но и по всей России. Но, разумеется, нами здесь даются лишь немногие песни революции, даются только те из них, которые в Петрозаводске пелись иначе, чем в других городах, в которых изменялись отдельные куплеты, вставлялись новые и т. д.

Сюда же мы относим и фольклорные переделки литературных песен и стихотворений: вариант пушкинского „Узника“, стихотворений Н. А. Некрасова, И. С. Никитина и других народных поэтов.

Большое количество революционных песен было занесено на Онежский завод рабочими, высланными после 1905 г. за участие в революционном движении из Петербурга и приехавшими в связи с этим в Петрозаводск. Так появились в Петрозаводске общереволюционные гимны, получившие широкое распространение среди рабочих. Из этих массовых революционных песен мы печатаем „Варшавянку“, сохранившуюся в рукописных списках в архиве Жандармского управления.

ВАРШАВЯНКА

Вихри враждебные вьют над нами,
Темные силы нас грозно метут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Великой борьбы за рабочее дело,
За лучший мир, за святую свободу.

(Припев): На бой кровавый,
Смелый и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ.

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли больше мы, братья, молчать
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

(Припев)

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа страдальца мы чтим.
Кровью народной залитые троны
Мы кровью наших врагов обагрим.

Мечь беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
И смерть всем царям — плутократам,
Близок победы торжественный час.

(Припев).

В этом списке пять отклонений от обычных печатных текстов. Наиболее значительны:

1) Замена слов „народное дело“ словами „рабочее дело“ в 3-й строке второго куплета;

2) Замена в припеве слов „на бой кровавый, святой и правый“ словами „на бой кровавый, смелый и правый“.

Песня эта переведена с польского языка Г. М. Кржижановским во время заключения его в Бутырской тюрьме (Москва) в 1897 г. Она получила быстрое распространение по всей России, неоднократно перепечатывалась; на ее мотив сочинялись другие слова.

ЧАСЫ БЕГУТ

Часы бегут,
Тяжелый труд
Ничем не нарушая.
Ох, тяжела,
Невесела
Ты, жизнь трудовая.

Средь горя, бед
Во цвете лет
Мы силу — мощь теряем.
Наш лучший плод
Среди невзгод
Безвременно роняем.

У нас всегда
Одна беда
Сменяется другою,
Покуда гроб
Засыпет поп
Могильною землею.

„КОЛЫБЕЛЬНАЯ“

Спит Россия, не проснется,
Баюшки баю,
Будет время, встрепенется,
Гибель увидя свою.

Желтый враг тебя в науке
Много, много обогнал,
Не сидевши сложа руки
И как ты не спал.

Он и рать свою умножил,
Баюшки-баю,
В половину уничтожил
Армию твою.

Водишь ты в мундирах рваных
Армию свою.
Миллионы спят в карманах,
Баюшки-баю...

Пелась в 1905—1906 гг. Относится к русско-японской войне.

ДУДА

Собирайтесь-ка ребята,
Поскорей, грянем песню
Мы крестьянскую дружей.
Полно нам под дудку,
Дудку барскую плясать.

Не пора ли на своей дуде сыграть?
Сколько времени на нашу на беду
Господа да кулаки дудят в дуду.
А начальство, знай, похлестыват кнутом,
Чтоб мужик резвей выкидывал козлом.

Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний, зная, летит.
Чиновье да кулаки берут гроши,
Очень-де крестьянски деньги хороши.
Тут и поп, гляди, акафисты поет,

А руками тоже денежки гребет.
Ах ты, подлый, долгогривый,
Сатана, ведь и так,

Поди, давно мошна полна.
До каких же пор нам, братцы, все плясать?

Нет, давайте, на своей дуде сыграть.
Пусть теперь попляшет это воронье,
Растрясет маленько черевое свое.

ТРУД ДА ГОРЕ

Труд да горе, капли пота
пополам с слезой
За тяжелою работой
с вечною нуждой.

Ломота в костях, мозоли
с грязью на руках,
Жизнь без счастья и доли
в четырех стенах.

Холод, голод, утомление
жизнью и трудом,
То попрек, то унижение
перед богачом...

Солнце весело проглянет,
птичка запоеет,
Песню ей в ответ затянет
чуть не весь завод.

Из грудей рабочих льются,
плачут голоса.
А над песнею смеются
взмахи колеса.

ОТПУСТИЛИ КРЕСТЬЯН НА СВОБОДУ

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля
Только землю не дали народу—
Вот вам милость дворян и царя.

Мужики без земли пропадают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работы свои.

Притесняет нас земский начальник,
А урядник вздохнуть не дает,
Поп пугает нас адом кромешным
И последок за требы берет,

Лошадей отбирают за подать,
Коровенку и ту барин взял,
Без скотинушки как нам работать,
Знай, тверди „это бог наказал“.

Чтобы с голоду нам не подохнуть,
На богатых работать идем,
И живет эта жадная свора
Исключительно нашим трудом.

Сыновей у нас гонят в солдаты,
Научают из ружей стрелять,
Для того, когда все мы восстанем,
Чтоб могли они нас расстрелять.

Но довольно терпеть нам обиды,
Пред богатыми гнуться в дугу,
Разогнем мы могучую спину
И покажем мы силу врагу.

Сыновей не пошлем мы в солдаты,
Только тем и окончит война—
Наберем мы охотников тотчас
И тогда всем врагам уж беда.

И помчимся могучею ратью,
Разгромим мы дворец богачей,
Воротим себе матушку-землю
И не станем платить податей.

Так поднимемся, братцы, мы смело,
И опять у нас будет земля,
И на горьких осинах повесим
Всех попов (и дворян и царя)...

Отобрано у Акима Васильевича Почанского на пересыльном этапе в гор. Вытегре. „Отдавая начальнику тюрьмы это стихотворение, Почанский высказал, что он хотел познакомить с ним крестьян Каргопольского уезда“. (Из докладной записки губернатора Н. Протасьева начальнику Олонецкого Губернского Жандармского Управления 10/IV 1906 за № 1465). Последних слов, взятых в скобки в листовке нет, они восстановлены по другим текстам.

Известны большевистские варианты этой песни. Публикуемый нами очень близок к большевистскому тексту, напечатанному А. Дымшицем по листовке Донецкого союза РСДРП(б) (1905).

КАМАРИНСКАЯ

Эх же, прост же ты, рабочий человек.
На богатых ты гнешь спину целый век.
У Морозова у Савушки завод,
Обирают там без жалости народ.

Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости:
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,

Канцелярия составила
Для рабочих пункты—правила.
Положили кары грозные,
Наказания серьезные,

Обирают по-законному,
Применяют по-ученому.
Эх, у Савушки палатушка ума,
От того, что, знать, полна его сума,

Загорелся раз у Савушки завод,
Разбежаться стал испуганный народ.
Дали Савве знать об этом в телефон,
Как ошпаренный, примчался мигом он.

„Что ж, имущество должно мое сгореть?“
Приказал немедленно ворота запереть,
Не велел пускать с завода ни души,
Там уж хочешь, иль не хочешь, а туши.

Эх, уж Савушка умом умен-умен,
И начальством он за это оплачен.
Почитается, как знаменитый дворянин,
Принимается, как знатный—важный господин.

Савва, жирная скотинушка,
В три обхвата животинушка,
Он живет себе с отрадою,
Умывается помадою.

Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
Собирали как-то деньги на собор,
На заводе велел Савва сделать сбор:

— Подавайте с каждой хари четвертак,
Все равно снесете деньги вы в кабак.
Подчинилися приказу дураки,
Понесли они свои четвертаки.

От покорности убогих дураков
Понастроены все сорок-сороков—
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,

А для нашего спасенья
Получает воскресенье,
Чтоб безропотно трудилися,
Да молитвою кормилися.

Чтоб не ели в пост скромного,
Поведенья были скромного
Чтоб начальству подчинялися,
Да иконам поклонялися.

Соусердие чудесное—
Введем в царствие небесное.
Эх, наставники духовные,
Проповедники церковные,

С виду божие угодники,
Втихомолку—греховодники,
У вас брюхи очень пухлые,
Ваши речи очень тухлые.

Эй, ребятушки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку (мы большую отольем),
Эту пушку (духовенством) мы набьем.

Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса.
Служим кровью, служим кровью,
Мы купецкому сословию

А и царское правительство
Покрывает все грабительство
Издает законы многие
Для рабочих очень строгие,

Да и без всякого стеснения
Учиняют притеснения.
На купцах стоит теперича земля,
Нету силы против батюшки-рубля,

Ох, уж эти-то купцы, купцы, купцы.
Обиратели они и подлецы,
Вы, ребяташки фабричные,
Обирательству привычные,

Уж найдете вы управушку
На мироеда на Савушку,
Покажите молодечество,
Выходите на купечество,

Подымайся, как единый человек,
Давай клятву нерушимую,
Во-век дружно, крепко за товарищей стоять,
Ни на шаг один назад не отступать.

Песня сложена на мотив известной народной песни о ка-
маринском мужике, текст которой был написан поэтом
Л. Н. Трефоловым.

Упоминаемый в песне Савва Т. Морозов, б. владелец
известной Морозовской мануфактуры в Иваново-Вознесенске.
Песня была хорошо известна и в Петербурге, и в Карелии,
и на Юге, и на Урале.

В нашем тексте, по сравнению с опубликованным в пе-
чати, отсутствует куплет о содержанках Морозова и попорчен,
очевидно, переписчиком куплет, восстановленный по другим
вариантам также как и отдельные слова других куплетов,
заключенные в скобки

Служим потом, служим кровью
Мы купецкому сословью.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Ах ты доля, моя доля,
Доля бедняка,
Тяжела ты, безотраднa
Тяжела, горька.

Не твою ли, бедняк, хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую соломку
Разметал, раздул.

Не твои ли, бедняк, дети,
Ходят босиком,
Не твоя ль жена в лохмотьях
Просит под окном.

И не ты ль, бедняк, последним
Гостем за столом,
И тебя, бедняк, обносят
Чарою с вином.

Встань, проснись, отряхнись,
На себя погляди,
Ведь ты был молодой,
А что есть у тебя?

Ни кола, ни двора,
Зипун—весь пожиток.
Вот живи, не тужи,
Умрешь—не убыток.

Хоть ты плачь, хоть не плачь,
Слез никто не видит,
Затоскуй, загорюй,
И курица обидит.

Богачам—дуракам
И с казною не спится,
Бедный гол, как сокол,
Поет, веселится.

Он поет, он поет,
Ветер подпевает,
Уходите, богачи,
Беднота гуляет.

Беднота гуляет,
Грозы дожидает.
Вот пришла гроза,
Беднота открыла глаза,

И пошла тогда гулять
С буржуями воевать.

Эта песня представляет исключительный интерес. До слов „ни кола, ни двора“ она почти дословно варьирует стихотворение И. З. Сурикова „Доля бедняка“. Дальше идет трансформированный отрывок из стихотворения И. С. Никитина— „Песня бобыля“ (1858 г. См. И. С. Никитин, Избранные произведения, Воронежск. Издат., 1935, стр. 68).

Концовка песни о борьбе с буржуями оригинальная и добавлена, повидимому, уже после Великой Октябрьской Социалистической революции.

ПЕСНЯ О БЕДНОТЕ

Ах, беднота ты, беднота . . .
Солдатик на службу пошел с малых лет.
Не легка, брат, солдатская служба—
Много вынес ты горя и бед.

Тебя рано на службу забрали,
Вас два сына всего у отца,
И пошел ты служить со слезами,
Проклиная вампира-царя.

На занятие тебя лишь погонят
От зари и до поздних часов,
И прослужишь всю службу, бедняжка,
Не услышишь ты ласковых слов.

Будешь есть ты горячую пищу
И не будешь ты рваный ходить,
А за это начальство в награду
Из тебя твою кровь будет пить.

Будет бить тебя взводный по морде
И фельдфебель ногами пинать.
Через них попадешь в батальоны,
Чтоб тюремную жизнь испытать.

Попадешь ты, бедняга в чахотку,
В околотке ты будешь лежать,
И на волю смотреть сквозь решетку,
Молодую жену вспоминать.

Нос опустишь и руки ослабнут,
От занятия вся высохнет грудь,
Белые руки твои исхудают
И не даст тебе кашель вздохнуть.

Ты не плачь по ночам втихомолку,
Понапрасну ты слезы не лей,
А бери поскорее винтовку,
Кровопийцев своих перебей!..

ИЗМУЧЕННЫЙ, ИСТЕРЗАННЫЙ

Измученный, истерзанный
Работой трудовой,
Идет, как жизнь загробная,
Наш брат мастеровой.

Придет зима холодная,
Ему расчет дадут,
И с ним семья голодная —
Вся по миру пойдет.

В деревне тоже голодно,
Одна лишь нищета.
И холодно и голодно,
Нужда, нужда, нужда.

Константин Александрович Копаев, от которого записана эта песня, говорит, что в ней поется о рабочих газового цеха старого Александровского завода, где работа была особенно тяжела и вредна для здоровья и где, особенно ночью, рабочие часто отравлялись. Варианты этой песни записаны нами от многих рабочих и их жен: А. И. Вавилиной, от Е. С. Григорьевой, которая слышала песню, когда была с мужем в

есылке в Кадникове, Вологодской губернии. Трудно назвать завод, где бы не знали этой песни, попавшей в рабочую среду из песенников. В устном бытовании она подвергалась неоднократным переделкам. На сормовских заводах, например, после временного поражения революции в 1906 г. к песне были прибавлены такие строчки:

... Везде наше бесправие,
Везде наша беда.
Куда ни кинься в сторону—
Исправить бы беду,
Но, смотришь,—вдоль дороженьки
В тюрьму наших ведут.

Призывом к борьбе, к свержению царской власти звучат строки этой же песни, сложенные петроградскими пролетариями:

Не стой, не стой отчаянно
В могильной мастерской,
Свергай ты паразитов тех
Могучею рукой!..

Подробнее об этой песне рассказано в статье А. Дымшица „Основные вопросы исторического изучения фольклора фабрично-заводских рабочих“ („Натиск“, Горький, 1935, № 8—9, стр. 99—105).

УЗНИК

Сижу за решеткой
В темнице сырой,
Вскормленный на воле
Орел молодой,

Мой грустный товарищ
Махает крылом,
Кровавую пищу
Клюет под окном.

Клюет и бросает,
Сам смотрит в окно,
Как будто со мною
Задумал одно.

Зовет меня взглядом
И криком своим
И вымолвить хочет:
„Давай, улетим“.

— Нельзя мне, товарищ,
С тобой улететь:
Судьбой суждено мне
В тюрьме умереть.

Закованы руки
И ноги в цепях,
Нет силы могучей
В иссохших грудях.

— Мы вольные птицы,
Пора, брат, пора,
Туда, где за тучей
Чернеет гора.

Туда, где морские
Синеют края,
Туда, где гуляют
Лишь ветер... да я!

Написанный Пушкиным на основе изучения казачьих и разбойничьих песен „Узник“ (1822 г.) вернулся в фольклор и бытовал как в крестьянской (см. статью на эту тему в „Пушкинском сборнике“ под ред. Кирпичникова—1900 г., стр. 56), так и в рабочей среде. Так, экспедицией 1935 г. в Горьковский край записано от рабочего Сормовского завода В. Г. Иванова, следующий вариант „Узника“, представляющий контаминацию Пушкинского и Никитинского стихотворений:

На диком кургане
В широкой степи
Прикованный сокол
Сидит на цепи.
*Кровавую пищу клюет,
Печальную песню поет.
Сидит он уж тысячи лет*

А воли все нет ему, нет,
А степь широка, широка . . .

На Онежском заводе записаны и другие варианты от В. В. Чижикова, от Н. Н. Дорофеева. Мотив, распространенный на Онежском заводе, отличается от наиболее распространенного мотива романса композитора Гречанинова.

СТЕПАН РАЗИН

Точно моря в час прибоя
Площадь Красная гудит.
Что за говор средь народа
У места лобного стоит.

Нет ни облачка на небе —
Солнце ярко, ясный день,
Плаха черная широка
Далеко бросает тень.

Вдруг толпа заколыхалась,
Проложил дорожку кнут,
Той дороженькой широкой
Степана Разина ведут.

Голова казацка сбрита,
Брови черные, как смоль,
На лицо не изменился, —
Храброй поступью он шел.

По ступеням он на плаху
Быстрой поступью взошел.
Не помолившись на собор
И ведет он речь такую,

Что услышал весь народ.
„Прощай-ка, Русь наша широка,
Прости меня, народ честной,
Что не мог я вас избавить
От проклятых палачей“.

А палач в красной рубашке
Высоко занес топор,
Покатилась с плеч могучих
Атамана голова...

Из песен о Степане Разине эта песня, являющаяся переделкой известного стихотворения И. Э. Сурикова, была наиболее распространена в рабочей среде. В Петрозаводске пели ее на обычный мотив. Приводимый вариант в значительной мере переосмысляет песню. Александр Николаевич Огарков, от которого она записана, особенно подчеркивал, что в песне говорится о безбожии Степана Разина, о том, что он, войдя на помост со смертной плахой, не помолился на собор. Выброшено в варианте тов. Огаркова и обращение Разина к православной Руси; образ Степана дается как образ вождя народного восстания.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

На Онежском заводе записано много лирических песен. Все песни без исключения записаны от рабочих и работниц или членов их семей. Среди рабочих есть мастера и знатоки песенного жанра: Евдокия Ивановна Чехонина, Мария Андреевна Бриткина, Иван Акимович Вепрев и другие. Многие песни относятся к далекому историческому прошлому нашего народа. В них поэтому много народной тоски, горя, обиды. Их помнят преимущественно старики и любители старых народных песен.

* * *

Что ль по морю, морю синему
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми, со малыми,
Со малыми со утятами.
Плывши лебедь, плывши лебедь,
Плывши лебедь встрепянулася
Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася.
Откуль взялся, откуль взялся,
Откуль взялся добрый молодец-душа,
Стрелил эту, стрелил эту,

Стрелил эту бел-лебедушку.
Разнес перья, разнес перья,
Разнес перья по чистому по полю.
Мелкой пушок, мелкой пушок,
Мелкой пушок по зеленому лужку.
Откуль взялась, откуль взялась,
Откуль взялась красна девица-душа.
Брала перья, брала перья,
Брала перья во постелюшку.
Мелкой пушок, мелкой пушок,
Мелкой пушок во подушечку
Милу дружку, милу дружку
Милу дружку во зголовьице.
Пущай мил спит, пущай мил спит,
Пущай мил спит во здоровьице.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого
Выросла туча темная.
Туча темная, очень грозная
Со ветрами, со морозами,
Со великими угрозами.
В эту большую погодушку
Дочь от матери уехала,
Уехала не простилася,
В темном лесе заблудилася.
С молодцом думушку думала,
С соловьями речь говорила:
„Соловей мой, соловеюшко,
Соловей мой, пташка вольная,
Ты слетай в родиму сторону,
Снеси батюшке низкий поклон,
Родной матушке—обидушку,
Зачем молодость повыдала
На чужу, дальню сторонушку,
На великую заботушку.
Как вечер ли меня молоду
Посылали в полночь по воду,
По холодну ключеву воду.
Прихожу я на Дунай-реку,
Там сидели гуси-лебеди

Помутили воду светлую.
Уж я час ли гусей гнала,
Другой час я воды ждала,
Третий час я воды черпала,
На четвертый домой пошла.
Прихожу я ко широку двору,
Ко широку ко свекровину.
Уж как свекор журит-бранит,
А свекровушка бить велит,
Да спасибо золовушке,
Нашей белой лебедушке,
За меня младу заступилася,
Свекору в ноги поклонилася...

Свадебная песня. Вариант этой песни был помещен
в сборнике песен 1780 г.

* * *

Во лужях, во лужях,
Там во лужях зеленые сады,
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая,
Шелкова, да шелкова.
Шелкова трава не топтаная,
Не топтана, не топтана,
Не топтана, да не ворована.
Уж я с той травы, уж я с той травы,
Уж я с той да выкормлю коня.
Выкормлю, выкормлю,
Уж я выкормлю, выглажу его,
Уберу, да уберу
Коня в золоту узду, серебряную.
Подвяду, да подвяду
Подвяду я коня к родному,
К родному, к родному
Ко родному, да батюшке.
Батюшко, да батюшко,
Уж ты батюшко, родимый мой отец,
Ты прими, ты прими,
Ты прими, да слово ласковое,
Ласково, да ласково.
Слово ласково, да приветливое,
Не отдай, да не отдай,

Не отдай меня за старого замуж.
Старый муж, да старый муж,
Старый муж да загубит меня.
Погубил, да погубил,
Погубил мою головушку.
Погубил мою победную.
Всю красу, да всю красу,
Всю красу, да красу белую
Всю красу, да красу белую.

* * *

И льнетя, и льнетя да уж как
Травка зелена,
Ой, целует, милует,
Ой, целует, милует,
Душечкой назовет:
„Душечка, Настенька
Сердце Андреевна,
Ой, спороди сынушка,
Ой, спороди сынушка.
Сына ясна сокола,
Такого же, как и я:
С бровками черными,
С глазками веселыми,
За услугу за твою
Куплю пару парчеву,
Солью перстень золотой,
При беседе подарю.
Носи душа, ни жалея,
Качай сына, бай-люли“.

БАЙКИ

Люли, люли люленьки,
Прилетели гуленьки,
Сели возле люленьки.
Стали гули ворковать
Стала дочка засыпать.
Баю, баюшки баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять
Крепко сына будет спать.

В некоторых байках говорится о смерти ребенка; смертность детей в семьях рабочих была до революции очень велика. В каком положении находилась женщина-мать, которая не могла ждать поддержки для воспитания своего ребенка, достаточно красочно говорят эти строки:

Бай-люли, бай-люли
Хоть сегодня помри,
Уж как завтра мороз
Отнесем на погост,
Послезавтра второй,
Придем плакать над тобой.

КРАЙ ДОРОЖКИ

Край дорожки, край почтовой
Там стояла зеленая роща,

Вот роща...

Что ль во этой во зеленой роще
Там стояла матушка зеленая елинка.
Вот елинка, распрекрасная деревинка.
Что ль на этой на деревинке
Сидела вольна птица пташка,
Горе-горькая серая кукушка.
Она не кукует, все она горюет,

Вот горюет...

Под елинушку часто все взирает,
Под елинушку лежал молодчик
Не убитый, а весь израненный,
Вострым ножичком весь исколон,
На ем была белая рубашка
От крови стала она кумачна,
„Распуститесь-ка вы, прутики, ветки,
Призакройте мое тело бело, .

Чтоб птица тело мое не клевала бы,
Ветром тело не сушило бы,
Дождем мое тело не мочило бы“.

Существует легенда, будто бы: „Жил в Петрозаводске один человек, который боролся с буржуями, его убили и похоронили у почтовой дороги, на опушке сосновой рощи. И теперь еще стоит несколько сосенок на окраине города“.

Одна работница вместе со своей дочерью сложила эту песню о нем, и пели ее они тайком.

* * *

Кофеишко грешного
С месяц не пила,
Сварила сердечного
И то пролила.
С той с тоски, с досадушки,
Пойду в зеленый сад,
Сяду, красна девица,
Под еловый кусток.
Выслушаю красная,
Как пташки поют,
Поют, поют пташечки,
Разгурхивают,
Мне ли, красной девице,
Разлукушку дают.

* * *

Снежки белые, пушистые,
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли
Горя лютого моего.
Пойду с горя в чисто поле,
Сяду я на бугорок,
Посмотрю в дальню сторонку,
Где мой миленький живет,
Слеза канет, снег растает,
Травка вырастет на нем.
Никто девушку меня не любит,
Никто замуж не берет.

* * *

Маменька—голубушка,
Солнышко мое,
Пожалей, родимая,
Да дите свое.
Все три дня тоскую я,
Друг меня забыл,
Дай скорее снадобья—
Дружка приманить.
Или сердцу бедному
Запретить любить.
Нет, моя родимая,
К сердцу не клади,
Легче вырвать все его,
Из своей груди.
Как ласкал и нежил он,
Бедную меня,
Круг его могучего
Я как вьюн вилась,
Жизнь моя счастливая,
Как река лилась.
В хороводах, в игрищах,
Ясный сокол мой,
А теперь уж мой милой
Стал, как лед зимой.

Меня маменька будила,
На головушку солнышко пекло.
Когда девица вставала
Самоварики были налиты.
Когда девица платице надевала
Самоварики кипели на столе.
Когда девица личико умывала
С чаем чашечки были налиты.
Чаю, кофею девушка напилась,
Во зеленый сад гулять пошла.
Всем подружкам девушка сказала:
Нам не для чего торопиться.
У родителей в доме хорошо,
В чужих людюшках рано утром будят,
На работу гонят до зори.
Нам чужая работа не под силу:
С той работушки рученьки болят,
Болят ручки, болят ножи.
От вздыхания бока грудь болит.
Как нанялся мой миленький на службу
На казенный на военный пароход,
Как послал он мне подарочек
Два платочка носовых.

Как на одном ли на платочке
Списана моя любовь.
На другом ли на платочке
Откажусь да от тебя...

Каждая строчка повторяется два раза.

Заболела головушка,
Я не знаю, как и быть.
Своего дружка милого
Не могу с горя забыть.
Я куда ни пойду с горя
Везде скучно мне без дружка;
Я кому ли ни скажу про печаль,
Все поплакать мне велят.
Ты плачь-ко плачь, девица,
Погорюй, бедна, по нем.
По великому по горюшку,
По несчастью своему,
Проторил подлец дороженьку,
Сам не стал больше ходить,
Пропустил худую славушку
Не стал девушку любить...

* * *

Счастливым путь-дорожка,
Куда, милый, едешь.
Уж как я бедна, несчастна,
Одна остаюся,
Одинокою остаюсь,
В чистом поле нахожусь.
Во чистом поле,
При широкой долине,
Стояла калина.
„Стой, кудрявая калина,
В поле, не шатайся,
Живи, Машенька милая,
Живи, не скучайся.
Случай будет, съезжу в Питер,
Привезу подарки,
Привезу честной подарок
Кумачу—китайки“.
„Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Случай будет, съезди в Питер,
Привези подарочек—
На руку колечко,
На правую ручку,
На левый мизинец
Золотой перстенец“.

* * *

Не ходил бы, не гулял
По этой по улице,
Не глядел бы, не смотрел
На это окошечко.
Что ль у этого окна
Сидит красна девица,
У ней русая коса
Мелкоплетная.
В этой русой косе
Была лента алая,
Лента алая,
Дуня девка бравая.
Пока Дуняшу любил
Я, молодчик, счастлив был,
Как от Дунюшки отстал
Вовсе разнесчастный стал.
Разнесчастный стал,
Во тюрьму попал,
Во тюрьме ль я сижу,
Все в окно гляжу,
Что ль не придет ли моя милая,
Что ль не взглянет ли она в окошечко,

Е. И. Чехонина.

Не спромолвит ли она словечушко,
Не обрадует ли мое сердечушко,
Не подаст ли она мне правой рученьки,
А с правой рученьки колечушко.

Песня представляет фольклорный вариант песни поэта Ниркомского (см. „Песни русских поэтов“, 1936); получила широкое распространение. Фольклорные варианты этой песни резко отличаются от первоначального печатного текста.

* * *

Что ж ты, Ванюшка, не весел,
Буйну голову повесил

Да повесил...

На сегодняшний день скука,
Пришла с миленьким разлука,

Да разлука...

Разлучает нас неволя,

Что ж неволя, не охота,

Да не охота...

Чужедальняя сторонка,

Питербургская дорожка,

Да дорожка...

Что ж да по этой по дорожке

Сколько я разиков ходила,

Да ходила...

* * *

Я вечер своего дружка унимала
Ночку ночевать.
Поночуй ночку у меня.
— Я радешенек остаться —
Боюсь до свету просплю.
Не бойся, мой любезный,
Я пораньше разбужу.
И подальше провожу.
Я до тех пор провожала,
Где скончалась наша любовь,
Где скончалась, распрощалась
Слезно плакала по нем.
Быстро реченька протекла,
Речка хомутистая.

* * *

Что ж ты, Машенька, радость, приуныла,
Призадумавшись, радость, сидишь?
Вечер пела, радость, говорила,
Со подруженькой, радость, со своей.
Веселитесь, вы, мои подруженьки,
К вам весна-красна скоро придет,
Весна придет, солнышко взойдет.
Сгонит снежки с полюшка мороз,
Расцветут ли в поле алые цветочки,
Все ль ракитовы мелки кусты.
Между этими мелкими кусточками
Быстрая реченька Волга протекла.
Что ль на эту на быстру на реченьку
Гулять с милым дружкой выхожу.
Выхожу ли я со своим любезным,
Тоску, горюшко, печаль выношу.
— Ты неси-ко, неси, неси быстрее реченька,
Тоску, горюшко, печаль за собой.
Не несет ли волна всю тоску-кручинушку
Да не тонет ли моя печаль.

Каждая строка повторяется 2 раза.

* * *

А повадился Иванушка
За реченьку ходить,
Слободских девок любить,
Им подарочки дарить.
Дорогой честной подарок
Два колечка золотых,
На одном ли на колечке
Было написано: „любовь“,
На другом-то на колечке:
„Убирайся прочь от меня“.

Каждая строчка повторяется два раза.

Об этой песне и следующей за ней— „городскими хоро-
водными“ Евдокия Ивановна Чеховина говорит: „Мы раньше
хороводы водили. В Петровский сад¹ пройти стоило 3 ко-
пейки, где же нам! Некоторые песни сами сложили“.

¹ Городской сад в Петрозаводске.

Запоем-ка „молодку“ во всю глотку:
„Молодка моя молодая,
Разлапушка—цветик дорогая.
Ты должна вдоль улицы ходити
Черной грязи топтати,
И по милом тосковати“.
„Как же мне по милом не тужить!
Больше мне в жизни его не нажить,
Из ростом в росту красотою
И молодецкой поступкой“...
Как вечер мы беседашки сидели
И с милым побранились.
Побранка наша была с ним небольшая
Назвала мила дружка негодным,
Негодяй негоден
Милый дружочек.

СНЕГИРЮШЕЧКА

(Баллада)

Снегирюшечка по сеничкам похаживала,
„Что ты, Снегирюшечка, не женишься?“
— Рад бы я жениться, да некого взять:

Пернатка—матка,
чечетка—тетка,
синичка—сестричка,
некого мне взять.

Есть за морем птичка—репеличка,
Которую я люблю,
За себя замуж возьму.
Старый дрозд пивоваром был,
Пиво варил, солоду купил,
А хмеля в займы взял.
А у них была лошадка
Без шлеи, без хомута,
Верно чорт на ней ехал,
Да на грех с дороги съехал.
На берегу крикнул грач,
И она пустилась вскачь.
В доме все перепугались,
И дьячка искать пускались...

Наконец дьячка нашли,
В дом без чувства принесли,
Напоили, накормили
Разными травами.
Он Омелю призывал,
Своим голосом вещал:
„Ты, Омелюшка, Омеля,
Вот последняя неделя“,
Захрипел и растянулся,
Сам ко стенке повернулся,
Еще раз на свет взглянул
И копылыги¹ протянул.

¹ Ногви.

КУРОЧКА

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, курочку себе,
Курочка по селям песни поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, уточку себе,
Уточка с носка плоска,
А курочка по селям песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем-ка, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, гусенка себе,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
А курочка по селям песенку поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.

Купим мы, женушка, индюшку себе,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
А курочка по селям песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, барашка себе,
Барашек шадры-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
Курочка по селям песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, козочку себе,
Козочка гики-брики
Барашек шадры-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
Курочка по селям песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, коровку себе,
Коровка мыки-мыки,
Козочка гики-брики,
Барашек шадры-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,

Уточка с носка плоска,
Куручка по сеням песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, лошадку себе,
Лошадка иго-га,
Коровка мыки-мыки,
Козочка гики-брики,
Барашек шарды-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
Куручка по сеням песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, собачку себе,
Собачка гав-гав-гав,
Лошадушка иго-га,
Коровушка мыки-мыки,
Козочка гики-брики,
Барашек шадры-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го-го,
Уточка с носка плоска,
Куручка по сеням песенки поет.

Станем-ка, женушка, домик наживать,
Поедем мы, сударыня, на Шукин двор гулять.
Купим-ка, женушка, кошечку себе,
Кошечка мяу-мяу,
Собачка гав-гав-гав,
Лошадка иго-га,

Коровка мыки-мыки,
Козочка гики-брики,
Барашек шадры-барды,
Индюшка шулды-булды,
Гусенок го-го го,
Уточка с носка плоска,
Куточка по сеням песенки поет

ЧЕЧЕТКА

Ходила чечетка,
Ходила лебедка
Эх, на боярский двор,
Эх, на боярский двор.
Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно семь дочерей,
Эх, ровно семь дочерей.
Эх, Дарью да Марью,
Онисью, Федосью,
Окулину, Степаниду
Да седьмую Катерину.
Эх, душу Катиньку,
Да душу Катиньку.
Ходила чечетка,
Ходила лебедка
На боярский двор,
Эх, на боярский двор,
Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно семь зятевей,
Эх, ровно семь зятевей.

Ивана, Степана,
Сидора, Макара,
Матвея, Истигнея
Да седьмого Алексея,
Душу Олешенку,
Душу Олешенку.
Ходила чечетка,
Ходила лебедка
На боярский двор,
Эх, на боярский двор.
Прижила себе чечетка,
Прижила себе лебедка
Ровно двадцать внучат,
Эх, ровно двадцать внучат:
Два сидня,
Два лежня,
Два поползня,
Два у лавочки стоят,
Два на печки сидят,
Два учиться ходят,
Две Окульки в люльке качаются,
Две Оринки в перине брыгаются,
Две Танюхи у краюхи обедаются,
А на кутнике сметана.
У сметаны два Степана
Обжираются,
Эх, обжираются.

* * *

У игумена престрашного
Все монахи взбунтовались.
— Не хотим мы пить вина красного,
А станем пить вино белое.
Мы не будем есть телятины,
Подавайте-ка козлятины.
Вышли все на паперти,
Затянули ярославский стих:
„Выйду ль я на реченьку,
Посмотрю ли я на быстрю“ ...

* * *

Что ж ты идешь —
Не посвистываешь?
Гармонь потерял —
Не разыскиваешь?
Я по бережку иду
И посвистываю,
Гармонь нашел
Не разыскиваю.

ЧАСТУШКИ

Вижу озеро в тумане,
Чайка вьется над водой.
Лет семнадцати мальчишечка.
Смеется надо мной,

Я на камешке стояла,
Бело платье полоскала.
Как увидела дружка,
Упадала в водушка.

Мне сказали, что измена,
Я расхохоталася.
Ой, какая же измена,
Я и не влюблялася.

Федя в лодочку садился
И наказывал друзьям:
Берегите мою Нюрку,
Не пускайте по садам.

Коля, Коля, колястый,
Паренек убористый.
Какой у Коленьки отец,
Такой же Коля молодец.

И. А. Вепрев.

Мою пол, мою пол,
Вымою крылечко.
Придет милый на беседу,
Подарю колечко.

Шила я, кроила я,
Юбку коленкорову.
Думала, гадала я,
Да вышло не по-моему.

Папиросочка душиста,
Задымилась сама.
Ах ты, Федя ненаглядный,
Сполюбила я тебя.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем вы будете.
Своего девчества
Вы вечно не забудете.

Наливай-ка, мамка, чаю,
Половина кофею.
По одном дружке скучаю,
По другому охаю.

Коля в горочку ставал,
Тальянку новую сломал.
Собирайте планочки
От Колиной тальяночки.

Горе плачет, горе скачет,
Горе песенки поет,
Горе, горе, где живешь?
В кабаке да в бане,
Горе, горе, что ты ешь?
Кирпичи да камни.

Девке скука, девке скука,
Надо к скуке привыкать.
Пришла с парочкой разлука,
Надо навек отставать.

Ох, как скучно, ох, как грустно,
Жить без милого дружка.
Лучше бы в море утопиться,
Со крутого бережка.

Я у Колечки в коморочке
Заваривала чай,
Мне-ка Колечка наказывал,
Уеду, не скучай.

Стой, машина, стой вагон,
Есть от милого поклон.
Чем поклончик посылать,
Лучше съездить повидать.

Наливай-ка, мамка, чаю,
В золотые чашки.
Ко мне миленький придет
В шолковой рубашке.

Занавески—сетки редки,
Чернобровую видать.
Как бы с этой чернобровой
Вечерочек погулять.

Не ходите, девки, замуж
Белые лебедушки,
После вас пойдут у нас
Веселые беседушки.

Скоро ль, скоро лед застынет,
Путь дорожинька пойдет.
Заонежские наедут,
У нас весельице пойдет.

Самовар без передышки
Пар пускает и поет,
И глотает щепки, шишки,
Пузу выпятив вперед.

Наша кухня просто чудо,
Красота и чистота.
Полки белые с посудой,
А в углу горит плита.

ПЕСНЯ ПРО КУЗНЕЦА

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет.
Стук-стук-стук, в десять рук
Приударим, братцы, вдруг.

Он идет, идет, идет,
Со свистом песенки поет.
Стук, стук, стук, в десять рук
Приударим, братцы, вдруг.

Полюби, душа Наташа,
Ты лихого молодца.
Стук, стук, стук, в десять рук
Приударим, братцы, вдруг.

Ты лихого молодца
Онегзавода кузнеца
Стук, стук, стук, в десять рук
Приударим, братцы, вдруг.

Рабочие Сормовского завода тоже поют эту песню, варьируя 4-й куплет: „Ты лихого молодца Сормовского кузнеца“. (Материалы экспедиции Академии Наук СССР, 1935 г. Сормово).

СКАЗКИ

Настоящий отдел далеко не исчерпывает все сказки, которые бытуют в среде онегзаводских рабочих и не охватывает всех сказителей. Вне сомнения, сказочный репертуар гораздо обширнее, а сказителей больше, чем мы даем в сборнике.

Сказка очень распространена и популярна на Онегзаводе. Сказку знает и старое и молодое поколение рабочих. Ее охотно и с любовью рассказывает и семилетний внук Н. И. Одинцова и семидесятидвухлетний старик-пенсионер Ф. П. Господарев.

Молодое поколение активно воспринимает сказку, учится мастерству рассказа у старшего поколения.

Успеху бытования сказки в г. Петрозаводске особенно благоприятствуют излюбленные петрозаводскими рабочими охота и рыбная ловля, на которые они отправляются в большинстве случаев группами на несколько дней или на ночь. У костра или в шалаше сказка — неотъемлемая спутница досуга любителей-охотников и рыболовов. Но сказки, нередко сказываются и в домашней обстановке в кругу родных и соседей.

Среди наших записей сказок особенно выделяются сказки Ф. П. Господарева; мастерство его можно поставить на один уровень с мастер-

ством таких замечательных носителей русской сказочной традиции, как Винокурова Н. О., Ломтев А. Д., Аксаментов Ф. И. и др.

Из так называемых волшебных сказок, обильно представленных в творчестве Господарева, мы помещаем три, являющиеся наиболее характерными для сказителя и интересными для читателей.

С каким искусством, с какой творческой силой Господарев разворачивает перед слушателями чудесно-яркое полотно волшебного сюжета! Сколько бытовых узоров! С какой поразительной четкостью выступают сквозь поэтическую фантастику сказки реальные общественные отношения. Герои в ней начинают жить настоящей полнокровной человеческой жизнью; в них — земная сила, кипучая деятельность, народная мудрость. Перед вами Иван и Роман — солдатские сыны — богатыри русской сказки. Они сильны, храбры, честны. Они — борники справедливости; полны ненависти к социальному угнетению. В них запечатлелись представления самого народа о героическом.

Сказка „Солдатские сыны“ вообще резко отличается от всех сказок на аналогичный сюжет детализацией и оригинальными бытовыми подробностями, отражающими среду, из которой вышел сказитель. Чрезвычайно, например, оригинален и интересен эпизод с пением „Дубинушки“ при добывании богатырского коня. Кроме того вся сказка носит ярко выраженный антипомещичий характер, что так же делает ее замечательным явлением в русской сказочной литературе. С наименьшим мастерством излагается Господаревым сказка „Незнайка“, которая в некоторых местах перекликается с русским былинным эпосом. Так, например,

не безынтересно отметить сходство в описании чудесного прибавления силы Ивану—купецкому сыну (стр. 195) с соответствующим местом из былины „Илья Муромец и Калики перехожие“.

„Он пошел—принес чашу в полтора ведра,
Нищей братии стал поднашивать
Ему нищи отворачивают;
Нищи братья у Ильи спрашивали:
— „Много ли, Илья, чуешь в себе силушки“.
— „От земли столб был бы до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,—
За кольцо бы вяял, святорусску поворотил“...

На этом примере, мы видим одновременно и жизненность былевой традиции в Карелии и родственность мотивов эпических жанров народного творчества.

Еще резче, нежели в „Незнайке“, подчеркивается бессилие и растерянность царских особ перед теми или иными бедствиями в „Иване—кузнецком сыне“. Господарев метко иронизирует над царями, которые выглядят ничтожно—слабыми, жалкими и смешными в сравнении с народными героями и их благородством и смелостью поступков.

Необходимо отметить сказителя - рабочего Н. И. Одинцова, который пытается по-своему переосмыслить старую сказку, приблизить ее к современности. В этом отношении интересна его сказка „Солдат в аду“.

Около 50 сказок знает страстный охотник и рыболов рабочий Вик. В. Чижиков. Печатаемые три записи его сказок только отчасти раскрывают перед нами мастерство и характер репертуара этого сказителя. Сказка „Беззаботный монастырь“ нарочито подчеркивает паразитическую, беззабот-

ную жизнь монастырей. В отличие от прочих сказок на однотипный сюжет в ней участвует не просто царь, а лицо конкретное—Петр I. „Охотничье-рыбачья шутка“ — сказка-небылица, плод фантазии самого автора. „Из всей когда-то слышанной небылицы—признается Чижиков—я запомнил лишь человека в дупле. Все остальное выдуманно мною на охоте и рыбной ловле для увеселения товарищей“. Но сказки Чижикова отнюдь не являются продуктом его личного художественного „фантазирования“. До известной степени „соучастниками-творцами“ его сказок являлись и их слушатели, понуждавшие его к дальнейшему развитию элементов социально-типического домысла и вымысла.

В историко-бытовых анекдотах, сильно распространенных как в рабочей, так и в крестьянской среде, выводятся в сатирическом аспекте главным образом различные представители помещичье-буржуазной России (попы, генералы и проч.). Особенно остро высмеиваются в записанных нами анекдотах попы, что подчеркивает наряду с революционным содержанием устного рабочего творчества и его антирелигиозную направленность.

Н. Новиков

ФИЛИПП ПАВЛОВИЧ ГОСПОДАРЕВ

Престарелый отец, сходя в могилу, давал заветы своим сыновьям:

— Ну, сыны, живите дружно, сообща, помощь оказывайте друг другу. Будете жить врозь — скрутит, сломит вас нужда. . .

В подтверждение правильности своих слов, как в сказке, старик предлагал рослым сыновьям поочередно ломать веник. Каждый силился, но сломать веник так никому и не удалось. Тогда отец вынимал из веника по отдельности прутья, и сыновья легко переламывали их. . .

В числе сыновей выслушивал завещание и молодой, крепкого телосложения Филипп.

С того дня прошли десятки лет, но слова отца до сих пор сохранились в памяти, хотя претвориться им в жизнь не было суждено. Со смертью отца развалилась семья. Одних бедность забросила далеко от родной деревни: ушли искать счастья в чужие края. Другие за „неблагонадежность“ были высланы полицейскими властями на далекие окраины. . .

Филипп Павлович Господарев родился в 1865 г. в 6. Могилевской губ., Рогачевского уезда, Старорудницкой волости, дер. Забавье. Отец — крепостной крестьянин помещика Башилова. Семья отца состояла из 13 человек. Земли было мало — всего два надела (10 десятин), жили впроголодь. С 12 лет Филипп стал выполнять крестьянские работы:

пахал на быках и лошадях, с сохой пришлось „помяться“ продолжительное время, а потом перешел к плугу с деревянным дышлом. В школе не учился, так как „отец по бедности не мог выплачивать за учебу“. С 15 лет Господарева отдают в ученики к местному кулаку-кузнецу, а от него он переходит в качестве молотобойца к помещику, где работает до 1903 г., одновременно занимаясь крестьянской работой. Новому хозяину-барину не нравился „мужик“ Господарев. Не нравился не потому, что Господарев числился никуда негодным работником-кузнецом. Напротив, он работал с увлечением, любил свое дело и всецело отдавался ему („работник — прямо-таки золотые руки“, — поговаривали о нем в деревне), да к тому же исправно вел свое собственное хозяйство. Не нравился барину Господарев за то, что последний слишком смело и открыто высказывал „дерзкие“, а подчас „бунтарские“ мысли, направленные против помещичьего гнета и произвола. С каждым днем все больше и больше обострялись отношения между „мужиком“ и барином.

„Припоминаю такой случай, — рассказывает Филипп Павлович, — раз помещик загнал мою лошадь за потрапу в загон, и вызывает меня к себе в усадьбу. Ну, я, конечно, пришел. Меня звали в кабинет. Вот помещик и спрашивает:

-- Твоя лошадь?

— Моя, — отвечаю.

-- А раз твоя — плати два рубля штрафа, иначе лошадь не отпущу.

Я преспокойно вынимаю ему два рубля. Положил на стол и говорю:

— Только, барин, дайте мне две копейки сдачи.

Барин на меня эдак косо посмотрел и спрашивает:

— А зачем тебе?

А я не утерпел и выпалил:

— Как зачем! Мужику нужно табаку купить на копейку, на другую спичек, закурить, да и вас подпалить!

Барин-то, видно, напугался, аж побледнел в лице. Отдал обратно два рубля, да еще пять рублей от себя дал, заговорил помягче:

— Что ты, Филипп, выбрось из головы эти мысли*.

Но „эти мысли“ не покидали Филиппа Павловича Господарева. В 1903 г. он принимает участие в крестьянском восстании (Могилевской губ.), являясь вожаком движения. Крестьяне самовольно жнут рожь на барских полях, захватывают и делят между собой помещичью землю и проч. После разгрома восстания, Господарева как „зачинщика“ в числе 9 человек организаторов и руководителей движения заключают на полтора года в тюрьму, а затем ссылают пожизненно в б. Олонецкую губ. (дер. Шуя).

С 1905 по 1917 гг. Господарев работает на Онегзаводе (б. Александровский) сварщиком. Среди стариков-рабочих его знают многие. Знают его и как хорошего сказочника и как силача (рассказывают, что в предреволюционные годы Господарев выступил публично померяться силой с борцом-профессионалом, который приезжал в Петрозаводск на гастроли, и поборол его). В 1917 г. в связи с пожаром на заводе оставился ряд цехов и часть рабочих была сокращена, в том числе и Филипп Павлович. Тогда он приобретает в Петрозаводске небольшую кузницу и до 1921 г. занимается кустарной работой, выполняя главным образом государственные заказы: ковка лошадей для отрядов Красной Армии, заказы для 8-го военного строительства и т. д.

С 1921 г. работает 12 лет кузнецом в артели возчиков. Сейчас живет в собственном доме с женой и взрослым сыном, получая пенсию и занимаясь временной работой в местном совхозе. Несмотря на то, что Филипп Павлович прошел тяжелый жизненный путь, несмотря на преклонные лета, на вид он еще крепкий, бодрый старик, балагур; песенник и замечательный сказитель-сказочник. Слушать и рассказывать сказки Господарев „приловчился“, как он сам выражается, с равни

лет. Острая память сохранила целый ряд сказочных сюжетов, слышанных сказителем еще в детские и юношеские годы от старика-крестьянина дер. Забавье, Кузьмы Кондратьевича Шевцова.

В сказочном репертуаре Филиппа Павловича большое место занимают волшебные и новеллические сказки, а затем—сказки о животных. Излюбленными его сказками являются волшебные, в которых можно свободнее блеснуть изобретательностью, выдумкой, игрой воображения, и тем самым заинтересовать и увлечь слушателей.

Свои сказки Господарев рассказывает увлекательно, не спеша, не расставаясь со своей трубкой. В процессе рассказа нередко вставляет свои замечания по поводу тех или иных поступков или характеров сказочных героев или острит, отчего отдельные места в сказке принимают юмористическую окраску... Несомненно, что Филипп Павлович Господарев является подлинным и оригинальным мастером народной сказки.

СОЛДАТСКИЕ СЫНЫ

(Иван и Роман)

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, за номером пятым, в этом доме проклятом, за номером седьмым, где мы сейчас сидим. Это не сказка — присказка. Сказка будет после обеда, наевшись мягкого хлеба, похлебав кислых щей, чтоб было брюхо толщей.¹

В одной деревне жил мужичок, по бедноте не было у него ничего; весной он оженился, а осенью помещик сдал его за богатого мужика в службу.

Ну, как он бедняк, его отправили подальше. Денег у него не было письмо домой написать — где он находится; жена его не знала, куда писать.

Прожила она несколько время и родила без него двух сынов. Эти сыны росли не по годам, а просто по часам.

Годов через пять, как она в бедности жила, она пошла к старосте и попросила:

— Староста, — говорит, — нельзя бы, — говорит, — устроить моих сынов в школу, так что я средства не имею (а раньше учителям платили).

¹ Старая, традиционная присказка.

Староста сказал:

— Ну, как-нибудь устроим, эго дело!

Вот начали ребята ходить в школу. Один звался Иван, а другой Роман, и они были оба волос в волос, голос в голос, что не разберешь, какой из них Иван, какой Роман.

Проходили они зиму. Проходили они вторую. На третью зиму стали ходить в школу обратным путем. Там богатого отца, старостовы, сотниковы сыны ходят—отцовские дети, а они как бы бавструки были. Их и начали ребята подталкивать:

— Эх, вы, бавструки.

Как выйдут они на прогулку—один пихнет, другой пихнет, а им жалиться некому, и называют их бавструками (незаконно, будто, рождены).

Однажды они приходят домой и спрашивают у своей матери:

— Мамаша!—говорят.

— А что, сынки?

— Почему нас называют бавструками?

Она отвечает:

— Вы не есть бавструки, а ваш отец служит уже шесть лет (раньше служили по двадцать пять лет), его помещик сдал вне очередь на службу.

На утро они отправляются с школу. Вот урок у их прошел, отпустили их погулять на улицу. Ребята обратным путем подталкивают их и называют бавструками.

Иван и говорит Роману:

— Эй, брат Роман, мы есть солдатские сыны, а не то что бавструки. Они нас бавструками называют. Давай-ка расправимся мы с ими.

Вот Иван которого не хватит за руки—рука прочь, хватит за голову—головы нет. Так что

Ф. П. Господарев.

которые были побойчей, те попали, а послабже сбежали. Они собрали шапки, приходят к школе. Роман поднимает угол школы, а Иван кладет под угол шапки.

Роман и говорит:

Теперь пойдем до учителя, он тоже напрасно линейкой бил нас.

Пришли к учителю, учитель стал на колени и начал просить:

— Простите мне, наша должность такая.

— Ладно, мы тебя прощаем.

Учителя они не тронули, а сами отправились домой.

Приходят они домой. Мать у их спрашивает:

— Вы чего так рано пришли?

— Да мы там немножко подкачали.

— Как?

— Да так: стали называть нас бавструками, ну, мы распорядились, у которого руки нету, а у которого головы нету.

— Что же вы наделали!

— Ничего,—отвечают они.

— Теперь нас помещик убьет.

— Это как придется,—они отвечают.

Мужики собрали сходку, что с этими бавструками делать.

Призвали помещика и позвали ихнюю мать на сходку.

Когда там советовались, начал учитель сказывать, что они большую силу имеют, их не уничтожишь никаким образом.

Помещик и задумался, что сделать над ими.

— Мы скажем: пушай мать их прорубит пролубу и пустит их под лед.

Это ей помещик и рассказывает:

— Ты ступай домой, проруби пролуб и пихни своих сынов в воду, а если ты этого не сделаешь, то мы тебя туда впихнем.

Она, бедная, заплакала и пошла домой. Идет и плачет, а они с нетерпением дожидаются своей матери, что там на сходке скажут ей. Вот встречаются мать. Мать плачет.

— Ты чего, мать, плачешь?

— А вот, сказал помещик, чтобы я прорубила пролуб и вас пустила под лед.

— Так. Ну, так воротись, мать, назад и мы пойдем с тобой.

Мать воротилась назад.

Идут они втроем.

Сыны рассказывают:

— Ты, мать, иди в избу, а мы постоим под окошком, и скажи помещику толстобрюхому: „толстобрюхий чорт, меня сыны прислали сюда“.

Она так и сделала. Помещик сгорел:

— Как ты имеешь право называть меня так?!

— А как же ты имел право сказать, чтоб я прорубила пролуб и пихнула своих детей. Так вот они сказали, чтоб завтра к двенадцати часам за ночь были сделаны буловы по двадцать пять пудов весом из мягкого железа.

Помещик тут закусил свой язык. А сыны уперлись с улицы в стенку, стенка проломилась и они вошли в стенку.

Тут помещик стал их просить:

— Простите меня, сделаю я вам буловы, к завтрашнему дню будут готовы.

— Ну, смотри, а то на одну твою ногу станем, а другую разорвем.

Помещик отправился поживей в свое имение, заставил кузнеца выкатывать эти буловы с ручками. Так что помещик не мог до двенадцати часов сделать, то он приехал к солдатским сынам и стал просить хоть на двое суток отложить.

— Ну, ладно, давай. Но чтоб за двое суток готовы были буловы, а ты, толстобрюхий чорт, выкати бочку вина на деревню и зарежь трех коров и делай этим ребятам поминки, которых мы подавили, и это чтобы было сегодня устроено.

Помещик сказал:

— Рад стараться, все будет.

— Мы придем проведать.

— Пожалуйста, не то в деревню, хоть ко мне придете, и я там угощу вас.

— Ну, мы к тебе не согласны итти, мы здесь будем поминать.

Помещик уехал и живо в деревню приставил вина бочку и три коровы привел в живых.

Иван и Роман не искали ножей, а целиком сорвали кожи с этих коров и сказали:

— Ешьте, и поминайте этих ребят, которые называли нас бавструками.

Сами они отправились домой.

— Ну, иди и ты, мамаша, на угощение туда и послухай, что будут сказывать там.

Мать отправилась. Ну, тут уж худого ничего никто напротив не сказал. Мать угостилась и пришла домой.

— Ну, как, мамаша, там?

— Да все благополучно. Все одобряют вас, никто не ругает.

А они сказали:

— А-а-а...

Прожили три дня, помещик привозит им буловы и говорит:

— Натe, молодцы, ваша просьба сделана.

Схватывает Иван буловку свою и говорит:

— Легковата! Здесь нет двадцати пяти пудов.

А Роман сказывает:

— Должно быть!

— А попробуй-ка ты взять.

Роман тоже схватил.

— Да, пожалуй что и нету.

— Ты что ж делаешь так, толстобрюхий. Тебе сказали по двадцати пяти пудов, а ты по шестнадцати.

— Нет, вы попробуйте, солдатские сыны (уже солдатскими сынами называет). Если не верите, я сам видал, что вешали, даже лишнее есть, чем двадцать пять пудов.

Они стали играть буловами, подбрасывают вверх, ловят и опять играют.

Помещик стоит и боится двинуться.

— Ну, ладно, буловы готовы. Будем верить твоему слову чертовскому. Теперь тебе задачу даем мы: выкатить тоже бочку сорок ведер вина на эту деревню, чтобы знали все христиане, что мы пойдем искать своего отца, и смотри, когда угостятся, чтоб нашей матери давал мяса, мягкого хлеба (чтоб черствого не ела мать) и прислугу матери. Что ей понадобится, чтобы живчиком было приставлено, а если не будет приставлено, мы вернемся, то тебя и живого не пустим.

Помещик сказал:

— С большим удовольствием будет приставлено все, что ей надо. Не то пущай покидает свою деревенскую избу и идет в мою комнату, будет ей

тут прислуга постоянно подавать все. Пусть пьет и ест, что ей хочется.

— Ну, смотри теперь, толстобрюхий чорт (они добром его не называют), смотри, как у нас буловы засвистят. Куды буловы засвистят, туды мы пойдем.

Иван был вроде старше.

Роман и сказывает:

— Ну-ка, брат Иван, пусти-ка свой гостинец.

Иван схватил свою булову и пустил—все равно что с орудий стукнуло, заучило и из виду скрылось.

— Ну, давай, теперь я пушу.

Роман схватывает свою булову и пустил, что это заметно—и эта булова пошла куда-та (пошла).

Они попрощались с матерью и с помещиком—толстобрюхим чортом.

— Ну, и до свиданья,—сказали они.

Вот и пошли этим следом, куда буловы полетели.

Шли они может быть день, два. Вот входят они в один лес и смотрят на вершинах, когда буловы летели, так сучья отлетели.

— Это,—говорят,—наши гостинцы летели.

Проходят они лес, видят поле. На поле стоит большой дом и обнесено оградой высоко, и ограда, как на тюрьмах, что острые штыки тесаны, и видят, что на каждом колу торчат человеческие головы, а два столба стоят, на которых головы нет и около столба лежат их две буловы.

— Вот дошли,—говорят,—до конца. Гостинцы наши здесь. Для гостинцев, видишь, и место свободное, наверно, наши головы повесят тут. Делать нечего, надо спросить.

Хватают они свои буловы в руки, добираются до двери. На двери замок был крепкий, двери крепко были закрыты.

Вдруг с той стороны слышат открываются двери. Когда дверь открылася, то выходит старуха и говорит:

— Эх, солдатские сыны, рано вы пришли. Пусть вам было бы лет по пятнадцать, а вам всего по восемь лет, и вы пошли в такую атаку. Жалко мне вас, не трогайте своих булов здесь. Поставьте на это место, где они были, мой сын ожидает вас уже три дня. Ступайте за мной,—сказала старуха,— я знаю, что вы с дороги, вы кушать хотите.

— Да, бабушка, хочим.

— Ну, кушайте поживей, а то скоро придет сын мой, так он вас сгубит.

Она их накормила и видит—сын идет. Она их взяла, ударила одного по головы и другого, и сделал их палками и поставила за шкаф. Открывает сын-Змей двери и говорит своей матери:

— Мамаша, что,—говорит,—русь-кость пахнет.

Мать отвечает ему:

— Ты по Руси летал, нанюхался русской кости, то тебе отдает в избе русской костью.

— Давай поесть.

Старуха дала Змею-сыну кушать. Он покушал и говорит матери:

— Коли придут солдатские сыны сюда, то ты их задержи.

— Хорошо, сынок, задержу.

— А я,—говорит,—полечу.

— Ну, лети,—сказала она.

Змей улетел. Она берет эти палки, ударяет их и они делаются как и были.

— Слышали,—говорит,—вы, что сказывал?

— Да, бабка,—говорят,—слышали.

— Так это сын мой.

— Слышали, бабка.

— Вот теперь я дам вам загадку. Не загадку, а просто службу сослужите мне.

— Мы рады стараться, бабка.

— Ну, ступайте за мной.

Они пошли за бабушкой.

Она одному дает лопату, другому топор и ведет их на земляную гору, и на этой горе стоял дуб вершков двадцать толщины, а под этим дубом стоял склеп. В этом склепе за дверьми два богатырских жеребца стояли. (Они этого не знали, что тут есть).

Бабушка привела их, сказала:

— Вы этого дуба изрубите и коренья вытягните и тогда придите за мной и поживей старайтесь, чтоб сын не наскочил.

Роман тюкнул топором—корень сразу слетел. Второй раз тюкнул по другому корню—корень слетел и топориче улетело.

— Что ж мы ломаем, давай попробуем так.

Они подклали свои руки к этому дубу, то дуб пошатнулся.

— А давай-ка, „Дубинушку“ запоем.

— А как же петь?

— А ты слышал, как мужики запевают „Дубинушку“, когда тяжелый груз тянут?

— „Ох, дубинушка, охни, зеленая сама пойдет“... „Ура!“

Крикнули ура, хватили—дуб полетел.

— Видишь, дубинушка пособила.

— Ну, ты, Роман, бежи к бабушке, а я остатки коренья выдерну.

Роман побег к бабушке, а бабушка только домой пришла.

— Бабушка, да у нас дуб готов.

— Вот, молодцы, ребята,—сказала баба.— Я думала часа на три вам хватит, а я только дверь отворила, а ты за мной. Ну, пойдем же, беседовать некогда,—сказала баба.

Когда пришла бабушка сюда, то Иван уже коренья выдернул и почти землю выкопал до дверей. Она и рассказывает:

— Вот, солдатские сыны, здесь стоят две лошади богатырей. Они принадлежат вам. Когда двери откроем, жеребец выскочит, то ты крикни: „Стой, пёсье мясо, передо мной, не ты будешь владеть мной, а я тобой“.

Они так и сделали. Тогда лошадь остановилась и поклала голову на Ивана—солдатского сына. Так взял и Роман свою лошадь. И одела она им богатырскую одежду, и дала им мечи по двадцать пять пудов, и говорит им:

— Теперь вы отправляйтесь в дорогу. Когда приедете вы к морю, то пустите своих лошадей погулять на воздухе, и они от вас никуда не пойдут. Ну только спать не ложитесь у моря, а то мой сын будет лететь и увидит коней и вас, и вы будете спавши, вы будете побижены, а если не будете спать, то он с вами ничего не сделает, не осилит он вас двоих, и вы его живого не пускайте.

Они пустили своих коней и начали играть в мячик, чтоб не заснуть. Немного поиграли в мячик, вдруг является Змей шестиглавый.

— Да, старый чорт, я собственно слышал, что русь-кость пахла в избе. А она мне ответила, что „по Руси летал и русь-кость нанюхалась, так тебе везде сдается“. Все равно вы от меня не уйдете!

Братья схватили свои шашки, и явились мигом ихние лошади.

Иван срубил две головы Змею и Роман две, а у Змея уже две нарастает головы опять. Они еще по головы срубил, а у Змея еще выросли три. То одна лошадь поднялась на дыбы и Змею на плечи взвалилась, а другая по боку ударила копытами и Змей свалился, и лошади притисли Змея ногами (вот лошади-то!). Они остатки дорубили головы, и на куски его порубили, и наклали костер дров, и бросили его в огонь, а сами сели на лошадей и уехали.

Ехали они мало, где останвятся, сами делают шатер себе с холста, лошадей пускают на божью волю. Утром прочинаются и лошади к ним являються. Седлают лошадей и в путь дорогу выезжают.

Вот едут дорогой—стоит столб и две дороги лежат, написано на таблице:

— Кто поедет правой стороной, тот будет сыт и богат, а левой стороной—неизвестно, что будет.

Они стали и прочитали и говорят сами с собою:

— Какие же мы есть богатыри, что мы вдвоем ездим вместе, придется нам разделиться. Одному ехать в правую, другому в левую и сделать такой договор, что если вот такого числа не сойдемся где-нибудь, то должен воротиться на это место, на

котором мы разъехавшись, и ехать тем следом, куда он поехал. Ну, и вот, как мы теперь? Кто же из нас поедет по правую, кто по левую?

Роман говорит:

— А давай кинем жеребий, то обижаться не будем друг на друга.

— А какие жеребия мы кинем здесь?

— А вот стоит куст ореховый: слезем с лошадей, выломим себе вичку¹ и станем мериться, кого рука будет на верху, тому ехать в правую сторону.

Роман выскакивает, ломает вичку, подносит Ивану и стали мериться. Иванова рука оказалась наверху.

— Вот тебе, брат Иван, ехать в правую сторону, а я поеду в левую. Проездим месяц, если я не буду, то ты ворочайся, ищи меня, а если тебя не будет—я вернуся на это место и поеду искать тебя.

Они распростились и уехали.

Ну, а теперь мы бросим Романа, а возьмемся за Ивана.

* * *

Вот Иван мало-немного проехал—по правой стороне стоит избушка на куриной ножке и к лесу дверями, а к дороге стенами. И он подошел к избушке. Как не подойдет—избушка вертится, все попадает стеной к нему, а он и крикнул:

— Избушка, стань к лесу стенами, ко мне дверями.

Избушка стала к нему дверями. Он открывает двери, там сидит мужичок, сам маленький—до потолка, голова в пивной котел и говорит ему:

¹ Прут.

— Ну, спасибо, Иван—солдатский сын, что ты заехал ко мне. Есть у меня для тебя попить и поесть, но жалко, что для лошади нету корма. А второй раз будешь ехать, я приготовлю для лошади твоей.

Иван—солдатский сын поблагодарил старика за то, что он его угостил.

— Ну, вот, я даю тебе подарок, Иван—солдатский сын, знаю, что вы с бедного состояния, у вас ниоткуда чего взять, то вот тебе мой старый кошелек на, понадобится тебе деньги, то ты стряхни кошелем,—сколько надо, столько ты и возьмешь (вот кошелечек-то!) и в другой раз заезжай, не забывай меня.

Иван поблагодарил старика и поехал дальше.

Приезжает Иван в город (так, как в Ленинград), где жил государь. Заезжает в гостиницу, снимает номер в гостинице (денег хватает у его!) и нанимает сарай для лошади. Проживает он день в гостинице этой, ну и второй, может быть и третий, там неизвестно уж.

Утром просыпается: что-то жалобные¹ флаги вывешены и он спрашивает у хозяина:

— Хозяин, что у вас такое, вывешены траурные флаги?

— Молчи, молодой человек, это у нас несчастье здесь в городе.

— А что такое?

— Да царю Змей прислал шестиглавый письмо, чтоб государь прислал свою дочку на поедание Змею, а если государь не пошлет, то он все цар-

¹ Траурные.

ство сожжет. Так это и жалобные флаги вывешаны.
А у царя дочка одна.

Иван выслушал его разговор и говорит ему:

— Ты, хозяин, засыпь моему коню порцию овса и подай мне порцию еды.

— Сейчас, молодой человек, сей минутой сделается.

Иван покушал и говорит хозяину;

— Хозяин, я уеду на охоту.

— Ну, поезжай.

Он отправился на охоту.

Приезжает к морю, а там государева дочь была в беседку прикована цепями. Он ей говорит:

— Здравствуй, прекрасная царевна!

Она думала, что это Змей такой красивый.

— Еще ты называешь меня прекрасной царевной, а приехал меня поести.

— Нет,—говорит,—я не Змей.

Скинул шапку, перекрестился.

— Я приехал сбавить тебя. Сбавлю или нет— а все-таки попробую.

Сорвал ей цепи и бросил в море.

Вдруг выходит Змей из моря и говорит ему:

— Да, государь милостлив. Я требовал одну, а он прислал трое. Будет выпить и закусить.

— Может закусишь, а может подавишься.

Змей засмеялся:

— Такого противника у меня нету и близко, а есть в некотором царстве, в другом государстве два солдатских сына, так они еще молоды, им только по девять лет. Так их сюда ворон костей не занесет.

А он отвечает:

— Ворон костей не заносит, а сам добрый молодец приходит.

Он спрашивает:

— Ты, Иван—солдатский сын, аль Роман? Так ты моего дядю ушлепал?

— Да,—говорит,—я.

— Это тая проклятая вам лошадей дала. Ну, ладно, я все-таки с тобой справлюся.

— А посмотрим,—он отвечает, духом не падает.

— Ну, Иван, что ж, будем биться аль мириться?

Иван отвечает:

— Не приехал мириться, а приехал побиться? Кому достанется государская дочь: мне, али тебе.

— Давай,—говорит.

Иван как рубнул — три головы слетело со Змея, а Змей как ударил, Иван по колен в землю вшел. Иван срубил еще две головы. Змей его вбил в землю по пояс.

Иван и говорит ему:

— О, Змей, мы бьемся, деремся, цари и короли бьются и то одышку делают, а мы с тобой не отдохнем, за какую-то королеву бьемся.

У Змея еще две головы вырастает.

— Ну, давай, отдохнем (Змей надеется, что у него голов прибавится, а Иван надеется, что из земли выберется).

Иван выбрался с земли и стал на крепкой почве и говорит:

— Мы уже отдохнули.

И опять мечом ткнул его. Остается у Змея одна голова (головы не успели вырасти). Змей его ударил, но глубоко в землю не вбил. Змей ему и говорит:

— Последняя голова осталась. Хоть ты молод, да умен (Змей видит, что обдул Иван). — Теперь вижу, что я погиб,—Змей уже сознается.

Иван махнул мечом и остатки срубил. Головы кладет под камень и берет у царевны зарученное кольцо и отправляет ее домой. Она его зовет на пару стаканов чаю. Он ответил:

— Я через месяц приеду, а сейчас мне некогда.—Он и еще ей сказал:— Я через месяц приеду и буду жениться на тебе.

Она его обняла, поцеловала и сказала:

— Проведи меня хоть до города.

А он ответил ей:

— Небольшая ты есть хрелина,¹ можешь дойти одна, а мне надо поспеть в другое место.

Она заплакала и пошла, а он сел на своего коня и отправился.

А в то время водовоз брал воду, все видел, как он бился со Змеем и куда клал головы и языки.

Он подходит к царевне и говорит ей:

— Скажи, что я тебя спас.

И она ему говорит:

— Как же я могу говорить, что ты меня спас?

— Как хотишь, не скажешь, так вот черпаком убью и в море брошу, и скажу, что Змей съел.

Она думает:

— Вот беда: одного сбыла, на другого наскочила... Ладно, скажу, что ты меня освободил и Змея шестиглавого убил.

— Сядь на коленах и поклянись и ком земли съешь, тогда поверю, что ты это скажешь.

Она это сделала. Он ее подмышку взял и тащит домой.

Когда привел, она и рассказывает, что вот та-

¹ Фрейлина.

кой-то убил Змея. Тут ему нашивочки нашили и почет дали, и сказал государь:

— Зятем будешь моим.

Иван приезжает в свою гостиницу, домой, и говорит хозяину:

— Ты, хозяин, дай мне две порции поесть сразу и дай коню моему порцию овса, я на трое суток закрываю свою комнату и буду писать письма домой, чтоб никто не приходил ко мне трое суток, так что я выходить не буду, а лошадь—смотри, корми как следует каждый день.

А сам пообедал и лег спать на трое суток.

На третьи сутки починается, опять по церквам звоны пошли и жалобные вывешены флаги, и он у хозяина спрашивает:

— Хозяин, что это такое?

— Молчи, молодой человек, тот раз шестиглавый Змей требовал царскую дочку, а теперь девятиглавый. В тот раз водовоз Змея шестиглавого убил, так надеется, что может быть и этого убьет.

— А дочка что-ж одна у государя?

— Одна, одна дочка.

— Дай-ка мне две порции поесть скорей и насыпь коню две порции овса.

— Сейчас, молодой человек.

— Ну, ну, ну—поскорей!

Поел.

— Ну, я отправляюсь на охоту.

Ну, вот и отправился.

Когда он поспешил, то первый раз народ его не видал, а второй раз, когда он ехал в тую гору, в тую беседку, шел народ оттуда. Народ упал весь на землю, все сказали:

— Поехал Змей.

Он шибко ехал и его признали за Змея.

Когда приехал он туда, она прикована была обратным путем. Она и говорит ему:

— Вот, милый друг, не повел ты меня до города, то пришлось мне дать клятву водовозу. Ему уже нашивки нашили.

— А тебе не все равно? Либо был мужик. Ну, вот и жених будет, из бедного станет богатый. Все равно, хошь за мной, хошь за им.

Ну, как рассказывать дальше некогда было ей—явился Змей и говорит:

— Да, государь милостив, прислал выпить и закусить. Я ждал одну, а он прислал трех.

А Иван говорит:

— Может быть и выпивкой подавишься.

Змей усмехнулся.

— Это,—говорит,—ты убил брата моего, а меня не убьешь.

— Посмотрим.

Иван своего коня не привязал к беседке, а только подвязал поводок. Когда Иван ударил Змея—три головы срубил, а Змей Ивана выше колен в землю вбил. Он второй раз махнул—тоже три головы срубил. Остается у Змея три головы, а две нарастают, то лошадь кинулася на Змея и сбила Змея с ног, а в тое время Иван выскочил из земли, но с ухваткой, срубил две головы. Змей ему и говорит:

— Счастлив ты через лошадь. Я погибну, а у меня брат приедет на лошади, двенадцатиглавый.

Все-таки Иван кончил его и сказывает царевне:

— Кольцо я у тебя взял, а теперь ты дай водовозу кольцо, как ты клятву дала, и выходи замуж.

А она ему отвечает:

— А где ж ты будешь встречаться с двенадцатиглавым Змеем? (Она слыхала это).

— А придется у этой беседки встречаться, и ты будешь тут. А где ж ваш водовоз сидит?

— А вот там на дубе.

— Ну, я заеду, покалякаю с им.

Ну, вот, подъезжает к дубу, а царевна осталась тихонько итти.

— Ну-ка, вояка, слазь-ка с дуба, мы поговорим с тобой.

— Нет, не полезу.

— Ну, скатишься, что горошина.

Иван слез с коня. Тряхнул дуба, он и покатился, и он до земли не допустил, на воздухе его схватил и поставил его на ноги, своей плеткой вдарил его тихонько один раз.

— Ну, и довольно, будет с тебя. Бери царевну, вези домой и можешь жениться на ней. Я женатый уже и мне не надо.

Водовоз зародовался, что попадет кусок товару хорошего.

Вот он взял царевну и повел. Там ему уже стали делать перевязку от кнута. Иван—солдатский сын приехал в свою гостиницу и таким образом скazuje хозяину:

— Подай мне две порции поесть.

Хозяин подал, и он сказал:

— Смотри, на трое суток запираюсь в комнату, чтоб ко мне никто не приходил, буду писать письма, а лошади давай такую порцию, как и надо, а я выходить не буду.—И лег спать.

Трое суток спит. На третьи сутки прочинается, опять по церквам звоны и жалобные флаги. Он хозяина и спрашивает:

— Что такое, хозяин?

— Молодой человек, двенадцатиглавый Змей пишет государю, чтоб он прислал свою дочку на поедание. А если государь не пошлет, то он все царство наше сожжет.

— А во сколько часов?

— В двенадцать часов ровно, чтобы она была там у моря.

— Так дай-ка мне тройную порцию и лошади моей дай тройную порцию. Дай мне, хозяин, сто рублей денег.

— Ой, помилуйте, молодой человек, ей-богу, сейчас денег ни копейки нету.

— Так ступай скорей сюда.

Хозяин скорей приходит.

— Держи полу-

Хозяин свой халат поднимает, подходит к ему, и он вынимает кошелек, начал трясти в его полу.

— Ну, что, будя?—кричит.

— Прибавь еще немножко.

— Ну, смотри, я буду прибавлять, а если упустишь—все мои.

— Нет, не упусти.

Он сильнее стал трясти кошельком. У хозяина руки изомлели, а все мало. У хозяина и руки разъехались и деньги посыпались на пол. Он на хозяина:

— Прочь из комнаты!

— Дай хоть половинки.

— Ну, забирай скорей все.

Хозяин кряхтит, загребает:

— Вот вам полтораста рублей денег.

Иван берет эти деньги, садится на своего коня, приезжает в магазин.

— Дайте мне пять пудов пеньки.

Ему подают пять пудов пеньки.

— Дайте мне бочку смолы.

Ему подают бочку смолы.

— Дайте мне ведер в шесть котел такой.

Ему и котел подают. Он это все забирает, садится на своего коня и футь—пошел.

Вот приезжает, становит котел, наливает смолы и начал греть.

Когда смола согрелася, он берет седло с лошади и мочит в смоле пеньку и обкручивает своего коня пенькой так, что обвертел коня почти на два вершка толщиной кругом. Тогда кладет седло, садится на коня и отправляется к морю. Приезжает сюда, только управился снять цепи с государственной дочки, тут является Змей двенадцатиглавый и говорит ему:

— Ну, вот, Иван—солдатский сын, теперь мы будем биться, аль мириться?

— Не на то приехали мы, чтоб мириться, а приехали биться.

То Змей ему отвечает:

— Мы теперь пустим своих лошадей биться, а потом будем биться сами, если твоя лошадь побьет мою лошадь, придется мне погибнуть, а если моя лошадь собьет твою—придется тебе погибнуть.

Вот пустили они лошадей, то змеев конь как хватит этого коня за шкуру, так кусок пеньки летит смоленой. А Иванов конь как змеева коня хватит—кожи клочок вон. Так что Иванов конь избил змеева коня. Змей сказывает Ивану:

— Ты хитростями сбил моего коня, а меня ты не собьешь.

А он отвечает:

— Если я ухитрился сбить коня, то ухитрюсь сбить и тебя.

И начали они биться. То когда Иван ударит— три головы слетают, а он его по колен в землю вбил, и он второй раз махнул— три головы сбил, Змей его до пояса вбил. Иван махнул третий раз— тоже три головы ему срубил, а у него две головы вырастает. Змей вбил его в землю до рук. Иван— солдатский сын рассказывает:

— Эх, Змей, из-за какой-то королевны мы бьемся. Цари—короли дерутся и то одышку делают, а мы с тобой не отдохнем. Давай, хоть по черпаку воды выпьем.

Ну, вот, Змей ответил:

— Давай, отдохнем. (Змей надеялся, что у него головы прибавятся, и когда выпьет воды— сильнее будет).

Они стали отдыхать. Иван выбрался из земли, а у Змея выросло две головы. Иван и крикнул на царевну:

— Эх, прекрасная царевна, за тебя мы бьемся, хотя бы подала нам по черпаку воды.

И она черпает и подносит Ивану—солдатскому сыну. Когда Иван выпил, то Змей говорит:

— Подай же и мне воды.

Иван отвечает:

— У тебя ж не одна голова, а пять, так пока она пять черпаков принесет, она и устанет. Можно и так обойтись. Теперь давай драться.

Вот опять они начали драться. Когда Иван махнул—отрубил три головы, а у него еще остаются две. Ивана по пояс в землю вбил сразу Змей. Тогда подскакивает лошадь и сбивает Змея с ног. Тут Иван кончил все головы ему. Головы—под камень,

языки—на камень и попрощался с царевной. И сказал ей:

— Можешь выходить за водовоза замуж, а я женатый.

Царевна заплакала, но делать нечего, только сказала:—Жалко, жалко.

Иван отправился в свою гостиницу, а водовоз взял ее и повел домой. Иван приезжает в гостиницу, сказал хозяину:

— Подай мне две порции и ко мне трое суток никто не ходи. А коня смотри.

— Хорошо, хорошо.

Тут прошло несколько дней, а он проснулся и спрашивает:

— Ну, что у вас слышать в городе?

— А слышать у нас в городе то, что будто венчается водовоз на государской дочке и он будет у нас государем.

— Ну, так вот, хозяин, к этому дню, когда он будет венчаться, чтобы ты свою гостиницу!.. Была бы духовая музыка, и кто ни придет—на мой счет угощать, и духовая музыка на мой счет. И чтобы музыка все время играла.

Хозяин знал, что у него такой кошелек и расплатиться есть чем. И нанял музыку. И музыка играла целные сутки без перестанка. Когда они ехали к венцу, Иван подъехал, схватил ее на коня и привез в эту гостиницу. Все сплеснули руками и подумали, что Змей схватил государскую дочь среди города и куда повез—неизвестно. Так жених и остался не при чем.

Тогда государь во всех церквах стал отпевать ее. Вывешены были траурные флаги и все трактиры, магазины на трое суток закрыты были

и не велено в музыку играть. Но в этой гостинице, как нанята была музыка — должна была играть. Государь говорит:

— Почему в такой-то гостинице играет музыка, не закрывается? Моего приказа не слушают?!

Вот посылает он людей, чтобы была закрыта эта гостиница немедленно. Эти посланные приходят заявить, чтобы эта гостиница была закрыта, и видят государскую дочь здесь. Тогда государь приезжает сам в эту гостиницу. Она и говорит отцу:

— Отец, вот мой избавитель, который сбавил меня от Змея.

А он отвечает:

— Да, теперь ты нашла другого. Тебе просто сказать, что этот тебя сбавил. Почему ты тогда не сказала?

Велел закрыть эту гостиницу и арестовать этого молодого человека. Арестовали и одели его в кандалы и повели его к государю на допрос. [На допросе] Иван—солдатский сын и говорит:

— Пусть же ваш вояка покажет, где лежат Змеевы головы. Когда он Змея убивал, куда он девал головы?

И водовоз говорит:

— Под таким камнем один, под таким камнем другой, под таким камнем третий. (Он ведь видал).

— Тогда,—говорит Иван,—пойдемте к морю и пусть он поднимет камень, и покажет.

Вот они приходят туда, водовоз и говорит:

— Здесь головы шестиглавого Змея, здесь—девяти, здесь—двенадцатиглавого. (По языкам видел).

— Ну, так вот, ты подыми камень и покажи головы. Языки видно тебе, что на камне лежат, а покажи головы.

Он и пошел кругом камня, камень vorочать— так где же ему повернуть тот камень! Камень не ворошится. А Иван—солдатский сын закован в кандалы.

— А вот, я покажу.

Он подходит к этому камню, где лежат головы шестиглавого Змея, не руками взял, а взял ногой как свистнул, камень покатился в море, и кандалы полетели вслед, порвались. А потом подымает все камни, показывает публике. Вся публика сказала:

— Действительно, этот освободил, а не водовоз. Водовоза за эти штуки взять и к конскому хвосту привязать и пустить в чистое поле.

А Иван—солдатский сын отвечает публике:

— Зачем гонять лошадь зря.

Подхватывает его за пояс и бросает его среди моря.

— Вот, пусть рыба ест.

За теми пирогами, которые были приготовлены к той свадьбе, сделали его свадьбу. Вот и стал женатый Иван—солдатский сын.

Пожил он дня три-четыре со своей женой и говорит ей:

— Пойдем-ка, прогуляемся, дорогая.

Они вышли на балкон, стоят на балконе, разговаривают.

Иван видит, что вроде кладбища стоит роща и спрашивает у своей жены:

— Что такое за лес?

Она ему отвечает:

— Эта роща называется Марьиной роща у нас. В эту Марьину рощу как кто пойдет, никто не вернется назад. Два полка солдат послали и то их нету.

Он выходит к балкону и сказал:

— Оседлайте мне коня!

— Куда ты поедешь?

— А поеду, прокачусь.

— Только, пожалуйста, не едь в Марьину рощу.

Он как сел, свистнул—прямо в Марьину рощу и полетел. Захотелось ему знать, что такая за Марьина роща. Но жена наблюдала и видит, что он отправился в Марьину рощу.

Когда он только уехал в Марьину рощу, тут оказывается лисица ему, он за этой лисицей погнался. Он ехал, кажется, немного, а проскочил в другое царство, а лисицы догнать не мог.

Ехал он деревнями, ехал он скалами (за этой лисицей все гнался). Вдруг стоит дом один. Дом на всем пути стретил. То лисица под ворота, а лошадь через ворота проскочила. Он поставил свою лошадь и пошел в дом. Отворяет двери: тут солдатская оказывается кухня, обед варят. Он спрашивает:

— Кто здесь живет?

Ему никто не отвечает, сделались все камнем. Он отворяет другие двери, дальше пошел, и видит—солдатская швейня: одежду солдатскую шьют. Когда он спросил, то и они камнями сделались. Он видит третьи двери. Он отворяет третьи двери, не обнаживши своей шашки. Вдруг навстречу бежит старушка (та самая, которая вела его сюда—волшебница, лисица). Он спрашивает:

— Кто здесь живет?

Выхватил шашку, а она махнула на него носовым платком и сделала его камнем.

* * *

Проходит время, как они договор сделали с братом.

— Надо теперь вернуться на тую дорогу, на которой я был и распростился с братом.

Вот приезжает Роман на эту дорогу, заворачивает на тот след, куда брат поехал, конь его быстрее понес. Конь знал, что уже брата нету. Заезжает он следом, стоит избушка на куриной ножке, тая—лесу дверями, а к дороге стенами. Он заходит к дверям, избушка покрутилась опять (на куриной ножке она крутится, чтоб никто не заходил). Он крикнул:

— Стань избушка, к лесу стенами, а ко мне дверями.

Избушка стала. Роман открывает двери. Сидит в избушке маленький человек—ростом под потолок, голова с пивной, с банный котелок. Он говорит:

— Здравствуй, дедушка.

— Здравствуй, здравствуй. Ну, спасибо,—дедушка рассказывает ему,—что ты мимо не проехал меня и заехал ко мне. То теперь,—говорит,—есть для вашей лошади корму, я запас, и есть для вас, что попить—поести.

Стали они угощаться. Дедушка угостил его и он отправился в дорогу. Дедушка не знал, что это был его брат (они волос в волос были, голос в голос). Подарка ему никакого не дал (тому дал кошелек, вот бы нам такой кошелек!). Вот Роман отправился быстрее. Приезжает он в этот город, лошадь везет его прямо на постоянный двор, где Иван стоял. Выскакивает хозяин и кричит:

— Здравствуйте, ваше императорство! Спасибо, что заехали к нам. А мы все думали, что вас и в живых нету.

А он отвечает:

— Как в живых нету? Вот мы.

Стал он угощать. Пошел слух, что государь приехал, не заехал раньше домой, а заехал в гостиницу. И он тут угостился и садится на коня и отправляется его следом. Вдруг его на дороге встречает хрелина молодая, жена Ивана, и бросается ему на шею.

— Эх, ты, милый друг, сколько времени не было тебя и ты раньше не заехал домой, а заехал в гостиницу.

Роман отвечает:

— Это по привычке.

Вот приехали они во дворец, и он приказал поставить лошадь на место (где стоял братов конь). Коня поставили. Она его повела в комнату, показывает:

— Что тебя не было, я и в комнате мало находилась.

Тут они угостились, выпили, закусили. Пошли в комнату и она к нему повисла на шею кряду.

Он и говорит ей:

— Ты,—говорит,—сегодня поменьше со мной заигрывай.

— Почему, милый мой?

— Да так,—говорит.

Вот уже приходит ночь, надо спать (как и нам, грешным людям, знаешь). Он и говорит ей:

— Знаешь, моя дорогая, что, ты мне постели постель особенно. Я буду один спать.

— Почему,—говорит,—так?

— Да так,—говорит.

Он берет свой меч и кладет середине кровати и сказал ей так:

— Там вот лежит в среди меч. Если ты покла-

дешь на меня руку—рука у тебя прочь, а если ногу—нога прочь.

Она легла. Когда он заснул, она берет платок и бросает на его платок, половина на ем, половина у ее в руках.

Она тут ночи не спала, боялась повернуться, чтоб не дотянуться до его меча. И проспали они до утра.

Утром встают, чаю попили, она и говорит ему:

— Я думала, друг, что ты поехал в Марьину рощу и что ты оттудова не вернешься.

— Нет, а где же это ваша Марьиная роща?

— А я тебе показывала с балкона, а ты прямо туда, и я следила за тобой с балкона, что вы поехали прямо в Марьину рощу.

— Так покажи-ка мне ее, что за Марьиная роща.

Она вышла на балкон и показывает:

— Вон она.

— Ну, я сейчас поеду в нее,—он отвечает.

— Да, что ты, милый мой. Туда полк солдат послали и те не вернулись, а ты поедешь!

— Какой же я есть богатырь, что я буду бояться Марьиной вашей рощи? Я мигом туда полечу.

Сел на коня и уехал прямо в Марьину рощу. Когда он подъехал к Марьиной роще, является эта самая лисица. Ну, он за этой лисицей гнаться. Лисица этим следом, которым и брата вела. Он пролетел в царство ее. Стоит дом на поле, кругом камень есть. Лисица под ворота, а лошадь через ворота с ним перескочила, и лошадь подошла к лошади Ивана и стала лизать. А она стоит, как камень, но видно, что лошадь. Роман видит, что это его брата конь.

Он поставил своего коня рядом. Сам обнажил шашку и пошел.

Он первую дверь отворяет, солдаты варят обед. Он спрашивает:

— Кто здесь живет?

Они камнем все обратились, не ответили ему ничего. Он отворяет другие двери, то солдатская швейня: шьют солдатам одежду, он тоже спросил:

— Кто здесь живет?

Они камнем обратились.

— Ну, теперь я отворю третьи двери. Спрашивать больше не буду, кого увижу—сейчас голову сниму.

Отворяет третьи двери и вперед пускает свою шашку. Вдруг является к нему старуха и он, не спрашивая ее, чикнул, срубил ей голову. А у ее в руках носовой платок. Он тогда берет этот платок и стал искать по карманам, что еще есть. Вынимает он другой платок. Взял, махнул платком, который был в руке у этой старухе, она сделалась камнем. Он видит, что стоит здесь тоже отмалеванный человек, как и он, только камень. И он махнул этим платком, который был в кармане, то брат такой стал, как и был, и говорит:

— Эх, как я долго спал.

А тут за дверями крикнули:

— Ура!—все,—вот спаситель, спас все царство.

Он глянул в окошко: где были скалы, тут оказался город, люди засуетились по всему городу и вот кинулись в этот дом и крикнули все на Романа:

— Ты у нас будешь государем!

И вот он вступил на престол. Тут и брат его был с ним же. Тогда Иван и говорит:

— Ну, давай же, брат, поедем ко мне, я ведь тоже царем.

— Знаю, знаю,—отвечает Роман,—давай, поедем в твоё царство.

Роман дал брату платки:

— Вот,—говорит,—я какие платки имею.

Проехали они мало-немного, стали разговаривать про жисть. Роман усмехнулся и говорит:

— Знаешь, брат Иван.

А что?—говорит.

— Я сегодня ночь ночевал с твоей женой.

Ивану стало жалко, что тот может что сотворил, и думает:

— Что же, пусть такую насмешку никто знать не будет, и верить никто не будет, что брат был у меня, что брат освободил меня.

Вынимает из кармана платок и махнул на его этим платком. Роман сделался среди дороги камнем, а он быстрее стал ехать домой. Что ни гонит своего коня, дорога не передится. Видит, что у него конь смутно идет, как он его ни подталкивает, конь не несет, не шевелится. Он сам себе подумал:

— Эх, какой я есть дурак, жену-то я могу найти себе, а брата не найду, и он меня освободил, а я такую подлость сделал для его. Вернусь назад, попрошу прощенья.

Когда только он повернул своего коня ехать к брату назад, то конь полетел, что из ружья пуля. Так что он ехал туда целый час от брата, а к брату приехал за пять минут. И махнул другим платком и начал просить:

— Прости, брат, мне, что я сделал так.

— Ну, ладно,—говорит,—пусть так. Приедешь домой, узнаешь, как я с ей спал.

Вот они уже приезжают вечером в такое время, как мы с вами сидим, часов в 9—10, и подъезжают к государскому дворцу, стоят часовые на часах, на воротах. Вот Роман подъехал и спрашивает:

— Дома ваш молодой государь?

— Да, был,—говорит,—третьего дня дома. Его,—говорит,—не было двенадцать дней. А третьего дня он приехал и опять уехал.

— А можно туда, до жены его добиться?

— Не знаем, мы не можем тебя туда пропустить.

А он говорит:

— Вы посмотрите, может государь ваш здесь. Хорошо вы знаете его?

— А мы и не видали его, что за государь (где, каждый солдат знает государя). Он слышит, что голос подходит под ихний голос, Роман и спрашивает:

— Ты,—говорит,—служивый, сколько лет служишь?

— Девять лет, десятый пошел.

— А с какой ты местности?

— Вот с такой-то.

— А деревню вашу как зовут?

— А вот так-то, там Переечи, или Слобода скажем, Переечи.

— А кто ж у тебя дома есть?

— А теперь не знаю, кто у меня дома есть.

— Да что,—говорит,—ты писем не пишешь?

— Да простите, писать не на что, нету капиталу.

— А с дому вам пишут? Тебе пишут с дому?

— Да почти некому с дому писать. Кому?

— Почему некому писать?

— А потому некому писать, что я перед службою женился и каких-нибудь четыре месяца пожил с женой, так не знаю, жива она, али померши. А девять лет друг другу не писали, и она не знает, где я живу, а мне писать не на что, так что я уже позабыл. (Это правильно сказано).

Роман и говорит:

— Забывать не надо.

А Иван постаивает, помалкивает.

Вот Роман подъезжает к нему ближе, берет его за шкурку и садит его к себе и говорит:

— Ты—отец наш. Теперь поедем в ворота.

Ворота были закрыты. Иван говорит:

— Надо открыть ворота. Я сейчас открою.

Взял толкнул ворота—полетели со стояками. Дорога очищена. Подъезжают они к крыльцу, там уже известь дана. Жена Ивана выскочила и бросилась к одному на шею, к другому на шею и солдат с ими тут, и пошли они все в комнату, она и говорит:

— Для чего солдата ведете?

А Роман отвечает:

— Этому солдату поклонись в ноги, да поцелуешь руки.

А Иван все помалкивает, да такой смутный.

Роман и говорит:

— Вот за это твое слово, что ты сказала, для чего солдата ведете, поклонись этому солдату низко в ноги и поцелуй у его руку и попроси у его прощенья за свое слово.

Она так и сделала. Поклонилась, поцеловала в руку, а Роман говорит:

— Скажи: „отец, прости мне“.

То солдат говорит:

— Ну, я прощаю тебе.

— Ну, ладно,—сказал Роман,—теперь же давай-ка мы угостимся, мы с дороги.

А Иван все помалкивает. Роман командует.

Собрались государь старый, государыня. Вот он стал, Роман, сказывать:

— Ну, теперь, голубушка, узнай-ка своего мужа сейчас, который твой муж есть? Я аль этот?

— Да я не знаю, который муж.

— Ну, вот, если ты не знаешь, который твой муж, так вот расскажи-ка, как третью ночь ты ночевала с мужем?

— Да, действительно, спала на одной постели, но он просил меня, чтобы я постлала отдельную постелю, но я не согласилась. Ну, он все-таки от меня не мог откреститься, я легла с ним на одну постель. И он встает и берет свою шашку (али меч—все равно) и кладет в середину, и сказал мне, что если ты покладешь на мене руку, то рука прочь, а если ногу, —то и нога прочь. Ну, когда он заснул, то я сделала опыт: взяла, бросила платок на его половину, половина на ем, а половина у меня в руках. Я второй раз—не поверила этому, взяла свою кофту бросила, и кофта—половина у его, половина у меня. Я сняла свою юбку, в которой спала, и бросила на его, половина у меня в руках, а половина у его, то я целую ночь не спала и боялась повернуться.

Тогда Иван бросается Роману в ноги и просит его:

— Прости, брат, мне за эту за мою вину.

— Ну, проси отца, он простит тебе вину.

Иван стал просить отца, чтобы он простил ему эту вину.

— Ну, вот, этот твой муж, который поклонился мне.

Вот они стали здесь подгуливать, погуляли сутки, отдохнули—другие погуляли.

Роман и говорит брату своему:

— Ну, пусть отец живет у тебя, пока я съезжу домой.

Оседлал коня и махнул в деревню за матерью.

Приезжает он в деревню, заходит в родительскую избушку, а там уже другой бедняк живет в этой избушке. Он и спрашивает:

— А где хозяйка?

— А хозяйка, что ей — просто жить, она живет лучше барыни. Живет она в комнате, кормят ее, поят, что она хочет, денег у ей до пальцев, даже несколько раз приходила сюда и как придет, то рублей пять-шесть даст, то и мы за ее богу молимся.

— А у тебя, что, избы нету?

— Да, нету, молодой человек. Изба была у меня, да она сгорела, помещик—наш барин—дал мне эту избу.

— А что он—хозяин ей?

— Да что велят, то надо делать (он отвечает, бедняк).

— Ну, ничего, я прикажу толстобрюхому, чтобы он сделал тебе новый дом в этом месте и с тремя комнатами.

— Где ж он вас послушает?—сказал бедняк молодому человеку.

— А ты знаешь, кто я?

— Нет, не знаю.

— А вот, в таком-то году, что было у вас? Кто в этой избушке жил?

— Да тут жила солдатка, фамилия такая-то, то ее сыны были богатыри и приказали, чтобы помещик ее воспитывал.

— А ты признаешь меня, что я сын ее и есть?

— Не могу признать. Так вы тогда были маленькие. Хотя вам помещик по двадцать пять пудов булову сделал и вы пошли вслед за ими. Я не признаю, что вы, собственно, теперь, как мужик, а им еще десять лет.

— Нет, самые мы и есть. Ну, вот, завтрашний день я толстобрюхому велю, чтобы он собрал сходку, и ты приходи туда. И я еду в имение.

Сел и поехал.

Приезжает в имение и спрашивает, где такая-то живет по фамилии. Там придворные сказывают— в тех комнатах, где барин находится. Он от придворного прямо к комнатам покатил.

У крыльца лошадь оставил, а сам пошел в комнату. Увидел барин, что идет человек, такой молодой, красивый. Он подходит к нему и спрашивает у его.

— Что вам надо, молодой человек, от меня?

— Я пришел к такой-то женщине, повидать ее.

— А вот она в тех дверях находится (помещик догадался, знаешь), можете пройти.

Он приходит к матери. Мать по лицу узнала, только не знает который. Она и спрашивает:

— Который—Роман, али Иван, сынок?

— Нет, мамаша,—Роман.

— А где ж Иван?

— Иван царствует, уже второй месяц пошел, как женился. Заступил государем, вот в таком-то

месте, а я тоже поступил на престол вот в таком-то месте и приехал за тобой. И отец наш теперь живет у Ивана, ваш муж.

Старуха (какая старуха!) израдовалась, а помещик все в дверях слушает.

— Ну, ладно, мамаша, это все хорошо. Ну, а как же толстобрюхий чорт тебя питал, хорошо?

— Хорошо, хорошо, сынок. Спасибо ему, барину.

— Ну, какой чорт ты ему спасибо говоришь! Ему глаза выколоть надо. Вишь богатого не сдал, а бедняка в службу сдал. Ну, ладно, простим ему эту вину, чорту этому, другой раз помнить будет, не охота рук пачкать—заколоть его. Так что и так уже скоро сдохнет (стар был). Ну, я пойду, скажу, чтоб коня убрали в конюшню.

Помещик от дверей побег.

Вот он входит:

— Ты, толстобрюхий чорт, скажи, чтоб коня убрали в конюшню.

— Вы, может быть, хотите покушать, молодой человек?

— Да, не мешает.

Он крикнул. Подали ему покушать, здесь было пиво, коньяку, вина всякого. Потом он и говорит:

— Ну, ты, толстобрюхий чорт (он иначе его и не звал), ты дай известие, чтоб завтра староста собрал сход, чтоб все были на сходке, ни один не отлучился, и скажи им,—и ты придешь, и Роман такой-то приедет, солдатский сын.

А мужик давно уже рассказал христианам своим, что приехал такой-то.

Помещик живо велел запретить лошадей и сам отправился в деревню. И приехал и на старосту приказывает:

— Чтоб завтра была к девяти часам утра сходка, чтоб никуда ни один не отлучался, а я приеду, и Роман приедет.

А сам отправился в имения.

Приезжает, докладывает Роману, что это все будет готово.

— Ну, так вот же ты, толстобрюхий чорт, ты чтоб сорок ведер бочку вина отправил туда и убил три коровы и послал туда два котла больших, чтоб было в чем варить. Ну, и крупы три пуда пошли, хлеба напеки за ночь пудов семь (хватит с мясом там).

Толстобрюхий чорт сказал, что это все будет готово, — ему спать некогда было с своими прислугами.

На утро к девяти часам помещик запрягает три лошади и отправляет в деревню, и они туда поехали. А мужики уже собравши все.

Роман говорит:

— Ну, вот, раньше по кружке выпить, а потом, — говорит, — разожгите костер, поставьте котлы и поставьте человек несколько, чтоб они готовили.

Мужики рады стараться этому случаю. Вот они выпивают и подхваляют и благодарят Романа:

— Вот, Роман, молодец, третий раз выпиваем за твое здоровье.

— Ну, пейте на здоровье.

Потом он приказывает помещику:

— Ну, вот тебе последняя задача, толстобрюхий чорт: вот на этом месте, где вот такой-то бедняк живет, выстроить дом новый, чтоб было три комнаты, четвертая кухня и двор. Дать ему корову и лошадь и чтоб он ему не служил (не работал на помещика) и чтоб он будет жить, как и

ты, дворянин (помещики раньше дворяне были).
Надо в лес ехать—чтоб его не забирали.

Мужички выпили, поблагодарили, и он мужиков поблагодарил:

— Живите спокойно, а я уеду.

Берет мать и отправляется, а помещику сказал:

— Смотри, толстобрюхий чорт, что я сказал тебе, чтоб было сделано этому мужику, а не будет через год сделано, тогда у живого глаза выколю.

— Сделаю, сделаю, солдатский сын.

Вот Роман приехал в это царство, где его отец и брат, и они здесь погостили. Роман берет отца и мать и отправляется в свое царство и начал царствовать в своем царстве, поживать и бедных людей не обижать. И я проехал—там очень хорошо живется, как у нас сейчас.

Ну, и сказка кончена.

НЕЗНАЙКА

В некотором царстве, в некотором государстве, в одном городе жил купец. У этого купца был один сын. А торговля у него была большая. В государстве была у него в другом большая часть торговли, так что он приезжал в три месяца один раз домой. Когда придет он домой, то сын ему и рассказывает:

— Папаша,—говорит,—к нашей мамаше какой-то ходит и часто с ней ночует.

И папаша действительно стал ее бранить:

— Чего тебе нехватает?!

Ну, и она догадывается, что это никто не может сказать, а проче сына. Он уехал, побранился, и уехал обратным путем за границу. Вот обратным путем он приезжает, ему сын тоже рассказывает это самое. Ну, и он тут стал на ее тоже браниться:

— Как тебе не совестно?!

Ну, и опять уехал. Вот он там уже не пробыл и три месяца, прибыл пораньше. Когда приехал он домой, то сын ему и говорит:

— Папаша,—говорит.

— А что,—говорит,—сынок?

— Купил бы ты мне лошадку.

Отец ему ответил:

— А за чем стало? Мало одной, так можно две купить лошадки.

— Да нет, папаша, мне двух не надо, мне,— говорит,— одной хватит.

Вот и пошли они на базар—выбирать лошадок, и он от отца скрылся немножко. Подбежит к коновязи к одной лошади и к другой лошади. На которую лошадь наладет руку, тая лошадь гнется. Всех лошадей пробег—ни одной не нашел, все лошади гнутся.

Вот идет он, видит, что приехал только что сейчас на базар [мужик]. Он подскакивает:

— Что, мужик, лошадь пригнал?

А он говорит:

— Да, пригнал продать этого жеребенка. (А у этого жеребенка шерсть, как у меня на голове, колтунами, да длинная).

Он подходит к этому жеребенку, кладет свою руку на этого жеребенка, а жеребенок и не гнется. Он и подумал:

— Нашел своего, не гляди, что колтунатый. Сколько же, мужик, ты просишь за его?

— Да рублей пятьдесят, может, и дадут, ну, раз незавидный жеребенок.

— Ну, ладно, я тебе дам сто рублей (ему что сто рублей!). На, тебе десять рублей задатку, а я пойду искать отца.

Дал ему десять рублей задатку и пошел искать отца. Тут отец мимо лошадей ходит, выбирает больших, чтоб они были корпусные и видные лошади. Он ему и рассказывает:

— Что,—говорит,—отец, таких больших лошадей выбираешь мне?

— Да, выбираю, чтоб была лошадь хорошая.

— Так нет, папаша, ты этих лошадей не покупай мне. Я—парень малый, а лошадь большая, она может меня убить.

— Ну, так какую тебе лошадь?

— А, пойдем, я уже задатки дал на лошадь.

Вот и ведет к этому мужику, подводит и показывает:

— Вот эту надо взять, папа, лошадку.

— Да, что ты,—говорит,—сын, это все люди засмеются на нас, что такой именитый купец купил такую лошадь. Эту лошадь весть в паликмахерскую, да отдать пятьдесят рублей, чтобы они обстригли ее. Ты видишь, у нее и ноги кажутся кривые (они стоят, а у ней ноги в кучу).

А сын отвечает:

— Папаша,—говорит,—не надо в паликмахерскую вести, я побольше овса дам, да гребенкой поскреблю, так эта вся шерсть приляжет.

— Ну, так ладно, только совестно домой его весть.

— Ничего, папаша, проведем.

Он спрашивает, купец, у мужика:

— Сколько ты просишь?

А мужик боится отвечать, что сто рублей назначено и десять рублей задатку дано.

А сын отвечает:

— Папаша, я уже сторговался. Выкидай сто рублей ему.

Купец выкидает сто рублей мужику. Мужик подает десять рублей купцу назад. Сын не дает отдавать.

Сын говорит:

— Это тебе на чай десять рублей, которые я тебе дал в задатке, за то, что ты кормил ее хорошо.

Парень взял за узду и повел своего коня.

Отец говорит:

— Ну, ты иди, а я пойду в другой бок (купцу совестно, но сыну поперечить он не мог).

— А нет, папаша, не иди, пойдем вместе, зайдем в магазин. Купишь мне хоть седло да узду, конь станет красивый. Видишь, другая барышня идет, платье на ней худое, а сама хорошая, а идет другая, что не стоит ничего, а платье как оденет хорошее—думаешь, что она хорошая. Так и мы, как на коня оденем сбрую хорошую, то у нас будет конь хорош.

Вот заходят они в магазин, выбирает [сын] седло, выбирает узду, седлает своего этого коня и садится верхом.

— Вот, видишь,—говорит,—папаша, если бы ты большого купил коня, я не смел бы на него сести. А это,—говорит,—маленький, вот я и поеду.

Сел и поехал домой. Вот приехал, поставил его в конюшню, принес ему корму, как полагается, и зачал его кормить. Купец отправляется опять в дорогу и говорит своей жене:

— Смотри,—говорит,—ты не делай так, а то приеду, плохо тебе будет.

Вот сам отправился. А к ей ходил начальник тюрьмы (влюбчик был). Вот она и советуется с им:

— Что нам сделать этому парню, сыну, чтоб до приезде мужа,¹ укокошить его, чтоб не предавал больше?

А начальник отвечает:

— А быдто долго его провести: стакан яду,—говорит,—с чаем дать—вот он готов будет.

¹ Мужа.

А он любил, как утром встанет из постели, так бежит к своей лошади, а потом там пьет и ест.

Вот когда пошел в конюшню, то ему уж стакан чаю приготовили. Иван—купецкий сын приходит в конюшню к своей лошадке. Лошадка его голову повесила.

— Что,—говорит,—моя добрая лошадь, голову повесила?

— А от того,—говорит,—повесила голову, Иван—купецкий сын, тебе уже мать наготовила стакан чаю, пока ты от меня придешь, ты выпьешь и кончишься. Так вот, смотри: чаю ты не пей, а вроде как станешь доставать сахар, то его опружь, то даже салфетка сгорит, тое место, тогда станет она тебя школить за этот чай, что ты опружил его, а ты отвечай: „я его не нарочно прокинул“.

Он так и сделал. А онахватила его чуприну и начала его толкать.

— Что ты опружил чай?

А он ответил:

— Неужели у нашего отца только один стакан чаю есть?

И она тогда ему ответила:

— Я такая горячая.

А он:

— Не надо, мамаша, такой горячей быть.

Вот начальник тюрьмы вечером опять приходит к ей и спрашивает у ее:

— Как, что насчет сына?

— Да не выпил,—говорит,—опрокинул нечаянно.

— Ну, если,—говорит,—опрокинул, то мы сделаем так, что он уже не опрокинет.—И он говорит:

— Он булки ест утром за чаем?

— Ест.

— Испечь ему булку с ядом.

Он утром (ему булка приготовлена была) бежит в свою конюшню, лошадка ему и сказывает:

— Ну, вот, Иван—купецкий сын, тебе гостинец опять приготовлен, этого гостинца не опружишь, а придется съести. Ты бежи в пекарню, купи три булки. Которая булка подходит под тую булку, которая будет лежать на столе, ты эту булку возьми—клади в карман, а тую вытягни, ешь и похваливай, что никогда такой булки вкусной не ел. Когда придешь ты с конюшни, то мать скажет тебе: „пей чай, вот и булочка тебе уготовлена“. Ты скажи: „спасибо тебе, мамаша, что стараешься для меня хорошо. Сейчас же я сяду и эту булочку съем“.

Он так и сделал, а она ему сказала:

— Ешь, ешь, сынок, на здоровье.

Сама повернулась и пошла (все-таки жалко смотреть).

Он эту булку в карман, другую из кармана, ножиком порезает, в сладкий чай мокает и наплетает и кричит:

— Мамаша, иди-ка сюда.

— А чего?

— Булка-то вкусная, прямо-таки я никогда в жизни такой булки не ел.

Съел эту булку и песенки запел.

Вышел на улицу. Бежит собака. Он бросил булку собаке. Собака как съела, так и околела.

Вечером приходит опять начальник тюрьмы.

— Ну, как,—говорит,—у вас?

— Да, молчи,—говорит,— всю булку съел, да приговаривает, да еще меня приглашает.

То начальник говорит ей:

— Ну, погоди, у меня есть волшебник в тюрьме, так я с ним посоветуюся, что с им сделать.

Вот начальник приходит в тюрьму, вызывает этого волшебника к себе в контору и говорит ему:

— Не можешь ты сделать, чтобы околел такого-то купца сын.

— Э-э-э! Это дело сделается, как слюна сплюнется. Купите хорошую рубашку ему, чтобы он не видел ее и я на этой рубашке сделаю—он как оденет эту рубашку—покойник, несите хоронить. Больше он не проснется.

Купили рубашку мигом и принесли этому волшебнику. Эта рубашка была у этого волшебника целые сутки, то значитса лошадь Ивану не ответила ничего эти сутки, а когда была принесена рубаха, он приходит в конюшню, лошадь стоит, голову повесила.

— Вот, Иван—купецкий сын, вот тебе уже рубашечка куплена. Когда ты придешь от меня, то она, мать, скажет, что „вот, Иван, тебе прислал рубашку отец из заграницы такую хорошую“, то ты скажи: „спасибо моему отцу, что он не позабывает обо мне“. А тебе она скажет: „А мамаше?“. А ты скажи: „Ну и мамаше спасибо“.

И ему лошадь сказала:

— Когда она скажет одевать, ты скажи матери: „Как же я такую хорошую рубашку на грязное тело одену. Сделайте ванну мне, я помоюсь и одену рубашку“. Когда поднесет тебе горничная рубашку, то ты скажи горничной, что она холодная рубашка, вели ей у плиты погреть, то она свистнет в трубу, эта рубашка, и пронесет ее воздухом на улицу. Горничная испугается, а ты скажи: „Горничная, не

пугайся, иди, возьми ее на улице“. То горничная принесет эту рубашку, ты одевай ее смело и притворишься, что вроде как помер, то они будут тебя хоронить, даже сегодня. Когда принесут тебя на кладбище, то ты там проснешься.

Так он и сделал.

Когда принесла горничная рубашку, то он пальцем повел по ней, сказал, что она холодная, сходи и погрей у плиты. Горничная пошла греть. С ее рук вырвалась рубашка и полетела в печь и в трубу. Горничная испугалась и всплеснула руками.

— Что теперь мне будет?

Он крикнул:

— Не пугайся, иди сюда! Бежи скорей, на дворе возьми ее и тащи мне сюда.

Она побегла, взяла, принесла и подает ему. Он взял полотенце, вытерся, одел рубаху, зашел в свою кровать и лег спать и заснул на несколько время. Ну, так что он спал, — не слышал ничего. Пришла мать и будит его.

А Иван уж не живой. Она посылает за начальником. Начальник приезжает, сейчас же купил гроб, обили по богатому, как купецкий сын помер. С певчими понесли его на кладбище, открыли крышку, так мать стала приплакивать по сыну, что один был и тот помер, у людей много ребят — не умирают, а у меня один и тот кончился. Даже чуть не обмирает над могилой тут мать. Священник отпел и вот начали накладывать крышку. Иван двинул ногой, крышку свалил.

— Я заснул, а вы хороните.

Стали его спрашивать:

— Когда он помер?

— Да сегодня.

Значит, за ее взялись, а она за начальника, но деньги замазали кое-как. Вот они и думают—была беда и это еще побольше беды нашло. Вот начальник приходит к этому волшебнику и говорит ему:

— Ты, что, мошенник, наделал?!

— А что, ваша благородье?

— Да как же, он помер и воскрес!

— Не знаю я, чтобы моя рубашка не взяла его.

Ну, так дайте мне сутки подумать и посмотреть, я узнаю, почему моя рубаха не взяла.

Ну, и дал ему, волшебнику, думать, то волшебник узнал, что это не он командует, а лошадь его.

Приходит начальник к волшебнику:

— Ну, что, узнал?

— Узнал, ваше благородье. Да ему, что не сделай—все будет живой. Это не он командует, а лошадь его. Что пока лошади не убьете, то его не провести никаким способом. А как лошадь убьете, то тогда его в два счета я проведу.

Тут же они посоветовались убить лошадь.

Иван—купецкий сын является в конюшню. У лошади уже слезы на глазах. Он и спрашивает:

— Что, лошадка моя, плачешь?

— Да вот, Иван—купецкий сын, я тебя спасла, а теперь спасай меня. А не хочешь спасать, так спусти меня в чисто поле. А так, если желаешь, спасешь меня, а я спасу тебя. Ступай домой, бери деньги побольше с собой и проси у матери, что я прокачусь на своем коне. Ну, мать тебя будет отговаривать, скажет: „куды ты, Ваня, покатишься, вчера помирал, а сегодня уже кататься захотел“. Когда не будет пускать тебя, то ты просись хоть во дворе прокатиться три раза. Она будет велеть,

что ворота будут закрыты, то мы через ворота прыгнем.

Вот он пришел с конюшни, не садится чай пить.

Мать предлагает:

— Пей, Ваня, чай.

А Ваня отвечает:

— Что-то, мамаша, неохота сегодня так рано пить. Мамаша, я прокачуся сегодня на своей лошади.

— Да куда, сынок? Вчера помирал, а сегодня кататься собираешься. Лучше завтра прокатаешься.

— Нет, мамаша, сегодня охота.

— Нет, не пушу, сынок.

— Ну, так не пускаешь по городу, так я на дворе прокачусь три раза на своей доброй лошади.

Ну, она сказала, что:

— На дворе прокатись, и я выйду на крыльцо и буду смотреть, как Ваня катается.

И взяла левольвер с собой, думает:

— Ворота будет ломать — она из левольвера бухнет.

Ну, вот он раз прокатился, другой воротился и говорит ей:

— Видишь, мамаша, как хорошо качусь.

Третий раз подъезжает к ней, тисканул своего коня. Лошадь через ворота, она из левольвера бабах, только и видела.

Когда он выехал за город, то ему лошадь и сказывает:

— Теперь мы поедem далеко. Мы, пожалуй, еще не вернемся. И вот проедим мы немного, будет здесь лисица бегать, то это не лисица, а это волшебница. Она может делаться прекрасной девой

и старухой, и она будет лезти, чтоб ты с ней остался, но ты не соглашайся оставаться. Когда не согласишься, то она выкинет тебя из окошка, а там будет дорожка.

Вдруг неоткуда взялась лисица. Лошадь догоняет лисицу, но никак не догонит. Лисица бегла, да в нору, лошадь остановилась.

— Ну, вот, ты полезай в эту нору, а я буду гулять, пока ты оттудова вернешься. А ты вернешься оттудова, когда она тебя из окошка выбросит, а если не выбросит, то, не увидишь ты меня, а я тебя. И вот что я тебе наказывала, то и делай: будет давать тебе папиросы курить—ты кури, молоко пить—ты пей, потом тебе жажда запалит, воды пить захочешь, то у ее будет два колодца в избе. Один колодец будет хрустальная вода, а другой колодец будет мутная вода,— там будет собака утоплена вроде, то ты скажешь, что тебе пить охота. Она скажет: „Пей, вода хрустальная, вот здесь кружка есть“. Когда хрустальной воды выпьешь, то ты все забудешь и останешься с ей. А ты подойди, с того колодца возьми кружку и пей воду. Она скажет: „Что ты, Иван—купецкий сын, грязную воду пьешь?“ а ты скажи, что я и с кваском люблю пить. Вот она тебя из окошка и выбросит.

Он так и сделал. Ну, вот она взяла его из окошка и выбросила, а там лежала дорожка—лошадь ему тогда же сказала еще, когда он лез в нору:

— Это ты пойдешь в подземный свет, то там будут три богатыря. Эти богатыри сбивают за версту свистом человека, то ты, когда он свистнет, то он тебя не собьет еще с ног, ты поклонися ему, сними шапку и поклонись.

Так он и пошел.

Вдруг свист.

— Кто идет ко мне?

Иван скинул шапку и поклонился. Ну, вот, увидел это богатырь за версту, что молодой парень чего-то хочет спросить.

Он ему сказал:

— Ну, иди сюда, ближе.

Он подходит и рассказывает этому богатырю как ему отец лошадку купил, как он эту лошадку кормил, как хотела его мать провести. Богатырь все это выслушал и сказал ему:

— Я не могу тебя на путь направить, иди к моему среднему брату, тот, пожалуй, тебя на путь направит. Ну, вот, на тебе клубочек, когда он крикнет: „кто идет?“ — ты брось этот клубочек, вперед к нему, и он скажет: „Иди, иди, это брат направил младший ко мне“ и ему расскажешь все, как и мне рассказал, и скажешь, я направил тебя к нему.

Так он и сделал. Поблагодарил и пошел.

Вдруг версты за полторы слышит голос:

— Кто ко мне идет?

Он крикнул, пустил клубок, уже через минуту отвечает:

— Иди смело ко мне, Иван—купецкий сын!

Подходит к среднему брату, поклонился ему и сказал, как отец купил ему лошадку, как он катался, как мать хотела провести, как его лошадка направила сюда.

— Ну, хорошо,—сказал богатырь ему,—что теперь поздно идти, ты устал, молодой человек, отдохни, а утро мудреней будет вечера.

Тогда он лег отдыхать, то этот богатырь послал

своему брату известие, старшему, „что вот такой-то пришел ко мне, какой ему дать совет и что ему делать, и чем ему заниматься“.

То брат отвечает:

— Что пусть он завтра ко мне придет, то я сам направлю его на путь.

Утром он встает, помылся, ему говорит богатырь:

— Подзакуси, молодой юнош, а то далеко тебе итти до брата моего, не до того у которого ты был, а до старшего нашего, я спрашивал у его, так он хочет видеть тебя и он тебя направит на путь.

Вот он покушал, поблагодарил и отправился к ему. Но все-таки он дает ему такой самый клубочек: — Как он крикнет—ты бросай клубок, так он уже знать будет, что это идешь ты, и придешь к ему и поклонися и расскажи ему, как и нам рассказывал, то он тебя сожалеет и направит тебя на путь. Ты будешь человеком и выйдешь ты тогда на тот свет, на котором был.

Вот он отправился за этим клубочком, а клубочек катится. Когда там показался голос, клубочек скрылся, осталась вроде дорожка, одна нитка. Вот он идет, только нитка убирается, а клубочка нету. То он приходит к этому дедушке, поклонился ему, рассказал, как ему отец лошадь купил, как его мать хотела провести, как его лошадь сюда направила, а старик сказал:

— Я знаю уж, ну, ступай же за мной.

Позвал его в склеп, взял черпак, из ведра зачерпнул пива черпак и подает ему:

— На-ка, выпей этот черпак пива.

И он выпил.

— Ну, пойдём-ка сейчас на улицу. Вот тебе лежит огромный камень. Ну-ка, — говорит, — молодой человек, попробуй-ка с этим камушком поиграть.

Он стал этим камнем играть, было ещё тяжело.

Ему дедушка говорит:

— Да, ещё маловато пива выпил. Пойдём-ка в склеп ещё.

Вот они пошли в склеп, дедушка из другой бочки наливает ему обратным путем пива.

— Выпей-ка ещё черпачок.

Он и выпил.

— Ну, пойдём-ка на уличку.

Лежит ещё побольше камень.

— Ну-ка, поиграй с этим камушком.

Он этот камень подхватил, подкидывает все равно, как мы трехфунтовую подкидываем.

Дедушка видит, что ничего теперь, может владеть. Дедушка его спрашивает:

— Как себя чувствуешь?

И он и говорит:

— Вот, дедушка, если б был здесь столб вкопан в землю и утянут в небо, так я бы свет повернул, знаешь, в круговую.

— Да, — дедушка подумал, — дал силу ему большую уже, то теперь его никто не колупнет. Ну, ступай ещё в подвал.

Наливает из третьей бочки три четверти ковшика пива.

— На-ка, выпей ещё.

Он выпил.

— Ну, пойдём на уличку. Ну, поиграй с этим камушком.

Камушек ему показывается, что пудовая гиря.
(Он ему силу убавил).

— Ну, как теперь себя чувствуешь?

А он отвечает:

— Что я стал слабее.

А дедушка рассказывает:

— Довольно с тебя, что ты молодой, будешь прибавлять. А если так, как ты сказывал, что столб в землю и в небо и ты свет крутнул, то тогда не могла бы твоя лошадь и возить тебя, а теперь она сумеет тебя поднять, а то б ты был сильнее лошади. Ну, вот же, отправляйся этой вот дорогой, пройдешь, там будет нора, ты по этой норе будешь идти свободно, а под конец будет тесновата, то ты выйдешь на тот свет, где рожден. И когда ты выйдешь, то будет у этой норы пастух пасти свиней и у пастуха будет свиная шуба на нем от дождя, то ты как не можно старайся эту шубку откупить, дай ему свое пальто и дай ему придачу.

— А что, дедушка, я буду делать, когда я шубу возьму у его?

— А ты должен эту шубу носить каким ты не будешь, пока она с плеч не упадет. Остатки твой добрый конь тебя будет учить, что надо делать. Конь уже знает, что ты идешь, он дожидает тебя там. Как шубу оденешь, так лошадь явится.

Вот он и пошел. Выходит к пастуху. Пастух пасет свиней. Подходит он к пастуху и говорит:

— Здравствуй, пастушок.

— Здравствуй, здравствуй, молодой человек.

— Ах, у тебя шуба хороша,—он рассказывает.

— Да ничего. А как же—мы свиней пасем, бывают дожди, то такой замочит, что и деться мне негде будет.

— Да слушай, вот я дам тебе свое пальто, придачу, и ты придешь и скажешь: „Вот, дедушка, я поменял шубу на пальто, и взял придачу“, то и дедушка ничего тебе не скажет.

Пастух подумал:

— Это и правда, что пальто дороже стоит шубы, да еще и придачи возьму, а у дедушки есть там кож свиных, он еще сошьет мне.

Когда он скинул пальто, а пастух скинул шубу, он тогда дал ему сто рублей придачи. Пастух усмехнулся и сказал:

— Вот дурак, сто рублей дал и свиную шубу взял. Куда он в ей покажется.

А он живе́й от пастуха удирать. Несколь прошел, может быть шагов двадцать, является к нему его добрая лошадь и кричит ему:

— Здравствуй, Иван-царевич (уже царевичем стал).

Он отвечает:

— Какой же я царевич?

А он (конь) отвечает:

— Уже твоя царица дожидает тебя давно. Ну, садись же на меня помягчей, а держись покрепчей, мы теперь поедем не по земле, а по воздуху.

Он когда сел на лошадь, действительно он земли не видал, но так показалось ему, что они едут четверть часа, а тут оказывается, что они уехали за тридевять земель в тридесятое царство.

Стоит город. Лошадь остановилась на земле уже и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, видишь—солдаты там работают, так это был,—говорит,—у государя бал, да полполка солдат выгнали кастрюли чистить, то ты иди туда к им и скажи солдатам: „Эй, вы, чистель-

ники". А они скажут: „Эх, ты, свиная шубка, ты на-ка, попробуй вычистить". А ты скажи: „Давай, попробую". Ну, вот и берись чистить кастрюли, а потом тебе будут подавать все кастрюли чистить, ты только в руках поддержи—они будут чистые. (Лошадь будет чистить).

Вот он пошел туда в свиной шубке своей, подходит к солдатам:

— Здравствуйте!—говорит.

— Здравствуй, свиная шубка.

— Что вы делаете?

— А что ж, ты не видишь, свиная шубка, что кастрюли чистим.

— Да плохо вы чистите.

— Ну-ка, на, свиная шубка, ты почисти, тогда и скажи, что мы плохо чистим.

— А давай-ка,—сказала свиная шубка.

Он взялся за кастрюлю—кастрюля чистая. Кидают и другую—и другая готова.

Он и кричит:

— Кидайте сюда в костер, я все вычистю.

Ему подносят, он только берет в руки—и чистая. Когда он вычистил кастрюли, то солдаты собрали и дали ему три рубля денег за работу. Солдаты повезли кастрюли и он с ними пошел в город разом. И вот стоит гостиница. И он от солдат пошел в гостиницу. А солдаты повезли кастрюли в государский дворец.

Когда привезли они кастрюли и стали носить на кухню, повар увидел и спрашивает их:

— Кто вам чистил кастрюли?

— Да мы,—говорят,—чистили.

— Не может быть, чтоб вы так вычистили чисто кастрюли, да и скоро. Несколько разов чи-

стили вы кастрюли, которая чиста, которая не почищена, а это что в одну руку вычистили (все ровно вычищены).

— Так нет, в самом деле, повар, мы чистили.

— Ну, не говорите мне.

А другие молчат и посмеиваются, один говорит:

— Да что нам,—говорит,—здесь обманывать.

Другой говорит:

— Это не мы чистили, это,—говорит,—подошел один в свиной шубке и начал смеяться, что мы песком трем, то мы ответили ему, что „на-ка, ты вычисти, посмотрим, как ты, свиная шубка, вычистишь“, и он хватил одну кастрюлю руками, провёл—кастрюля чистая; мы дали другую—и другая чистая; мы стали ему подносить все—и все чистые. Мы не справлялись ему носить—как кастрюли чистые все. То мы ему за работу собрали кто десять, кто пятнадцать, кто двадцать копеек, накидали ему три рубля за работу.

А повар спрашивает:

— А куда же он пошел?

— Да он пошел с нами в город и остановился вот в такой-то гостинице, пошел пропивать, видно, три рубля этих.

— Так вот, на-те, тащите ему десять рублей,—сказал повар,—пусть он закусит с такой работы, да и скажите ему, чтобы он с вами пришел ко мне, такой человек нам годится, а денег я сберу ему купить пальто, шубу он сбросит.

Вот солдат побег в эту гостиницу. Приносит ему, подает этих десять рублей денег.

— На-ка, свиная шубка, тебе десять рублей денег, это послал повар от себя тебе за работу, что ты вычистил так хорошо кастрюли, так вот выпей,

закуси, и велел, чтобы я привел тебя к ему и сказал он, что нам такой человек годится.

— Так я и пойду (он вроде дураком сделался), а там по шее мне не дадут?

— Нет, нет,—солдат ответил.

— Да поздновато итти.

— Да не бойся,—говорит,—итти, да шубу сбросишь и пальто оденешь и на кухне будешь жить. Не надо по трактирам ходить корок собирать и свиную шубу носить, тебе и пальто купят, оденут, что барина.

— Да мне и в шубе хорошо.

Он действительно выпил, закусил и отправился с солдатом. Солдат его приводит на кухню, а повар уже и государю доложил, что вот, и кастрюли показал, что вычищены, и сказал:

— Я послал посланца, чтоб привели его сюда.

То здесь государь и государыня и три дочки дожидают его, молодца этого в свиной шубке.

Вот и он является с солдатом. Государь его и спрашивает:

— Ты кастрюли чистил?

— Я, барин.

— Откуль же ты?

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Незнайка.

— Где ж ты проживал до этих пор?

— А по свету хожу, что кому сделаю, то по работе плату дают.

— Да тебя зовут Незнайка?

— Да, барин, Незнайка.

— Ты у нас останешься с поваром на кухне.

— А если можно, так остануся.

— Так у тебя и паспорта нету?

— Да, если бы был паспорт у меня, так я шубки не носил этой.

— Так и оставайся у нас на кухне.

— Ну, ладно.

— А завтра мы тебе одежду дадим.

— А мне хороша и эта (он духом не падает). Вот приносят ему на второй день одежду.

— Одень, Незнайка, одежду.

— А мне хороша и эта.

И сколько они его не мучили, он все шубу не снимает, а с работы жалко выгнать, работник хороший.

Один раз к государю приехали сваты из другого царства и сватают меньшую дочку — красавицу. Тут пришел бал у их. Государь отказался от этих сватов.

— Мне надо отдать старших, а потом младшую.

Вот один раз в прекрасное время государь собирает гостебу. Незнайка уже два месяца прожил здесь, то когда он собрал гостебищу и вот такое-то кушанье назначил, чтоб было кушанье в определенные часы. А повар любил играть в карты — он пошел играть в карты и проиграл он долго. Пришел и немножко надо ему продремать, а он на Незнайку надеялся, что Незнайка его не прозевет.

— Я лягу спать, а ты, Незнайка, меня разбуди, будем готовить обед.

— Хорошо, разбужу.

Ну, тот, может быть, выпивши был и завалился спать, а к двенадцати часам, чтоб был обед готов.

— Ну, ты спи себе спокойно.

Повар надеется, что Незнайка разбудит его.

А Незнайка даже не трогал его.

— Спи себе.

Встает в пять часов и что приказано повару, делает обед сам, без повара.

Вот уже девять часов, а повар спит в темной комнате. Вот уже одиннадцать часов—повар спит. Когда государевы дочери прибегли на кухню и спрашивают:

— Обед готов или нет?

— А я почему знаю, готов обед или нет,— отвечает Незнайка,— я же не повар.

И спрашивают:

— Где же повар?

— А я почему знаю. Только сейчас вышел.

Вот уже половина двенадцатого. Повар спит. У Незнайки обед уже готов. Тут уже стали бегать бесперестанно:

— Готов ли обед?

— А я почему знаю.

— А где же повар?

— Да только сейчас вышел,—опять отвечает Незнайка.

Он пошел к повару.

— Повар, время вставать.

— А сколько время, Незнайка?

— Да скоро двенадцать.

— Что ж ты наделал?!

— Да я сам проспал.

— Ступай уже, подай веревку, я задавлюся.

— Так на что тебе веревку, я немножко подготовил, хорошо или нет—может быть как и сойдется. Я вижу, что ты спишь, ну и начал готовить сам.

Повар прибег на кухню, смотрит, что сказано— то все готово и начал пробовать, которое не покушает—вкусно, повар повеселел.

А Незнайка тут как тут:

— Что, повар, можно ли раздавать обед?

А повар отвечает:

— Можно.

Вот стали обед раздавать. Когда публика пообедала, поблагодарила государя и сказала:

— Мы такого кушанья не кушали, что ваш повар сделал. Вот вашему повару похвальный лист и вот ему тысяча рублей (насобирали денег).

Повар получил деньги, похвальный лист берет себе в карман, а деньги отдает Незнайке.

А Незнайка отвечает повару:

— А куда мне с деньгами?! В карты я не играю, выпивать я не выпиваю, одежи мне не надо, верхнее—мне и шубка хороша, а споднее и барин даст, а ты любишь в карты играть и поиграешь, да и выпьешь.

Вот государь и говорит:

— Теперь вы сватайте мою младшую дочь, но мне надо отдать старших дочерей. Я устрою балкон такой и посажу дочь на третий этаж. Кто достанет ее и возьмет зарученное кольцо, тот будет моим зятем.

Вот они смотрят: кто ж может достать? А он устроил балкон при этой же публике и посадил свою дочь. Там собралась публика и городская и такая—деревенская. Каждому охота посмотреть. В такие-то часы она была посажена. Незнайка просится у повара:

— Пусти-ка меня, повар, я посмотрю, как будут доставать государя дочь на балконе на третьем.

— Ну, иди,—говорит,—посмотри.

Он вышел с государского дворца. Там уже публики было, что земле тяжело было. Он и крикнул:

— Эх, Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

— А что, Иван-царевич, будем доставать невесту тебе? Мы сегодня не достанем, а только людей потешим,—лошадка отвечает ему.—Полезай-ка в левое ухо, а в правое вылезай,

Вот он в левое ухо влез, а в правое вылез. Сделался таким молодцом, и свиной шубки нет на нем. Конь его и понес. Только на первый этаж заскочил конь. Все крикнули:

— Ура!

И государская дочь крикнула:

— Остановись на земле, я сама сойду (видит, что молодец хороший).

Но Незнайка только и был здесь. Мужики разинули рты. Он взял, спустил свои калоши и по губам мужикам попало.

— Что рты разинули!

Потом лошадь опустилась на низ, он в правое ухо влез, с левого вылез и свиная шубка на нем оказалась опять, и приходит в государский дворец.

Спрашивает повар у его:

— Ну, что, Незнайка, видел?

— А ничего такого не видал. Только видал, что один подъезжал на коне, да только крикнули „ура“, так он спустил калоши свои, так двум мужикам губы рассек. А больше ничего не видал.

Свое дело начал делать.

Государь публику не распустил и на второй

день опять садит дочку на балкон. Незнайка опять просится:

— Пусти меня посмотреть, как будут государственной дочери доставать кольцо.

Повар говорит:

— Иди.

Вот он и пошел. Вошел опять крикнул свою добрую лошадь. Лошадь к нему явилась.

— Ну, что ж, будем сегодня доставать?

— Сегодня мы только на второй балкон заскочим,—лошадь ему отвечает.

Он опять в левое ухо влазит, в правое вылазит. Делается таким молодцом, как и вчера был. И вскакивает на второй этаж балкона. Ну, и обратным путем отправляется тоже, калоши снимает, мужикам губы разбивает. Лошадь опускается на землю. Он в правое ухо влазит, в левое вылазит. Опять на нем свиная шубка. Он приходит во двор, повар спрашивает:

— Ну, что видал, Незнайка?

— А я далеко стоял. Так что явственно не видел, только видел, что вроде как на втором балконе кто-то был, ну и мужикам тоже по губам попало.

Ну и пошел на свое дело опять.

Государь публику не отпустил и сказал—до третьего разу. Вот на третий день тоже садит дочку на балкон и кто будет доставать ее. Увидать хотя зятя своего.

Вот Незнайка опять просится у повара:

— Пусти меня, дяденька.

— Ну, иди.

Он опять пошел.

Вот крикнул он свою лошадку. В левое ухо влез, в правое вылез и катнул на третий балкон,

взял зарученное кольцо, там они обнялись, поцеловались. Она и говорит:

— Пойдем на пару стаканов чаю к нам.

— Нет, спасибо,—он отвечает,—я раньше буду у вас.

— А когда у нас будет свадьба?—она спрашивает его.

— А через год.

— А как же мне тебя увидеть?

— А ты часто будешь видеть меня.

— Как часто?

— А так, чуть не каждый день.

— А ты меня?

— И я тебя чуть не каждый день.

И отправился Незнайка на своем коне на землю. Невеста слезла и пошла, а Незнайка уже дома. Когда лошадь опустилася, Незнайка в правое ухо влазит, а в другое вылазит, и опять свиная шубка на ем.

Вот приходит повар и спрашивает:

— Ну, что ты видел, Незнайка?

— Да ничего не видел. Только будто достал он зарученное кольцо. Сказал, что через год свадьба будет. Ну, вот я больше ничего не видал, не слышал.

И свое дело начал делать.

Вот уже принцы начали сватать старшую и среднюю дочку замуж. Тут же Незнайка на свадьбе был и она его видала, ну только не знала. А Незнайка знал, что тут невеста. Вот они уже живут и потом сестры и зятя стали смеяться этой красавице—младшей сестре:

— Тебе за отборки подкидает чорт оборки.

Он видит, что они стали делать насмешку ей

и она стала смутна. Он провел месяцев пять — шесть, не показывая никакого виду.

Вот в одно прекрасное время велел ему повар вычистить кастрюлю.

И он одел кольцо на руку и начал чистить кастрюлю. Повар увидел, что у него золотое кольцо.

Он подходит:

— Какое у тебя кольцо?

— Какое?!—Золотое.

— А оно именное?

Повар видит, что кольцо государской дочки.

— Где же ты его взял?

— Где взял?!—На третьем балконе.

Тут сказали государю, что у Незнайки кольцо его дочки. Государь приходит и спрашивает:

— Где взял кольцо?

— Где?—на третьем балконе.

Прибегает невеста:

— Где взял?

— На третьем балконе.

— Ты тогда не такой был?

— Мало ль, что не такой был.

— А ты знаешь, я что говорила?

— Знаю. Звала его на пару стаканов чаю. А он сказал, что я раньше буду. Говорил он так?

— Говорил. А как мы будем видеться?

— А каждый день.

Он говорит:

— То я видел тебя, а ты меня, я знал, а ты не знала. Тебе сказывали: за отборки подкидает чорт оборки. Я сказал—через год свадьба будет. Ну, вижу, что ты стала тосковать, так я задумал жениться за полгода.

Его бедняка из кухни—в комнату.

То государь ему дает большие деньги за то, что говорит,—не будь зятем моим,—а он отвечает:

— Где ваше слово? Тогда все можно изменить.

Государь видит, что делать нечего, надо свадьбу играть.

Вот он стал свадьбу делать, стали одежду давать, но он свиной шубы не скидает, поехал венчаться в свиной шубе. Споднюю одежду передет, а верхнюю не снимает. Вот они поженились и спать легли. Вот она проживает с ним, не печалится, он шубу не скидает, сколько ему не предлагали.

Вот в одно прекрасное время он вышел на балкон и крикнул свою лошадь:

— Эй, лошадка моя, жить хорошо!

Лошадка ему отвечает:

— Рановато еще шубу скидать. Но все-таки давай устроим: я пошлю в государский сад золотого барана, то тогда государь пошлет зятьев ловить того барана. Кто поймает—тому одна треть царства. Но барана никто не поймает окромя тебя. Но ты возьми с их за это с левой руки по мизине-пальцу.

Он только завернулся в свою комнату—баран заявился. Государь собрал зятьев и заявил:

— Кто поймает барана — тому треть моего царства отпишу.

Два зятя ничего не думавши седлают коней барана ловить. Баран—шмыг через забор, и они погнались за бараном. Он просит государя:

— Папаша, дал бы мне какую лошадку. Может я поймал бы.

У государя был жеребец такой, что шесть человек с одной стороны и с другой стороны выводили, чтоб только он не кидался на народ.

— Выведьте, — говорит, — ему этого жеребца, хоть пусть он его разобьет.

Вот подводят ему этого жеребца, он идет к нему поближе и берет за узду этого жеребца и говорит им:

— Какой я слабый, такого мне жеребца привели.

Хватает этого жеребца на спину и пошел. Вытягивает за город и кидает.

— Эй, сороки, вороны, ешьте, это я прислал вам подарок.

А сам отправился в свиной шубе туда, куда баран пошел, догоняет своих свояков.

— Так возьмите меня в помощь, — сказал он им. — Будем ловить трое.

— Да куда тебя. Мы и одни хороши.

— Ну, ладно, так я побегу.

И вот прибег, скрылся, сделался старичком седеньким, и баран кругом его ходит.

Подъезжают царские зятья двое.

— Куда вы едете, молодые люди? — спрашивает у них.

— Да едем барана ловить этого, он в нашем саду ходил.

— Ого, так вы хотите моего барана взять. Нет, дорогие, нет. Хоть вы царские зятья, не таков тут бег в свиной шубке, со мной сразился и не знаю, куда он убер.

— Да мы, дедушка, тебе большие деньги дадим за этого барана, только отдай нам его.

— Баран за деньги к вам не пойдет. У меня у самого денег сколько у вас. А если желаете барана взять, то дайте мне с левой руки по мезеневому пальцу, я отрежу и болеть не будет у вас и

садитесь на лошадей и баран вслед пойдет за вами.

— Так больно будет, дедушка.

— Нет, не будет больно, а вас никто не видит. Будете ходить в перчатках и никто не узнает, что вы его купили у меня и вам государь отпишет третью часть царства и будет слава ваша.

Так они и сделали. Когда он отрезал пальцы, им не больно было.

Одели они свои перчатки, и он велит:

— Садитесь на лошадей.

И они сели на лошадей.

— Но, что же, приказать баранчику вперед идти или сзади вас.

— А пускай в срединке.

Он велит баранчику:

— Ну, баран, иди к новым хозяевам.

Ну, баранчик отправился. Он остался здесь.

Через несколько время догоняет их опять.

— Так возьмите меня, свояки, вместе.

— Ну, куда тебе, небось пробег, да мимо. А мы все-таки поймали.

— Ну, и ладно,—сказал.

Он от них и пошел.

Подходит к лесу, вырывает сосну верхков на пятнадцать и тащит ее в город, прямо в государский дворец и кричит:

— Открывайте ворота!

Ворот ему не открывают. Он как уперся, столбы пошли вслед за ним. Вот притягает к крыльцу, государь и говорит:

— Для чего ты притащил ее?

— А это, батюшка, дрова будут.

Ну, вот, заставили солдат сосну пилить.

На второй день он обратным путем выходит на балкон и крикнул свою лошадь. Лошадь является.

— А что прикажешь, Иван-царевич?

— Да что бы нам устроить такое получше?

— Ну, я пошлю свинку—золотую щетинку. Акромя тебя никто не поймает ее,—лошадь отвечает,—то ты бери с их ноги по мезеновому пальцу.

Вот тут государь выходит на балкон и видит, что свинка—золотая щетинка разгуливает у его в саду. Он опять крикнул:

— Зяти мои, поймали баранчика, поймайте и свинку—золотую щетинку. Тогда еще половину царства отпишу.

Они опять лошадей седлают, уезжают, а царевна, его жена, приходит к нему в комнату и говорит ему:

— Вот те поехали ловить, а ты сидишь.

— Ну, может быть и я когда поймаю,—он ответил.—Ну, все-таки я пойду, попрошусь ловить, знаешь.

Вот приходит он к государю и сказывает.

— Папаша, дай мне лошадь, я поеду.

Он отвечает:

— Какую тебе лошадь дать? Если не мог ты на той ехать, которую шесть человек с одной стороны и другой вели и то ты её на плечах понес. Так я пожалел людей, чтоб он людей не убил. Ну, иди, и бери какую хочешь.

— Я, пожалуй, лучше пешком пойду (он знает, лошадей таких нет).

А эти уже уехали далеко за этой свинкой—золотой щетинкой.

Он догоняет их обратным путем и говорит:

— Возьмите меня с собой.

Ему отвечают:

— Мы и одни хороши.

— Ну, ладно,—сказал он,—а если я побегу, да и догоню, то я тогда вас не возьму в пай.

— Ну, бежи.

Он своими полами махнул, так и лошади споткнулись ихние. Тут Незнайки и духу нет, не знай, где и делся Незнайка.

Они подъезжают, он сидит старичком, покуривает трубочку и они подъезжают к нему и говорят:

— Здравствуй, дедушка.

— Здравствуйте, здравствуйте, царские зятя. Куда, далеко едете?

— Да вот едем, дедушка, свинку эту поймать.

— Ого,—говорит,—а что же вы годовали¹ ее?

— Она в нашем саду была.

— Так надо было в саду и брать. А на дороге нечего ловить.

— Так мы, дедушка, купим у тебя. Большие деньги дадим.

— Да у меня денег столько, сколько у вас. А вот если желаете, то вчера я взял у вас из руки по мезеновому пальцу, в теперь дайте с ноги по пальцу, то и свинка пойдет, как баран за вами и получите у государя часть.

— А больно не будет?—они спрашивают.

— Что,—говорит,—вчера болело у вас?

— Нет.

— Ну, и сегодня болеть не будет.

И они скидают сапоги, он вырезывает им по пальцу. Велит садиться на лошадей, а свинка сама вслед побежит. Он и говорит:

¹ Растил.

— Ну, свинка, ступай к новым хозяевам.

Свинка хрюкнула и пошла. Он опять догоняет, опять просится в пай. Они опять его отказали от себя.

— Куда ты,—говорят,—годен нам.

— Ну, ладно, мне и так хорошо,—ответил.

Сам отправился от них. Обратным путем заходит в лес, тоже вырвал сосну и тягнет по городу. И тратуары вырвал и мостовые поковырковал, все-таки ему бояться сказать, что он везет. Вот они видят, что он тягнет сосну опять, то они стали ворота открывать, чтоб со столбами не пошли ворота. Он подходит к воротам:

— Вот молодцы, и ворота открыли. Знают, что я дрова несу.

И он приносит, а солдаты еще и тую сосну не убрали.

— Убирайте другую!

Ну, ему здесь ответ никто не дал уже больше. Он запел песенку и пошел в свою комнату.

Вдруг является жена его:

— Ты хоть иди, когда будет отец отписывать, то пусть нам даст гденибудь, хоть один город.

— А нам и тут хорошо.

Она сохмурилася, пошла, а он песенки запеваает, ничего не унывает. Но вот, государь отписал и остается у государя половина царства, можно сказать.

Он ночь переночевал, опять уходит на балкон. Крикнул свою лошадку.

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась и спрашивает у него:

— Что надо, Иван-царевич?

— Да что бы придумать, а то у меня жена почти что в чахотку впадает, мне жить хорошо, но не очень весело.

Лошадка ему и отвечает:

— О, Иван-царевич, еще много муки надо принять, чтоб эта свиная шубка с твоих плеч упала, ты помнишь, как тебе сказал дедушка?

— Помню.

— Ну, помнишь, да не знаешь, а я знаю, что мне дедушка передал. Так вот я пошлю еще быка золоторогого в этот сад, апречь тебя никто не поймает. Ты сделайся таким сивеньким старичком и проси у государя лошадь и он тебе будет давать лошадь вот такую-то. А ты возьми лошадь, на которой воду возят. Эта тебя понесет (лошадка знает, какая лошадь понесет).

Сам отправился в свою комнату и песенки запеваает.

Вдруг государь глянул в окошко, видит по саду ходит бык золоторогий, роги блестят золотые, он и говорит:

— Ну, зяти, поймали баранчика и свинку, то поймайте и быка золоторогого.

Вот они и отправляются ловить, а Незнайка в комнатах сидит.

Приходит к нему жена и говорит ему:

— Незнайка!

— А что?

— Да вон поехали ловить быка золоторогого.

— Так и я поеду.

— Ну, так поезжай.

— Пойду просить у папаши коня. Они давно уехали, я пешком не догоню.

Вот приходит.

— Папаша, дай мне лошадку, может я быка золоторогого поймаю.

Государь велел вывести жеребца огромного такого, дикого. Вот его ведут вдвоем: один с одной стороны, другой с другой, на арканах. Незнайка подходит к этому жеребцу. Берет этого жеребца за голову и говорит этим:

— Отойдите отсюда.

Эти отскочили от жеребца, а жеребец стоит, что вкопанный. Он стал вроде как садится на него, как притиснул, так и ноги поломались у жеребца, жеребец упал. Он бросает этого жеребца, а тут как раз водовоз приехал за водой и он подскакивает к водовозу, не распрягал, а сверху хомут сорвал и лошадь стала свободна. Садится на нее и говорит:

— А то дают такую лошадь, что может убить меня.

И выехал на улицу, так с подков только искры летят (как понесся на этой лошадке!..) И догоняет их. Они смотрят, что такой стук идет им вслед.

— Смотри,—говорят,— вот Незнайка едет на той лошади, что воду возят.

Подъехал к ним.

— Ну, теперь я на лошади, теперь поедем вместе, я не отстану от вас.

Ну, вот, едут, он не отстает от них, а бык дальше, дальше. Ему надоело с ними канителиться.

— Так хоть вы скорей поезжайте, а хоть я.

— Ну, так поезжай ты,—ему сказали.

— Ну, ладно,—он сказал,—я поеду может я его и поймаю. Ну, прощайте, счастливо!

— Вот чорт навязался.

И он укатил. Бык с глазу скрылся и Незнайка скрылся. Уже Незнайки нету. Бык ходит и траву ест, а старичок вверх бородой спит. Они подъезжают и говорят:

— Вот тот дедушка спит уже, у которого мы купили свинку—золотую щетинку.

— А давай,—говорит,—возьмем быка, пусть спит,—один говорит.

А другой:

— Так нам не поймать его.

А Незнайка все это слушает. Подъехали они к быку, чтоб закинуть на быка веревку (веревка была у них). Когда один закинул на рога веревку, так бык своим рогом как шаркнул, так и с седла слетел. То он и прохватился:

— Ого, какие вы ловкачи. А еще царские зятья. Да и в воровство пускаетесь. Это совестно вам.

— Ну, прости, дедушка,—говорят.

— Ну, так вот, если желаете бычка взять, то дайте я вырежу у вас на плечах по значку.

— Так будет больно.

— Если я пальцы вырезал, так больно не было, так и это болеть не будет, а бычок за вами идет вслед.

Они скинули свои пинжаки, подняли рубашку, он с плеч по куску мяса у их вырезал.

— Ну, теперь садитесь на лошадей, бык вслед пойдет.

Они сели.

— Кто ж такой есть в свиной шубке? Вот уже третий раз он со мной сражался, хотел барана отступить и свинку—золотую щетинку и быка золоторогого, ну я ему предложил тое самое, что

вам, так он не согласился. А деньги большие давал.

Вы его не знаете?

— Не знаем, дедушка.

— Я по наслухам слышал, что он тоже государский зять.

— Да нет, такого у нас нету.

— Да он, кажется, с виду немного дураковатый?

— Да, пожалуй, дедушка, правду ты сказываешь, нам обманывать нечего. Действительно государский зять—да дурак он и есть.

— Да вот если бы ты сказал государю, да я бы его мог провести.¹

— Так мы и скажем. Где ж тебя, дедушка, увидеть.

— Я буду там у вас и видать будете меня, только знать не будете. Ну и отправляйтесь.

Они поехали. Через несколько время Незнайка догоняет их опять.

— Ну, так что, примите меня в пай?

— А ты что, ловил с нами?

— Нет.

— Ну, так и пая нет.

— Ну, ладно. Пользуйтесь.

Тисканул свою лошадь и лошадь его понесла. Эти остались с быком ехать тихонько. Он подъезжает, опять сосну ворочает, на плечи кладет, а сам на лошадь садится и раньше их приехал. Сосну бросил. Сам в комнату пошел. Вот приходит к нему жена.

¹ Сгубить.

— Ты того не ловишь, что люди ловят, а только сосны возишь.

— Так я знаю, что дрова надо. А что ж мне делать. Я попросил у их, они меня не принимают. Так они все-таки вдвоем, а я один и опасновато с ними дружбу вести, они могут убить меня—двое, то я попрошуся—и дальше от них. Так мы теперь отпишем им, оставим себе четвертую часть. Нам хватит и комнаты, довольно будет.

— А как же мы будем жить? (Она его зудит. Бабы, знаешь, любят зудить).

— А как люди живут, так и мы будем. Ты все много хочешь, а я и маленьким прсживу.

Действительно, они приехали, привезли быка. Государь стал отписывать им царство. Она опять приходит к нему и говорит ему:

— Иди, проси у отца, пусть и нам что-нибудь даст.

А он отвечал ей:

— Ты ж дочка его, то ступай и проси у его, чтобы он дал тебе что, отписал, а мне не надо.

Ну, она и не пошла, заплакала и пошла в другое помещение, а он ей отвечает:

— Ты не плачь, дура. Они больше поплачут нас.

Она плюнула и пошла и разговоры не хочет слушать.

Ну, вот, когда уж эти зятя стали царствовать—три части им, а четвертая государю, а Незнайке ничего (одни только комнаты, где они сидят).

Потом Незнайка видит, что жизнь плоховата, как ему лошадка сказала—не скоро шубка упадет с него. Но и самому надоела шубка, чтоб скорее

сбросить ее, а она не сходит с плеч. То он вышел на балкон и крикнул:

— Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и спрашивает у него:

— Ну, что, Иван-царевич, надо?

— Да ты больше знаешь меня.

— Я то знаю, да спросить должна, ты владеешь мною, ты мой хозяин, я должна повиноваться тебе, ты постарше меня. Ну, вот, теперь я скажу тебе,— лошадь отвечает,—на это царство пошлю войну и пошлю богатыря напротив тебя, но ты этого богатыря победишь. (Раньше богатыри воевали, а потом солдаты выступали). А в вашем царстве по спискам богатырей нету, и ты будешь сам воевать с богатырем.

Ну, вот, такое-то государство присылает телеграмму в это царство: „Я иду войной на твое царство и у меня есть богатырь Була-королевич“. Государь прочитал эту телеграмму, от такого числа начинается.

Он стал по комнатам ходить, зятьям говорить, что война большая, сила большая у этого государя. Они думают:

— Как же тут воевать? Ну, все-таки попробуем.

А Незнайка в своей комнате сидит, да песенки поет. Вот подносят Незнайке эту телеграмму. Незнайка взял в руки—вроде такой грамотей, как я.

— Э-э, дурачье, буде есть за что воевать итти, я не пойду, мне и тут хорошо.

Они берут из рук его телеграмму.

— А что,—говорят,—с дураком разговаривать! Вот они пошли, а Незнайка песню запел:

„Эх, война, война...“

Они отправились на войну, а Незнайка остался дома. Проходят сутки, проходят другие. Незнайка все дома сидит. Вот в такие-то часы будет открываться огонь (значит, война начнется). И он на третьи сутки призывает жену и говорит ей:

— Смотри, я пойду в огород, в капусту, если где со стороны будет итти война, то беги ко мне в капусту.

Сам отправился.

— Ну, и досвиданья, неси тебя чорт,—это она. Незнайка пришел в огород. Никто первый раз не видел его. Ковырнулся и нет его. И он крикнул:

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка бурка явилась. Притащила ему меч богатырский, панцырь—богатырскую одежду.

— В левое ухо полезай, в правое вылезай. Садись помягчей, держись покрепчей. За три минуты будем там.

Остается только десять минут до открывания огня. За три минуты стал там. Тут государь, тут зяти. И он подъезжает, здравствуется с ними и говорит им:

— Вот я знаю, что богатыря нету, так я приехал пособить вам.

— Пожалуйста,—говорит государь.

— Ну, вот я приказ вам дам: выкатить солдатам несколько бочек вина и пусть они пьют, а я уеду вперед один на войну, а вы сзади за мной посматривайте, а солдаты пусть пьют, да не дерутся меж собой.

Ну, вот он и выехал, схлестнулся с этим богатырем. Богатыря сбил, то там поставляют войска. Он как махнет—и войска летят. То тот государь заключает мир. Прошла сутки война эта. Заключили мир, приезжают они в город, он и пошел по

солдатам смотреть. Взял государя, государских зятей забрал и пошел. У которого нос разбитый, у которого ухо, у которого рука поврежена. Он и говорит государю:

— Вот, государь, нужно лечить этих солдат, которые разбитые (а они подрались сами с собой). Каждый скажет, что они на войне были и они все-таки воевали. Без войны нос не отшибить и ухо не отбить.

Государь сказал:

— Ладно, молодой человек, это все будет исполнено.

— Ну, и прощайте,—сказал государю.

Государь его зовет на пару стаканов чаю:

— Ко мне заедем, вы такую мне пользу сделали и вы не хотите ко мне заехать.

— Нет, мне некогда, а может я раньше буду у вас. Сам только и был.

Приезжает в капусту, что только домой телеграмма приходит—война кончилась, мир заключен.

А Незнайка в шубу наломал и несет на кухню капусту.

Вот Незнайка приносит капусту к повару и говорит:

— На, не надо трудиться, я двое суток в капусте сидел, дождал войны.

Приходит жена к ему.

— Где ж ты был двое суток?

— В капусте, я же тебе сказывал, будет война, приди ко мне в капусту, я отобьюся. Мне хотя и скучновато было, но делать нечего, я все-таки услышал, вы будто телеграмму получили, что мир заключили, вот я и капусты принес.

Та повернулась и пошла.

А Незнайка песенки запеваёт.

На третьи сутки они приезжают. Вот рассказывают, как война была, как и у их богатырь приехал, как он с Була-королевичем дрался, как он войско ссадил один, как он ходил по солдатам, что солдат напоил и подхваливал. Что „вот молодцы, на войне были, у которого нос извороченный, у которого ухо отбито, у которого нога ушиблена, рука“.

— Что ж вы его не звали сюда?

— Да не поехал, сказал, что некогда, только сказал, что раньше, может быть, вас буду.

— А где-же Незнайка был?

— Да в капусте. Он капусты целую шубу свою свиную принес. Не надо вестовых в огород посылать за капустой, хватит на всю неделю.

Прошли сутки-двое и опять вызывает свою лошадку.

— Сивка-бурка, встань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является и говорит ему:

— А что требуешь, Иван-царевич?

— Да послать еще на моего государя войну и богатыря вот такого-то.

Сивка-бурка так и сделала.

Другой государь шлет телеграмму, что „я иду с другой стороны войной“. Вот он, когда получил телеграмму от такого-то числа, вот такой-то час откроется у нас огонь. Вот они опять начали думать-гадать. Делать нечего, на войну надо отправляться. Вот они собираются на войну и говорят:

— Да у нас богатыря нету. Хотя б подъехал этот, который подсоблял нам. Но он же не знает, да и мы его не знаем, где он.

Вот они подносят Незнайке эту телеграмму, а Незнайка им отвечает:

— Так вы мне прочитайте, я же неграмотный, то я послушаю, как вы воевать будете, а мое дело — в капусту. Я смело надеюсь, что придут сюда, так огород большой, капусты насажено, я многих собью ей.

Вот они и пошли (ну, что с дураком говорить больше). А Незнайка песенки напевает:

— Хорошо нам будет в капусте...

Они двое суток, как уехали и приказали они домашним, чтоб поставили стражу в капусте, как он будет сутки там сидеть. Приходят третьи сутки и он отправляется в капусту. А там не знал, что поставлена стража. И он пришел и повалился в капусту, а стража его не могла найти в капусте, то он потребовал свою Сивку-бурку.

— Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Сивка-бурка является.

— А что, Иван Савельевич, прикажешь?

— А ты больше знаешь меня, для чего я требую тебя.

— Но, хоть больше знаю, а спросить я должна тебя, как ты хозяин мой, то полезай в левое ухо, в правое вылезай, одевай богатырские спехи-доспехи и садись помягчей, держись покрепчей, за четыре минуты мы будем там, нам остается только двадцать пять минут до открытия огня. Но солдат опять напой, пусть они сами с собою повоюют, а мы с тобой там справимся. Государскую свиту за собой возьми.

Он приехал и приказал солдатам:

— Солдаты, пейте, да только друг другу морду не бейте.

Солдаты уж были те, которые раньше были на войне с им, а некоторые новые. Вот старые рассказывают:

— Он господин хороший, мы один раз напилися, кому нос разбили, кому ухо отбили, кому ногу выдернули, кому руку, то он приехал и всех похвалил, что вот молодцы, как воевали хорошо. Так я знаю, что и теперь будет так.

Солдат солдату рассказал и начали выпивать, закусывать. И они отправились на позицию. То он схватился с богатырем, одного сбил богатыря, налетел другой—он и другого сбил. Ну, а с солдатами он уже скоро разделался, то тогда государь видит, что здесь ему не устоять без войска, богатырь один воюет, богатырей сбил, а солдаты что снопы валяются. Он поскорей заключает мир и сказал:

— Век с тобой воевать не буду, пока я жив буду.

Они ворочаются в город, но солдаты действительно пили, но друг друга не обидели, и говорит им:

— Эх, вы, солдаты, на войне были и никакой отлички не заслужили, хотя бы одному нос избиили.

Ему отвечают:

— Мы ваше приказанье слушали, что вы сказали, что друг друга не обижать, но вот так оно и прошло.

— Ну, так вот, государь, дай им еще на сутки погулять, сколько они хотят пить.

Солдаты и крикнули:

— Спасибо тебе, молодой человек, что ты не забываешь солдат.

— Не надо забывать, они еще мне пригодятся. Бывайте здоровы, все наши солдаты, я об вас каждый раз думаю, а обо мне, кажется, ни один не вспомнит.

— Как не помним! Мы помним тот раз, как вы были. Да сейчас мы помнить будем, пока жить будем.

— Ну, спасибо вам. Через несколько время узнаете меня, какой я буду для вас.

И уехал домой. Государь стал его просить:

— Молодой человек, сделай милость, давай, поедем ко мне.

— Спасибо, государь, я заеду к вам, когда вас дома не будет.

— Так я вас и не увижу?

— Конечно, не увидишь, раз дома не будешь. А хоть и дома будешь, ничего не скажешь. Ну, прощайте!

Сел на лошадь и шмыгнул. За четыре минуты оказался в капусте. Еще и телеграмма не получена, то встает он с капусты, с своего места, где он упал, подымается, расстилает свою шубу и ломает капусту и кладет в шубу, несет на кухню и подает повару.

— На, повар, готовь обед, капуста своя, не надо вестовых посылать за капустой. Я там двое суток лежал, да думаю капусты принести.

Тут приходит телеграмма, что заключен мир. Война кончилась. А Незнайка песенки запекает.

Вот приехали они с войны и стали хвалиться, как они воевали, как был у их и богатырь тот же самый, который и на первой войне был.

— Да где же наш Незнайка был?—спрашивает государь.

— Да в капусте пропадал.

— А стража была?

— Была, только его не могла найти. Только видели, как он в капусту упал пришедши. Да, вот, в такие-то часы он в капусте выстал и начал ломать капусту и нести на кухню.

— А мы в такие часы телеграмму еще не писали. Ну, ладно, про него нечего сказывать, дурак, так дурак, и пусть живет в своей комнате, может когда спотыкнется и он. А эти умные растут зятя, слава идет, а дурак песенки поет.

Вот прошло дня четыре, он опять выходит на балкон, требует свою лошадку и говорит:

— Сивка-бурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Тут же Сивка-бурка вернулась к нему, спрашивает:

— Что, Иван-царевич, прикажешь?

— Да сама знаешь, что надо делать.

— Знаю-тө, знаю, а спросить я должна, что ты мой хозяин. Ну вот же, Иван-царевич, теперь будет война, так война и в капусте будет тебе плохо сидеть, если эту войну собьем, то собьется у тебя свиная шубка и ее больше не увидишь. И я пошлю войну с такого-то царства, с такого-то государства, и у того царя есть три богатыря. Тебе придется биться с тремя богатырями. Двух ты легко собьешь. Но третий будет с тобой наравне, так ты все-таки собьешь двух богатырей, так и с третьим надо сбиться, то ты здесь ослабеешь и будешь ранен. Ну, я буду стараться пособить тебе. Ну, а солдатам по кружке вина дай и пускай вслед идут, может придется сразиться войсками.

Вот Незнайка отправился в свою комнату и

видит, что там забегали вкруговую. Он стал подслушивать. А там пришла телеграмма, и три богатыря, и такие-то силы—войска, и в такие-то часы уже третий государь наступает. Вот они прочитали телеграмму и подносят Незнайке.

— На-ка телеграмму, прочитай, Незнайка.

А Незнайка им отвечает:

— Что же вы надо мной насмешку делаете? Я ж неграмотный. Вы давно знаете, что я неграмотный, а вы подносите телеграмму, чтоб я читал. Вот, возьми, прочитай, я послушаю.

Вот и начали читать про эту войну, то Незнайка сказал:

— Угу, это, пожалуй, и в капусте не усидишь, эта война, так война, эту войну долго будешь помнить, а я все-таки попробую в капусту спрятаться. Надежа у меня есть на капусту, огород большой, я, пожалуй, отобьюся кое-как от них.

— Так ты поезжай за нами на войну и посмотришь, как воюют.

— А что ж я—дурак, голову нести на войну. Вам надо, так вы воюйте, так вы же получили три части государства, то вы воюйте, а у меня одна комната дана. Вот, когда придут сюда, так я тогда капустой стану отбиваться, чтоб не отдать им комнаты зря.

Вот они говорят:

— Да что с дураком говорить!

Повернулись и пошли. Пришли и государь говорит:

— Ну, что?

— Мы предлагали ему, чтоб он ехал на войну, а он сказал, что „мне и здесь хорошо. Вы получили три части царства, ну, так и воюйте, а когда

придут сюда, то я буду комнату свою отбивать, капустой буду воевать".

— Ну, так беседовать некогда,—сказал государь,—пусть остается в капусте, а нам надо ехать.

Вот они отправляются на войну, а он двое суток сидит дома, все хлопочет.

Остается ему один час до открытия огня и зовет свою жену к себе:

— Иди-ка, дорогая, сюда,—и она пришла к нему.

— Ты, дай-ка мне рубашку чистую и подпиши имя свое на рубашке и дай мне носовой платок свой и дай твое кольцо, которое я у тебя достал на балконе. Это будет мне твоя память. А я отправлюсь в капусту. Ну, и прощай, дорогая, больше ты свиной шубки не увидишь, пожалуй, что я вернусь в таком виде, как был с тобой на балконе, и ты не скучай, ты думаешь, кто воевал, какие богатыри? Это я. Я сейчас еду туда. Стража стоит караулит меня.

Тут она бросилась ему на шею.

— Эх, милый мой, чего же ты не сказал раньше?

— Нельзя было, теперь, может быть, вернусь, а может быть нет. Если буду побитен—убьют меня, то только они узнают, зяти и государь, по твоей рубашке и по твоём носовом платке и по том по золотом по именном кольце узнают, что я Незнайка, а я теперь капусты не понесу больше, капуста пусть растёт.

Когда он оделся и стал собираться в капусту, то она вдарилась в слезы. Он подает ей эти приметы, которые он взял у зятей.

— Вот эти приметы взял у зятей за баранчика по мезенцевому пальцу с левой руки, видала, что они перчатки никогда не скидают?

— Видела, что не скидают.

— А вот это—пальцы мезенны с ног. Когда быка золоторого я взял и с плечей по ремню вырезал. Вот они ремни-то, я жил с тобой, красовался над тобой, а ты надо мной насмеялась, то все равно, хотя убьют меня там, но меня все равно привезут сюда. То тогда, когда они будут хвалиться, что им отец отписал царства, так ты им покажи и скажи: „А Незнайка от вас вырезал пальцы с левых рук за баранчика, почему вы перчатки не скидаете? А за свинку—золотую щетинку не отдали ли вы Незнайке по пальцу? А за быка—золоторого не вырезал у вас Незнайка с плеч по ремню?“. И вот, помалкивай, пока не придет конец. А если я живой буду, то я сам буду показывать эти пальцы, а если убьют, то ты будешь царствовать всем царством.

Она и говорит:

— Побеседуй хоть со мной немножко.

А он говорит:

— Остается всего двадцать минут. Пять минут мне надо ехать туда.

Вот они обнялись, поцеловались, она и зарыдала, когда он пошел в капусту.

У ее сестры и спрашивают:

— Почему ты плачешь так? Наши мужья на войне и то мы не плачем, а ты плачешь, что твой пошел в капусту.

А она и ответила им:

— Я оттого плачу, что я несчастная. Ваши мужья воют, а он меня все капустой кормит, оттого я и плачу.

Он прибег в капусту, ковырнулся и крикнул:

— Сивка-бурка, стань передо мною, как лист перед травой.

Сивка-бурка явилась, спрашивает у него:

— Что Иван-царевич, прикажешь?

— Да вот ты сама больше знаешь.

— Знаю, знаю, Иван-царевич. Ну, влезай в левое ухо, а в правое вылезай.

Он так и сделал. Стал молодцом. Богатырские доспехи на нем.

— Ну, садись помягчей, держись покрепчей. Шесть минут нам езды. Остается нам десять минут до открытия огня.

Он и свистнул не по земле, а по воздуху. Когда приехал туда, то уже на позиции были наряжены пушки и солдаты. Он и говорит:

— Ну, вот и я приехал.

— Ну, спасибо, молодой человек, что приехал. Прозевал немножко, некогда было и солдат угостить.

— Ну, после войны угощу, не я, так государь угостит вас по моему слову. Ну, вы тут оставайтесь, а я выеду. Когда я ослабею вы грудью идите.

Вот он и выехал воевать.

Двух богатырей он сбил, подскакивает и третий, и он целные сутки дрался с этим богатырем, этот богатырь отрубил ему палец на правой руке, и никак друг друга не собьют. Лошадь ему и сказала тихим образом:

— Вот стоит дуб, возьми этот дуб—брось на его.

Он схватил дуб и бросил на этого богатыря, богатырь под дубом согнулся, а он в тое время богатыря прикончил и потом стал с войском воевать. Так тот государь видит, что тут не уха, тоже заключает с им мир и сказал:

— Больше воевать не буду, пока жив буду.

То государь вынимает свой носовой платок, завязал палец Ивана. Он тогда и говорит:

— Ну, теперь, государь, угости солдат, пусть они трое суток погуляют, они все-таки на войне были.

Отправляется он домой, государь его просит хоть на пару стаканов чая заехать к нему, а он отвечает:

— Заеду, заеду, ну только ты раньше дома будешь меня.

Вот отправился он. Как он трое суток дрался без просыпа на войне, он ехал домой, его взморил сон и он на лошади заснул, то лошадь его привела в государский сад и поклала его в беседку спать (беседка была в саду).

Тут и государь приехал с войны и вот рассказывает, как воевали, и зяти рассказывают, как богатырь дрался, как он двух богатырей сбил легко, а с третьим—сутки дрался и все-таки сбил. А Незнайки с капусты нету.

— А где же ваш Незнайка?

— Да в капусте.

— Да что он долго сидит?

А его жена отвечает:

— А может быть его не будет уже? Ну, а богатыря, папаша, не убили там?

— Нет, остался живой.

— Живой?! Так что же он сказал?

— Да сказал: заеду.

— А хороший он был? (Она спрашивает, ей интересно).

— Да, хороший, — говорит, — и красив, и такую силу имеет. Вот был бы тебе жених, а не такой, как Незнайка.

Она усмехнулась.

— А если, папаша, он приедет—да станет свататься, отдадите замуж меня за его?

— Да я бы отдал бы с большой души. А Незнайку куда ж денешь?

— А Незнайка сказал, когда шел в капусту, что я больше не вернусь сюда. Больше ты шубы моей не увидишь свиной, а хоть и вернется, я попрошу богатыря, чтобы он сгнал отсюда Незнайку.

Вот они беседуют. Государь глянул и говорит:

— Гляньте-ка, лошадка нашего богатыря в саду ходит.—Сходите, возьмите хоть лошадку его, а может быть и он в саду где спит, как измучился.

Государские зятя побегли в сад, видят, что богатырь в беседке, лошадка как на них бросится и не пускает близко. Тогда его жена пошла туда. Когда жена пришла, лошадка пропустила в беседку. Она открыла пальто, посмотрела, тая рубашка, что она давала, посмотрела в карман, тот же платок носовой. Она посмотрела на руки—кольца нет на пальце, посмотрела в карман—кольцо в кармане. Она пошла домой, взяла подушку, подклала ему под голову и сама возле его легла. Вот идут смотреть, а лошадка близко никого не допускает.

Вот когда он прочинается и говорит сам себе:

— Да, не пришлось бы мне еще одеть свиной шубки?

А она отвечает:

— Ты сказал, что больше свиной шубы не будет.

— Да, пока ее нету.

Вот он встал, сел, закурил и говорит ей:

— Ты ничего не сказывай, помалкивай, что я твой муж. Я буду просить, чтобы отец отдал тебя

за меня замуж. А ты не соглашайся, ты скажи— у меня Незнайка есть, а я буду сказывать, что я Незнайку кончу, больше Незнайки не будет здесь.

Вот и пошли они рядом, и лошадь пошла, и он велел лошадь убраться в конюшню. Но там боялися к лошади подойти. Но он говорит:

— Берите, лошадь смиренная.

Лошадь повели, а они стали здесь угощаться.

Когда стали угощаться, этот молодой человек, богатырь, сделал предложение государю.

— Что это, барышня у вас, аль нет?

Ему сказывают, что она была замужем за каким-то Незнайкой.

— А где же он находится сейчас?

— Да не знаем. Пошел в капусту, там уж пять суток нет его.

— Так, может быть, он и не придет? А хоть и придет, я расправлюся с ним, а все-таки отдайте замуж за меня вашу дочку.

— Я согласен отдать [отец говорит].

Она:

— Я не согласна итти. Ко мне придет Незнайка мой, да и будет жить со мной. Должно быть судьба моя такая, то судьбе придется покориться.

— Такая красавица ты, а за свиной шубкой гонишься. Покажи-ка хоть комнату свою, где ты с Незнайкой почивала.

— Показать-то я могу, ну только я в ней мало находилася. Ну, пойдем, я покажу.

Вот и пошли.

— Давай-ка мне эти предметы, которые я дал тебе.

Она подымает подушку и подает ему. Он кладет их в карман и отправляется туда, где беседуют.

И вот начали опять там выпивать, закусывать...
Они и говорят:

— Вот, знаешь ты, молодой человек, какое у нас есть чудовище?

— А какое?

— Да вот мы поймали баранчика, свинку—золотую щетинку и быка золоторогого.

— Так вы покажите мне их.

— А можно их сюда привести из сарая?

Вот велят они принести этих всех троих.

— А где ж вы взяли?

— А мы,—говорят,—поймали.

— Где вы поймали?

— На дороге.

— А вы ни у кого не покупали их?

— Нет.

— А чтой-то такая жарница, а вы в перчатках ходите?

— Да так, привыкли в перчатках ходить.

— Сбросьте ка перчатки, покажите свои руки.

Они не скидают. Он руку в карман.

— Это не у меня вы купили баранчика? Не ваши ли пальцы? Не ваши ли пальцы с ноги за свинку—золотую щетинку? А это не за быка золоторогого с плечей я вырезал по ремню? Я присел у вас вместе ловить, а вы мне что сказали?

Им совестно стало и они тут при публике выхватили по левольверу и сами себя застрелили.

Ивану-царевичу остается все царство. Тогда и царь узнал, кто воевал. Вот их похоронили, тут пошел пир на весь мир, и я там был, мед, вино пил, в роте не было, по бороде не текло. Дали мне пук иголок, я кинул—стал ежик и посейчас колок.

ИВАН — КУЗНЕЦКИЙ СЫН

Жил в деревне кузнец. Он хорошо занимался. Дохода у него было порядочно. Но ему показалось маловато этого дохода. Он стал придумывать, какое себе устроить чудище?

— А давай, сделаю я, старуха, железного волка, на которого будут люди приходить, работу приносить и железного чудовища, волка смотреть.

Он работает день, работает второй, приходит домой обедать.

Жена спрашивает:

— Ну, что, сделал железного волка?

Он сказал:

— Кончу завтра.

На третий день сделал железного волка до обеда. Приходит домой обедать и говорит своей старухе:

— Я кончил волка.

Жена подала обед, а сама взяла ключи и махнула—быстро прибежала в кузницу смотреть железного волка.

Когда она пришла в кузницу, волк открыл рот и проглотил бабу.

У этого кузнеца было двое ребят: Ванька был побольше, а девчонка была поменьше.

Он и говорит своим ребятам:

— Ну, смотрите, ребята, не уходите в кузницу; никуда до прихода скотины не уходите, а я пойду в кузницу, я там ей жару задам, что она не может насмотреться на волка.

Вот он приходит в кузницу, открыл кузницу— волк и его съел. Ну, когда он сказал, чтоб ребята в кузницу не ходили—они не ходили.

Вечером идет скот, и они открывают ворота загонять своего быка (у них был бык). Бык остановился в воротах. Иван—кузнецкий сын сказал:

— Что ты, бык, в воротах стоишь? Ты иди в свой сарай.

А бык ему отвечает:

— Да, Иван—кузнецкий сын, я остановился в воротах,—твой отец сделал чудовище, а этот чудовище превратился в Змея. Он съел твою мать и твоего отца, а ночью придет за вами.

Иван—кузнецкий сын заплакал.

А он говорит:

— Ты не плачь, Иван, я пойду в сарай, а ты ступай приברי посуду, помой ложки и поклади все по местам. И потом приходи ко мне в сарай спать, я тебя спасу.

Иван—кузнецкий сын все это сделал, а сам отправился к быку.

В двенадцать часов ночи приходит Змей в избу искать ребят—съесть.

Змей спрашивает у ложек:

— Где ребята?

Ложки отвечают:

— Мы не скажем, где ребята.

Он спрашивает у миски:

— Миска, скажи, где ребята?

И миска ответила:

— Я не скажу, где ребята.

Он спрашивает у квашни:

— Скажи, где ребята спрятаны?

Квашня отвечает ему:

— Я не скажу, где ребята.

Кочерга сказала:

— Я скажу, где ребята, потому, что я на ихнюю мать сердита, что она меня в печке накалит и в лоханку садит. Мне трудно, я долго шиплю. Их ребят, забрал бык круторогий.

Змей отвечает кочерге:

— Поздно мне в сарай итти к быку, я к ним завтра приду. Бык круторогий все это знал. Вот прочинается Иван—кузнецкий сын утром. Когда проснулся, бык сказывает:

— Ну, Иван—кузнецкий сын, теперь нам зевать нечего. Ступай, забирай сколько у тебя есть денег и харчей и запрягай меня в телегу.

Иван—кузнецкий сын пошел и запрег этого быка в телегу и посадил в телегу свою маленькую сестренку.

Бык ему говорит:

— Захвати, Иван, с собой гребенку, которой волоса чешут и захвати брус, которым топор точат.

Иван—кузнецкий сын это все захватил и сел в телегу. Бык его и понес. Как сигнет—на сто девяносто верст враз донесет. Бык и кричит:

— Иван—кузнецкий сын, за нами погон идет, Змей догоняет, бросай гребень.

Иван кинул вверх гребень. Сделался густой лес, так что Змею пройти нельзя.

Пока Змей собрал людей и расчистил себе до-рогу, они опять далеко уехали.

Тогда бык опять и говорит:

— Иван—кузнецкий сын, послухай-ка назад, за нами опять погон идет. Кидай брус в гору.¹

Тогда Иван—кузнецкий сын бросил брус, сделалась каменная гора. Они поскакали поживей. Приезжают они к огненному морю. Бык ему и сказывает:

— Схватывай у меня носовой платок у рога и махай через море. Когда он схватил платок, махнул через море, сделался мост.

Они перескочили. Бык ему кричит:

— Схватывай скорей мост.

Иван—кузнецкий сын скорей схватил мост, а Змей прилетел сюда к морю и кричит с той стороны:

— Все равно, Иван—кузнецкий сын, ты из моих когтей не вывернешься.

Вот стояла здесь избушка пустая. Бык приютил их в эту избушку.

— Теперь мы спасены.

Пока у них харчей было, они питались этими харчами несколько времени. Бык все траву ел, а они ели свою норму, которая забрана была. Кончилась у их пища, что им уже кушать нечего, бык Ивану—кузнецкому сыну сказывает:

— Иван—кузнецкий сын, ты возьми наточи нож повострей и зарежь меня и ешь мое мясо.

Ивану—кузнецкому сыну стало жалко и он стал плакать:

— Как же так, ты меня спас от смерти, а я буду тебя резать?

¹ Бросай брус в гору, т. е. кидай брус вверх.

Бык отвечает ему так:

— Мы достойны этого, чтобы нас люди ели, а ты голодной смертью не помирай. Когда ты меня зарежешь, то знаешь стоит котел опруженный, вот я своим рогом подниму, а ты подклади такое полено, что тебе не поднять. Ну, требухи мои ты как-нибудь подтянешь сюда под котел, а потом опустишь котел, чтобы он наглухо закрылся и через трое суток посмотришь под этим котлом. А роги мои возьми под избушку заткни, под крышу. Вот ты теперь, Иван—кузнецкий сын, свяжи меня покрепче, что когда мне будет больно, я без памяти ушибу тебя, а если я буду связан, то смело тогда будешь работать.

Иван—кузнецкий сын сделал так, как ему велел бык: требухи он затянул под котел, роги под крышу подторнул.

На третьи сутки ему надо поднять этот котел, а его бык учил так:

— Если у тебя сил нехватит, отруби дерево и подкопай ямочку и подклади чурачек (вагу) и поднимется котел.

Иван—кузнецкий сын взял топор и пошел в лес, отрубил вершка в три с половиной дерево сажени на 3 длины, свалил дуба и вот стал подымать и сказывает:

— У нас дуб тяжелый, а здесь какой легкий.

Взял на плечи и понес. Приносит он к этому котлу, бросает свою вагу. Лопаты у него не было, начал руками подрывать ямку. Стал подкапывать ямку, у него поднимается котел и он подхватил котел без ваги. Оттудова выскакивают две собаки. И эти собаки стали кругом него виться. Иван—кузнецкий сын подумал, что это бык круторогий

дал помочь. Он бросился поживей посмотреть рога, и две собаки за им. Он посмотрел: висят две двухстволки охотницки с припасами и сумка.

Он пошел к своей сестре в избушку и говорит сестре:

— Мы, сестра, теперь заживем. Теперь у меня две собаки, две двухстволки и сумка со снарядами. Я могу отправиться на охоту.

Иван—кузнецкий сын отправился на охоту и начал разных бить птиц, зверей, так что у него пошло в ход, так что ему питаться было чем. Прожили они там три года. А Змей все на той стороне ходит и приманивает красну девицу.

— Ты бы провела меня к себе на остров и веселей нам было б жить.

Она спрашивает:

— Как же я могу через огненное море провести?

А он сказывает ей:

— У твоего брата есть носовой платок, когда он придет с охоты и ляжет отдыхать, ты возьми этот платок и махни через море и сделается мост, и я пройду к тебе.

Как кузнецкий сын пришел с охоты с своими собаками, пообедал, лег отдыхать, она взяла носовой платок у него, махнула—через море сделался мост. Змей перешел сюда и стал прятаться от Ивана—кузнецкого сына (Змей боялся силы Ивана—кузнеца и двух собак).

Прожили они несколько дней, может быть неделю, а может и месяц прожили. Иван—кузнецкий сын не знал, что у сестры есть уже полюбовник. Змей сказывает:

— Если б не было собак, то я б его победил.

Змей надумал так: версты за три от избушки была волчица-богатырка. Эта богатырка сбивала за четверть версты человека духом (вот какая была богатырь!).

Змей сказал:

— Сделайся ты больной и когда он с охоты придет, скажи, что я заболела: подхватил меня ветер и я повалилася; пришла в избушку и легла на кровать и соснился мне сон, что вот в таком-то месте есть волчица-богатырка, эту волчицу убить, из-под ее груди принести молока и я выпью и поздоровею.

Иван—кузнецкий сын пообедал, берет свои припасы и отправляется в путь, как ему сестра сказала.

Когда он вышел, собаки побегли одна впереди, другая сзади. Волчица-богатырка в тое время спала. Собака подошла не только за четверть версты, а может быть за пять шагов. Иван—кузнецкий сын вынимает двухстволку свою, начал целиться в волчицу—убить. А волченята подсакивают к волчице (она не спала). Она и говорит:

— Иван—кузнецкий сын, что ты целишься в меня? Ты меня не убьешь, а только раздражишь, иди ко мне поближе, что надо тебе, то я дам.

Вот он приходит поближе к ей. Стал сказывать, что вот у меня сестра заболела и соснился ей сон, чтобы с волчициной груди молока выпить и она поздоровеет.

— Знаю, знаю, что она больная,—ответила волчица,—А есть у тебя пузырек?

Иван—кузнецкий сын ответил:

— Есть.

— Ну, возьми, надой молока с моей груди и дай сестре попить.

Иван—кузнецкий сын надоил молока пузырек.
— Вот, Иван—кузнецкий сын, на тебе моего сына волченка-богатыренка в помощь тебе.

Она приказала сыну:

— Смотри, как дорожил ты моей грудью, так чтобы ты дорожил Иваном—кузнецким сыном, так что это будет твой хозяин.

Иван—кузнецкий сын отправился домой. Волченочек подходит к Ивану—кузнецкому сыну и говорит:

— Садись на меня, не все тебе пешком ходить.

— Ха, ха, есть подвода!

Иван—кузнецкий сын поехал на волку. Подъезжает к своей избе. Остановился. Иван—кузнецкий сын слез. Змей увидал его и говорит:

— Видишь, надо спрятаться. Волчица-богатырка дала ему помочь.

Змей сделался прусаком, забрался в щелку кровати и сидит там.

Иван подает своей сестре пузырек молока. Она взяла.

— Ну, я выпью,—говорит.

Она этот пузырек спрятала и на несколько время вроде, как заснула. На второй день стала здорова и говорит брату:

— Вот, брат, молоко пособило.

Брат сказал:

— Ну, и ладно, слава богу.

На третий день брат приходит с охоты, она опять больная. Сестра и говорит, как Змей учил:

— Ветер подхватил и я опять заболела. И вот соснился мне сон, что есть вот за этой Волчицей-богатыркой медведица-богатырка, надо убить ее и из-под грудей ее взять молока.

— А что нам, долго ее убить?—Пойду и убью.

Иван—кузнецкий сын отправился к медведице-богатырке, бить ее. Волк говорит Ивану—кузнецкому сыну:

— Садись на меня, я знаю, где она живет. Мы с матерью прохаживали туда.

Иван—кузнецкий сын садится на волка, и собаки сзади. И волк потащил его к этой медведице-богатырке.

Когда волк приносит к медведице, шагов на десять остановился и говорит Ивану—кузнецкому сыну:

— Ты не стреляй, а пойд и поклонися ей.

Медведица встала и говорит:

— Подойди, подойди, Иван—кузнецкий сын, поближе и спроси чего тебе надо.

Иван—кузнецкий сын подходит ближе и говорит, что его сестра больная тебя убить велела и из-под твоей груди молока взять.

— Пожалуйста, Иван—кузнецкий сын, бери молока из моей груди, она выздоровеет.

Вот он взял молока и она ему говорит:

— На тебе моего сына в помощь, медвеженка-богатыренка, и приказывает сыну:

— Как радел к моей груди, так чтобы к Ивану—кузнецкому сыну радеть и береги его, это твой хозяин.

Когда он поблагодарил медведицу, то подскакивает медведь и садит своего хозяина на спину и несет его к избушке. Собаки и волк сзади его.

Иван—кузнецкий сын приезжает на медведе. Медведь остановился шагах в тридцати от избушки. Иван—кузнецкий сын слез с медведя. Медведь пошел впереди в избушку. Иван—кузнецкий сын

за медведем, а собаки и волк вслед за Иваном. Змей увидал из окошка, сделался тараканом и спрятался.

Когда пришел Иван—кузнецкий сын в избу, сестра и говорит:

— На кой чорт ты медведя взял?

— А раз дают—надо брать. В лесе нам не худо жить. Все-таки есть теперь у меня четверо. На тебе молока.

Она молоко взяла, а медведь через койку лапой начал доставать что-то из щели.

Она:

— Чего он сюда привязался?

Иван — кузнецкий сын крикнул на медведя:

— На место!

Медведь буркнул и пошел и лег к порогу.

Она пила или не пила молока — на второй день стала здорова. Живет она в прекрасном виде. Вроде как ничего не было. Брат приходит с охоты. Через несколько дней сестра обратным путем больна сделалась.

Брат спрашивает ее:

— Что ты, сестра?

— Я опять заболела, вышла на тое место, меня ветер подхватил и я еле в избу вошла и призагнула; и соснил мне сон, что вот в таком-то месте есть львиха-богатырка, ее убить, из-под ее груди молока принести и тогда я век больна не буду.

Иван — кузнецкий сын много не разговаривает, берет своих слуг и отправился убивать львиху-богатырку.

Медведь ему рассказывает:

— Садись, хозяин, на меня, я знаю, где живет она. Мы когда-то с матерью прохаживали там.

Вот медведь и поимес Ивана. Приехали они жив-

чиком туда, а львиха не допускала к себе, за полторы версты духом сбивала.

Когда львиха узнала, что хочет Иван — кузнецкий сын, она притворилась, вроде спит.

Медведь подвозит его так шагов на пятнадцать ко львице и остановился. Он берет палку и ломает ее в своих руках, чтоб затрещала палка (взял палочку немалую, вершка в три) и так ломанул, даже по лесу гул пошел.

Львиха просыпается.

— Эй, кто ко мне подошел?

Иван — кузнецкий сын целится в ее, как убивать. Она говорит:

— Эх, Иван — кузнецкий сын, ты не убьешь меня, а только раздразишь меня, а что надо, приди и попроси у меня.

Иван — кузнецкий сын подходит к львихе и поклонился ей.

— Вот, — говорит, — у меня сестра заболела. Соснился ей сон, что с вашей груди молока выпить — она никогда болеть не будет.

— Да, выпьет и болеть не будет. На, тебе, Иван — кузнецкий сын, львенка-богатыренка. Смотри, богатыренко, как радел моей груди, так и радей Ивану — кузнецкому сыну. И смотри, если случится чего, то вы добра не дожидайте от нас. Вы должны караулить его.

Иван — кузнецкий сын поблагодарил львиху, поклонился ей.

Она отвечает:

— Теперь охрана у тебя хороша. Теперь тебя никто не может уничтожить.¹

¹ В смысле победить.

Иван -- кузнецкий сын отправился домой.

Богатыренко-львенок подходит.

— Ну, садись, хозяин, на меня, я сильнее всех.

Когда приехал Иван — кузнецкий сын домой, Змей уже караулил его, видит, что он уже на льве едет, он и рассказывает ей:

— Тут, знать, делать нечего, и львица дала помочь ему большую.

Змей в избушке не остался, а выпрыгнул в окошко. Но медведь все-таки идет впереди в избу. Когда вошел медведь в избу, остановился на пороге. Сестра сказала ему:

— На кой же чорт ты еще взял его? Надо все же кормить.

Иван — кузнецкий сын ответил:

— Если будет четверым, то и пятому хватит.

Подает ей молоко.

— Ну, теперь я больна не буду.

Неизвестно, молоко она пила или не пила, на второй день она стала, так, как и ничего не было. Живет он неделю, живет две. Змей придумал, как его извести. Он рассказывает — Змей:

— Я достану такого лекарства,¹ что они поедят и все околеют.

Таким образом они сделали, наготовили эту пищу.

Приходит Иван — кузнецкий сын с охоты, сестра и говорит:

— Я наготовила пищи — обедайте.

Вынимает горшки. Медведь подходит, отпихивает ее от пищи, и достает эту пищу и выбрасывает на улицу.

¹ Лекарство здесь означает отраву.

Сестра говорит:

— Что я готовила, то он выкидал.

Когда она сказала, то брат отвечал:

— Выкидал, никто не будет есть.

Видит Змей, что никак его не проведешь им. Они второй раз приготовили ему самую „музыку“. И второй раз медведь выкидал эту пищу. Змей и скзывает ей:

— Теперь трудно с им справиться, потому, что он силен теперь. С одним бы я справился, а вот с прислугами не справлюсь. Я теперь, — говорит, — буду делаться зайчиком, они меня поймать не смогут.

Он сделался зайчиком и постоянно сидит на окошке.

— Когда он будет итти с охоты, я выскочу в окошко и побегу, а ты бранись с братом, чтобы он разогнал своих прислуг.

Она так и сделала, а брат сказал:

— Ну, чорт с ним с зайчиком, а прислуг своих я не погоню.

Раза три-четыре он приходил, а этот зайчик все улетал, как только он идет. Брат рассердился, послал своих прислуг:

— Поймать зайца и разорвать!

А Змей сказал сестре:

— Я их загоню далеко отсюда и загоню их за двенадцать железных дверей, а сам в окошко свистну и тогда я с ним распоряжуся, а им больше оттуда не вернуться.

Они побежали за этим зайцем, Иван остался один с сестрой.

Загоняет Змей зверей за двенадцать дверей, прилетает сюда и говорит ему:

— Иван—кузнецкий сын, я тебе на том берегу моря сказывал,— ты с моих когтей не выйдешь, а теперь твоих прислуг не видать больше, я их загнал далеко, за двенадцать железных дверей.

Иван — кузнецкий сын говорит ему:

— Ну, так что ж, нечистая сила, отца зевал,¹ мать зевал, меня будешь доедать. Только дай мне вытопить баню, чтоб помыться, и ешь ты мое мясо чистое (Иван надеялся на возврат зверей).

Змей сказал:

— Топи баню. Время у нас терпит. Мойся, ты никуда от меня не уйдешь.

Он берет дрова, затапливает баню. Прилетает к нему черный ворон и говорит:

— Иван — кузнецкий сын, твои слуги уже двое дверей разбили. Топи баню помедленнее. Клади сырые дрова, а я полечу туда и скажу, что ты еще живой, топишь баню.

Ворон черный отправился туда. Иван — кузнецкий сын повеселее стал немножко.

Черный ворон прилетает, сказывает им, что их хозяин живой — топит баню. А звери уже сломали шесть дверей.

Обратно прилетает черный ворон. Иван — кузнецкий сын чуть баню уже не вытопил.

Ворон сказал ему:

— Теперь можешь мыться. Они там работают, когда помоешься, то скажи: „Дайте перед смертью хоть богу помолиться“.

Он помылся, приходит Змей с сестрой сюда в баню:

— Ну, что, — говорит, — шурин, помылся?

¹ Съел.

— Да, — говорит, вымылся, нечистая сила. Теперь дай перед смертью помолиться богу.

Он сказал:

— Молись хоть сутки, с моих когтей не уйдешь.

Он стал на коленки и молится богу. Сестре стало тошно, она и говорит:

— Бери его хоть с молитвы.

— Я его с молитвы не могу взять.

— Ну, так я с молитвы столкну.

Она подходит и начала толкать. Толкала, толкала, да где взять богатыря. И не может его столкнуть.

Змей говорит:

— Пусть молится, никуда не денется.

Вдруг прилетают прислуги и тихим образом медведя посылают на крышу, на трубу встать.

— А ты, волк, с собаками, становись у окошка, а лев пойдет к двери.

Лев открыл двери — Змею деться некуда. Он бросился в трубу улететь, а там Миша сидит. Когда он стал вылезать из трубы, медведь его схватил в свои когти и закричал:

— Поддержайте меня, я держу!

Тут выскочил волк и лев. Поддержали его. Ивану — кузнецкому сыну не пришлось и вдарить. Они разорвали его в куски.

Сестра увидела, что Змея разорвали, что и ей достанется, стала просить:

— Прости, брат, мою вину, я не сама, а по его словам делала, я боялася его.

Медведь подскочил, хотел разорвать сестру, брат сожалел и сказал:

— Останься.

Она осталася.

Они Змея взяли на огне опалили и по ветру распустили. И стали они проживать обратным путем, как жили.

Тут, может, проходит полгода, живут они хорошо с сестрой, а сестре все тошно по Змею. Она стала пепел собирать и класть в кучку, и он обратным путем сделался Змеем.

Тогда Змей и сказывает:

— Плохо брата твоего провести, но я достану средства иначе. Я достану такой зуб ярый, положим его под подушку. Он нагреется от головы, ему в голову влезет и он кончится.

Вот Змей достал зуб ярый, Иван приходит, ложится спать. Ворочался Иван. Нагревалась подушка и нагревался зуб, и попал зуб ему в заднее темя и он кончился.

Тогда Змей его берет в окошко и выносит его верст за пять от этой избушки, выкопал яму и зарыл его в эту яму.

На завтра починаются его прислуги.

— Что хозяина долго нету?

Входит в избу медведь, а хозяина и духу нету. Он стал нюхать окошко (когда Змей выходил в окошко, то клал его на окошко).

— На чем не стать, а его надо разыскать,— сказал медведь льву,— он теперь не живой уже.

И рассыпалися они по всем местам искать хозяина, и кто найдет — подавай голос.

На могилу Ивана — сына кузнецкого нарвался медведь и видит, что он зарыт глубоко, и он закричал своим богатырским голосом. Он кричит и землю роет. Является к нему лев. Стали работать

они вдвоем и вдвоем кричат. Явился волк и собака, и достали они своего хозяина из земли.

Когда достали они его из земли, то начали рыдать и плакать. Явилась к ним волчица-богатырка.

— Что ж ты пошел за Иваном — кузнецким сыном и не уберег его?

Явилась медведица. Медведица тоже на сына ругалась:

— Как же ты пошел с Иваном — сыном кузнецким и не уберег его?

Явилась львиха сюда, и львиха стала на них кричать на всех, что не уберegli хозяина.

Когда его помыли и стали его хоронить, то стали плакать и реветь по нему. Услыхала лисица-богатырка этот голос и прибегла к ним и спрашивает у них:

— Чего это наделали вы большой шорох во всем лесу?

Львиха отвечает лисице:

— Вот, не могли укараулить Ивана — кузнецкого сына и вот по нем рыдаем.

Лисица кругом обегла его и говорит им:

— А его можно оживить.

— А как его оживить?

— А так, что придется легчи в эту яму кому-нибудь из вас.

Медведь взялся за нее:

— Если оживишь, то живую тебя отпустим, и будешь ты у нас приятелка, а если не оживишь, значит тебя не отпустим.

Она рассказывает:

— Льву легчи — жалко, медведю — жалко, волку — жалко, собаку — жалко. А вот поймайте живого зайца и он оживит.

Вот они махнули по лесу и поймали зайца.

Заяц плачет:

— Что вы с меня хотите?

Они зайцу отвечают:

— Ты нам сослужи одну службу, что скажет тебе лисица.

Заяц поскакал за ними вслед.

Когда они пришли на это место, Иван — кузнецкий сын лежал мертвый. Лисица-богатырка велит его покласть лицом на землю.

— А ты, заяц, лижи вот это место у головы.

Заяц стал лизать его тело, где зуб был. Этот зуб согрелся и скочил зайцу в рот. Тут Иван — кузнецкий сын живой стал, а заяц стал мертвый.

Иван — кузнецкий сын говорит:

— Как я долго спал.

А львица отвечает:

— Да, Иван — кузнецкий сын, скажи спасибо лисице-богатырке, а то бы ты на век спал.

Вот они зайца закопали в землю на Иваново место.

Змей слышал, что зверей целые сутки не было. Опасался и вот они с сестрой и похаживают.

Иван — кузнецкий сын отправляется в избушку, пятерик¹ отправляется впереди Ивана — схватить Змея. И вот, когда они пришли, то медведь обратным путем полез на крышу на трубу, волк пошел к двери, а лев стал у окошка.

Змей видел, как волк идет, он скочил в окошко, а лев его поймал:

— Стой, — говорит, — не уйдешь!

¹ Пятерик, т. е. помощники, 5 зверей.

Они обратным путем разорвали Змея, опалили, но по ветру не пустили. Выкопали яму в две сажени глубины и этот пепел закопали в яму.

Сестра обратным путем стала плакать перед братом.

— Прости мне эту вину.

А медведь сказывает:

— Нет, мы не простим.

Все-таки он сожалел обратным путем сестру, то они (звери) сказали так:

— Мы вкопаем ее живую в землю по груди на этом месте, где Змей. И поставим два котла рядом. Один котел будем змеев, другой котел Ивана — кузнецкого сына. Если она будет плакать в змеев котел — пусть она тут и останется. Если в твой котел станет плакать, то ее выручим. А самим нам тут делать нечего, в лесе жить, надо пробираться к городу ближе.

Они оставили сестру Ивана — кузнецкого сына вдесь, а сами отправились в ход.

Шли они мало, аль много, подходят они: стоит гора из земли, и эта гора в круговую так будет метров на тридцать.

Медведь и сказывает:

— Здесь, в этой горе, надо нам добычу взять. Ступайте, становитесь и прятайтесь. Здесь должна старуха проходить, несть корму жеребцу — богатырскому. Кто увидит, когда она будет давать жеребцу корму и пойдет, то бежи в круговую и сзывай своих в тое место, где она была.

Медведь увидел. Побег искать своего хозяина. Хозяина нашел и поставил его на тое место, где дырка, куда вошла старуха. Потом побежал кругом обирать своих. Пришли. Там жеребец стоял на цепу

богатырский. Когда дверь открылась, жеребец бросился на улицу. Медведь хозяину сообщил, чтобы хозяин крикнул:

— Стой перед мной, — и жеребец встанет.

Иван — кузнецкий сын крикнул так на жеребца, жеребец остановился. Медведь вскакивает в склеп, тянет богатырское седло. А лев тащит в зубах богатырский меч. Одевает Ивану — кузнецкому сыну богатырскую одежду, меч богатырский. Оседлали коня и уехали в город.

У Ивана — кузнецкого сына денег была куча.

Приезжает Иван в город. В середине города встать ему неловко. На краю города стоит избушка, он в этой избушке остановился. Заходит в нее и говорит:

— Здравствуй, бабушка. — Я пришел к тебе попроситься на квартиру, бабушка.

— А ты кто есть такой? — говорит.

— Да я, — говорит, — охотник, зверей убиваю, так вот с краю города мне к лесу ближе.

Она и говорит:

— Можно.

Он говорит:

— У меня есть пять прислуг, и мои прислуги смирные. Человека не обидят. А у бабушки сарайчик есть поставить лошадь.

Бабушка ему сказала:

— Можно.

Когда он поставил лошадь, идет в избу с своими прислугами, а бабушка сидит на печке.

Увидала бабушка этих прислуг его и на печке чуть не обомлела. Он и говорит:

— Бабушка, не пугайся, Миша, возьми бабушку с печки, посади за стол.

Миша подходит, берет бабушку тихохонько и садит за стол.

Открывает Иван свой мешок, открывает кушанья и приглашает бабушку.

— Кушай, бабушка. А что надо, они тебе все сделают, что ни скажешь, а бояться их нельзя, не надо.

Бабушка тут покушала, посмелела немножко.

— Что же, бабушка, у тебя ничего такого нету?

— Нет, ничего нету.

— На тебе, бабушка, сто рублей, иди на базар, закупи там всего и найми извозчика, и привезешь. И на тебе еще пол сотни, купи живую скотинину: корову, али быка, а бойщики у меня свои.

Бабушка пошла, накупила хлеба, харчей разных. Купила корову за двадцать пять рублей. Приезжает, корову приводит и подает ему семьдесят рублей назад денег. Он и говорит:

— Это, бабушка, тебе за труды.

Бабушка тут израдовалась, что бог дал такого постояльца. Они эту корову убили, кожу содрали целиком и начали проживать. Иван — кузнечный сын на охоту не ездил. Сидел в избе с прислугами и бабушкой.

Один раз в прекрасное время Иван — кузнечный сын рассказывает:

— Ты в церковь не ходишь?

— Хожу, голубчик.

— Так вот, — говорит, — отправься в церковь, походи по базару, послухай, что в городе деется.

Бабушка отправилась.

Приходит бабушка оттудова и говорит:

— Вот, что, голубчик, Змей шестиглавной тревует государскую старшую дочь на поедание.

Если государь не пошлет дочку своей на поедание, то он сожжет все царство.

— А в которое время, бабушка?

— Да вот, завтра в двенадцать часов дня.

— Ну, что же, бабушка, ничего не сделаешь.

Придется нам уехать с этого царства.

Они проночевали.

— Бабушка, — говорит, — я поеду на охоту.

— Отправляйся с богом, — бабушка ответила ему.

Иван — кузнецкий сын половина двенадцатого садлает своего доброго коня и поезжает со своими прислугами на тое место, где повезут царскую дочь.

Царскую дочь привезли. Там беседка была устроена для съедания. Там ее приковали цепями к этой беседке и попрощались все и отправился народ оттудова, как похоронили ее.

Народ видит, что Иван — кузнецкий сын едет, то они все вниз пали и сказали, что, мол, едет Змей.

Иван — кузнецкий сын приезжает в город к беседке, государская дочь плачет. Он спрашивает ее:

— Что, прекрасная царевна, ты плачешь?

— Как же мне не плакать? Что же ты меня потешаешь, нечистая сила? Приехал меня поести.

— Нет, прекрасная царевна, я не приехал тебя поести, я приехал тебя сбавить от проклятого Змея.

Подходит к ей, разрывает цепи и освобождает ее от цепей.

— Теперь, сиди, пока придет Змей.

Он сидит и беседует с ей.

Вдруг является шестиглавый Змей с моря и говорит:

— Вот так государь милостив, я просил одну прислать, а он прислал восемь штук: коня, зверей пять и их. Будет выпить и закусить.

А Иван говорит:

— А может, нечистая сила, и выпивкой подавишься?

Змей и говорит:

— Мне таких противников и близко нету, чтобы могли со мною владеть. А есть, — говорит, — где-то Иван — кузнецкий сын, от быка имеет небольшую силу, но он мелко плавает со мной бороться и его сюда ворон костей не принесет.

А Иван говорит:

— Ворон костей не приносит, а сам молодец приходит.

— Так, — говорит, — ты Иван — кузнецкий сын?

— Да, — говорит, — я Иван — кузнецкий сын.

— Ну, так что же, — говорит змей, — будем биться, аль мириться?

— Нет, — говорит, нечистая сила, ты пришел людей поедать, а я пришел царскую дочь спасать, так миру никакого у нас нет.

Змей, видя, его такую свиту, хотел лизнуть в море назад, но его уже опружили.¹ Медведь берет за его, волк за его, лев за его, а Иван только шашкой головы снимает с плеч.

Когда он с него снял шесть голов, то он велел поднять большой камень и эти головы под камень поклат, а языки вырезал и поклат на камень. Тогда государская дочь дает ему заручальное кольцо и снимает свой шелковый плат и рвет на шесть частей

¹ Окружили.

и вешает каждому на шею ленту в заслугу, и зовет его на пару стаканов чаю.

А он ей говорит:

— Спасибо за твой чай, мне надо спешить в другое место, еще одну душу спасти, а ты отправляйся домой.

Когда он сел на своего доброго коня, мигом уехал к старухе. Старуха спрашивает у него:

— Ну, что поохотился?

— Да, бабушка поохотился.

... А государь выбрал смелого человека, чтобы смотрел, как будет Змей поедать дочку. Нашелся такой смелый—цыган. Он увидел, что Иван уехал, подходит к царевне и сказывает ей:

— Скажи, что я тебя освободил, что я Змея убил.

И она говорит:

— Как я скажу, когда меня такой-то освободил?

— А если ты не скажешь, то я тебя убью и в море брошу,— скажу, что Змей съел.

Она видит, что такая беда. От одного сбыла, другой наваливается.

Он ей говорит:

— Поклянися, что ты это скажешь.

Она села на коленках и поклялася, что скажет, что он Змея убил.

Цыган ее подмышку и повел домой.

Приходят и царевна заявляет отцу:

— Этот меня спас, сбавил, убил Змея. Теперь мне за его замуж выйти.

Проходят сутки, проходят другие. Там на третьи сутки Змей пишет девятиглавый, чтоб прислал государь среднюю дочку на поедание.

Вывешены были жалобные флаги, во всех церк-
вах были звоны. Звонили, отпевали государскую
дочь на тот свет.

Ивану бабушка все ходит по базару пронюхи-
вает. Пришла бабушка и рассказывает:

— Одного Змея убил цыган, освободил, а теперь
от девятиглавого освободит государскую дочь, али
нет?

— Если,—говорит Иван,—убил он шестигла-
вого, то убьет и девятиглавого. А во сколько
часов поведут ее?

— Да тоже,—говорит,—в двенадцать.

— Ну, вот, бабушка, я отправляюсь на охоту.

Опять отправился на тое место, в тую беседку,
где была старшая дочь закована. Цыган этой пу-
блике говорит:

— Я буду на дубу. Когда Змей будет итти, то
я слезу с дуба и схвачуся с им.

Ну, вот, когда публика шла, Иван—кузнецкий сын
ехал, публика испугалась, думале, что Змей, и вся
упала. Он приезжает к средней царевне. Царевна
говорит:

— Чего же, молодой человек, приехал сюда?

— Да вот,—говорит,—избавить тебя.

— Сестру мою избавил цыган, а теперь я вижу,
что это не цыган избавил, а избавил ты.

И она берет шелковый платок и хотела его
рвать.

— Нет,—говорит,—не рви, когда заслужу,
тогда порвешь и повесишь.

Девятиглавый Змей приходит с моря и крикнул:

— Как государь милостлив. Я требовал одну
душу, а он прислал мне восемь. Будет выпить и
закусить.

Иван сказал:

— Может, нечистая сила, одной выпивкой подавишься, а закуски, может, и не придется кушать.

Тогда Змей узнал, что это Иван—кузнецкий сын.

— Ну, что же, Иван—кузнецкий сын, будем биться, аль мириться?

— Нет,—говорит,—будем биться. Кому царевна достанется.

Змей хотел уже за море махнуть.

— Ты,—говорит,—брата моего убил, а со мной,—говорит,—поскачешь (страх задает Ивану—кузнецкому сыну).

А слуги уже обошли, стали поближе вокруг него. Иван крикнул:

— Берите его!

Его тут и схватили: кто скребет,¹ кто что, а Иван головы снимает.

Когда он его убил, подымает тяжелый камень; под камень кладет головы, а языки на камень. Средняя дочь дает ему заручальное кольцо, рвет платок, весит каждому ленту и зовет его на пару стаканов чаю к отцу, а он отвечает ей так же, как и старшей отвечал:

— Мне некогда.

Он сказал еще:

— Я завернусь к дубу, а ты ступай домой, и пусть тебя цыган ведет домой, и ты скажи, что он освободил тебя.

Он подъезжает к дубу и кричит:

— Ну-ка, вояка, слезай-ка с дуба.

А он отвечает:

— Что хочешь, а с дуба не полезу.

¹ Царапает.

— Не полезешь, тогда скатишься, что гороховина с дуба.

Иван сказал:

— Миша, ну-ка, тряхни дуба, чтобы он скатился, да и поддержите, чтоб не убился.

Миша дуб потряхнул, цыган с дуба покатился, Миша до земли не допустил, в лапы себе захватил. А Иван, сидючи на лошади, подъезжает к нему и ударил его плеткой по спине, но так, что у него рубец сделался и сказал ему:

— Что ж ты, вояка, воюешь, а никакого знака нету. Так вот тебе знак, пусть доктора лечут, и бери государскую дочь и сказывай, что ты освободил ее.

Цыган так и сделал. Царская дочь поклялась цыгану сказать, что цыган спас. Он ее подмышку и приходит домой и сказал, что я больной, Змей ударил. Тут ему стали делать перевязки.

Проходит три дня, государская дочь пошептывает себе, а меньшая дочь не знает.

Через три дня Змей двенадцатиглавый пишет, чтоб государь прислал дочку меньшую на поедение, а если не пришлет, то все царство огнем сожжет.

В такое-то время обратным путем отправляют двенадцатиглавого Змею на поеданье меньшую царскую дочку.

Бабушка Ивану сказывает:

— Цыган освободил и вторую дочь, а как он победит двенадцатиглавого?

— Освободил тую, освободит и эту.

Обратным путем садится он на свою лошадь и отправляется к морю. Государственная дочь была уже прикована. Он приезжает и говорит:

— Здравствуй, здравствуй, прекрасная царевна.

— Здравствуй, молодой человек. Я вижу, что это не цыган освободил моих сестер, а это,—говорит,—вы.

Он разрывает цепи и разговаривает с ней.

Вдруг вылезит Змей двенадцатиглавый.

— Ну, что ж, Иван—кузнецкий сын, убил моих братьев, но меня не убьешь.

А Иван отвечает:

— Как придется.

— Ну, что ж, будем биться, аль мириться?

— Верно будем биться. Видишь, круговая тебе поставлена стража, чтоб ты не мог назад в море скочить—давай,—говорит,—биться.

А на слуг крикнул:

— Берите его!

Вот его и взяли: кто рвет, кто скребет, а Иван—кузнецкий сын, только головы снимает. Вот и этого убил, головы под камень, а языки на камень положил. Царевна дает ему зарученное кольцо и рвет платок, вешает на их ленты.

Иван сказал:

— Пусть цыган ведет тебя домой.

Цыган с дуба слез и дожидает у дуба (все равно оттуда стащат). Иван подъезжает, сказывает:

— Ты, цыган, можешь жениться на старшей дочке (был милостливый такой).

Таким способом цыган и эту взял, и царевна поклялась сказать отцу, что освободил ее цыган.

Прошло дня три или четыре—от Ивана ничего не слышно. Цыган уже захотел жениться и взять меньшую дочку замуж. Государь стал уже к свадьбе готовиться, объявлять, что будет свадьба. В газетах

было пропущено, что такой-то будет жениться и такого то числа будет свадьба.

Сидит Иван—кузнецкий сын и говорит:

— Эх ты, волк, сходил бы, государевой стряпни принес, а ты, лев и медведь, пошли бы к государю на свадьбу.

Они отправились все трое.

Отправились они к государю прямо во дворец и прямо на кухню, где готовят. И повара и лакеи— все убежали. Медведь берет всю эту стряпню, кладет в салфетку, вяжет, и волк отправился со стряпней к Ивану. Все забоялись, но государские дочки не боялись и пособляли увязывать все им, и говорят отцу:

— Это наши избавители.

И льву навязали, и лев пошел, и медведю навязали и медведь пошел.

Государь поставил стражу: куда они могут выйти? И куда снести? Где их хозяин?

Когда стража была расставлена, Иван посылает прислугу обратным путем к государю снова за стряпней. И слугам обратно навязали стряпни, а они сказали:

— На конце города в избушке находится царевнин избавитель. Государь взял и послал министра с каретой, чтобы взять его. Министр приезжает. Когда карета подошла, Иван говорит:

— Миша, поди, министра возьми и веди в избу.

Миша приходит, открывает карету, берет министра и ведет в избу. Кузнецкий сын достает закуску, бутылку коньяку и говорит:

— Вот это свадебная закуска и выпивка.

Министр обомлел.

Потом министр говорит:

— Государь просит, чтобы вы приехали к нему во дворец.

А он отвечает:

— Что небольшой господин и государь ваш, пусть приедет, запряжет шесть лошадей, а на одной я не поеду.

Министр поехал и доложил государю. Государь велел шестерых лошадей запрести и с кучером, и приезжает сам сюда к этой старой избушке. Иван—кузнецкий сын велит Мише итти и вести государя в избу. Миша идет и государя ведет.

Иван — кузнецкий сын предложил государю сести за стол. Государь сел (ну, да куда денешься?!). Наливает государю стопку коньяку и себе.

— Ну, давай, выпьем свадебного.

Государь хоть морщился, а выпить надо.

Он наливает другую (для смелости).

Государь говорит.

— Довольно.

— Да выпейте, смелей будет ехать.

Государь выпил и он выпил.

Иван спрашивает:

— А что у вас—лошади хорошие?

— Да ничего,—говорит,—неужто нас двоих не свезут?

— Да мы не вдвоем поедем.

Вот они вышли к лошадям, он велит:

— Ты, волк, показывай дорогу—вперед бежи, а ты, лев, забирайся на карету, чтоб карета не шаталась, а ты, Миша, садись за кучера, а ты, собака, садись на мою лошадь, а другая, полезай с нами в карету.

Посадил он государя. Миша на кучерское место садится. Миша берет кучера и садит его в карету, вместе с государем.

— Ну, а ты, бабушка, прощай, я тебя не забуду.

Они отправились. Миша, как сел, взял возжи, да свистнул, кони и понеслись, карета ходуном не ходила—лев сидел на карете и карету поддерживал.

Когда они подъезжают к дворцу, государь говорит:

— Не сдержать твоему кучеру лошадей, мимо проедем.

Иван—кузнецкий сын отвечает:

— Не проедем мимо, как раз у крыльца станем. Когда подъезжали к крыльцу, медведь возжи натянул, лошади упали, карета на них наехала. Миша слазит с козлов, открывает карету и ссаживает своего хозяина, а также и государя. А карета и лошади остались здесь. И лев слез с кареты и собака с лошади слезла. Лошадей убрали на конюшню. А они отправились в избу. Тут видят: цыган сидит (как же—зять государский).

Иван рассказывает цыгану:

— Что я тебе сказывал—женись на старшей дочке, а ты захотел мою невесту взять, младшую. Я тебе делать ничего не буду, только дам я тебе задачу большую: добежать все бегом до квартиры, где я был.

— Пробегу, батенька.

Когда побег цыган, Иван—кузнецкий сын направляет медведя вслед и наказывает:

— Когда где остановится, то кидай ты его через третий этаж дома, чтобы его и кости измялись.

Цыган бег, бег, устал и пошел шагом. Подскакивает медведь и бросает его через третий этаж

дома. Цыган убился, медведь вернулся назад, сказал хозяину:

— Кончил.

Иван—кузнецкий сын женился на младшей дочке и стал царствовать.

Прожил он месяц, захотелось ему поехать к своей сестре. Когда приехал к сестре, сестра была еще живая и натопила полный котел змеев. Так он ее там и оставил.

Там я был, мед, вино на свадьбе пил, в рот не было, по бороде не текло, и дали мне блин, который трое суток в кадушке гнил. Ну, я там видел, что бабы пекут свежи блины. Мне захотелось свежего блина взять. Бабы меня кочережкой гнать. Мне деваться некуда было бегти, ворота были заперты...

Тут и сказки конец.

СОВА И СЫЧ

Жила сова в лесе. Она летит и видит—замерзла птица, и она подлетает и смотрит на нее и говорит:

— Это нашей породы, совяненок маленький.

И тащит к себе в гнездо и начала его кормить.

Продержала она его неделю. Носит корму. А он преспокойно сидит в гнезде.

Однажды прилетает сова, берет его под крыло и согревает его, и говорит она:

— Какой сегодня крепкий мороз.

А он отвечает под крылом ее:

— Это не мороз, а еще будет мороз. Вот придут рождественские морозы, вот тогда и скажешь, что мороз.

Сова и спрашивает:

— Почему ты знаешь?

— Как же я не знаю. Я уже семь лет живу на свете.

— Кто же ты такой есть?—она спрашивает.

— Да я есть сыч.

— А я думала, что ты сова маленькая. Вот я сожалела и питала тебя, а ты старше меня, ты больше знаешь. Так иди-ка, голубчик, из моего гнезда.

Взяла и выкинула его.

Сыч полетел искать себе новое место.

ВОЛК, ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Ну, вот, устроена была волковня.

Летел журавль и хотел опуститься покормиться и попал в эту волковню (яму, застеленную хворостом, чтобы не заметно было).

Вот и сидит. Он поднимался вылететь оттуда, как поднимется до этого хворосту, то никак не пролезет, и опять назад.

Тут попал и волк в эту волковню, и лисица попала. Вот они сидят и думают, что они уже пропали все тут. Ну, а лиса говорит:

— А я жива остануся.

— Как же ты останешься жива?—они спрашивают.

— Дело мое.

Волк отвечает ей, лисе:

— Мы, сейчас, кумушка, все трое пропадем. Не надо было сюда попадать.

Лиса и замолчала, а свою думу думает, как спастись. Лиса слышит, кто-то идет. Лиса падает на землю, вытягивает свой длинный хвост и растягивает ноги, выскалила зубы и лежит мертвая вроде как.

Вот приходит хозяин, который делал волковню,

— Смотри-ка, и журавль попался сюда в яму, да и волк тут, да вон и лиса лежит.

Он и говорит:

— Волк с лисицей не поладился. Вишь, лису загрыз, лиса уже околела.

Охотник заряжает ружье и бьет волка. Потом кладет помельче патрон, убивает журавля.

— Ну, теперь полезу туда в яму, нужно вытянуть их из ямы.

Он и говорит:

— Ах, бедная лиса, не пришлось мне снаряду своего тратить на тебя. Тебя и так волк загрыз.

Берет лису и выкидает, а лиса схватилась, да и побегла, и сказала:

— Я говорила, что буду жива, живая и осталась.

Тогда мужик сказал:

— Да, лиса хитра, ишь, как обделала она меня. Даже не придумать. Было счастье, да улетело.

Ну, с волка кожу снял, а журавля понес домой, сварил, да съел, и охота кончилась.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ОДИНЦОВ

(Автобиография)

„Дед мой был кузнец, работал на Александровском заводе. Семья 7 человек детей, а всего девять человек. Работал до старости. Надевали на деда армяк, кушаком подпоясывали, до угла провожали. Он идет, руками машет, чтобы разошлись. Отец до 20 лет работал в кузнице, вто пока крепостное право было, а когда дали „свободу“ в 61 году, получились у них разногласия. Был начальник Бутенов, и вот он такую пропаганду вел: „Вам будет лучше, если не примете волю“. Молодежь стала бузить. Отец мой с завода вышел.

С 9-летнего возраста отдали меня учиться в приходскую школу, раньше в гимназию не попадешь. В этой приходской школе я учился три года; перешел в 3 класс. На экзамене дали мне читать молитву: „Верую“. Ну, она молитва долгая, и я по закону божьему ни черта не знал, и меня выгнали.

Явился вечером домой, мать спрашивает:

— А ты где был, молодец?

— В школе.

— Какая школа, когда час ночи.

Я сказал: не перевели, а не сказал, что выгнали.

На другой день пошли в школу. Приходим к учителю Ядрышеву—худой старик, бил нас здорово. Вот мать и спрашивает:

— Почему мой мальчонка . . .

— А его, — говорит, — выгнали, закона божьего не знает.

Она просит. А он: — Нет, нет! . . .

Хотели меня отправить в Питер в ученье, отец уже с мужиком сговорился, с вербовщиком. Раньше в декабре месяце ребят возили в Питер продавать, в мастерские там. Ну, не охота мне, другие ребята были посланы, сбежали, житье было плохое у подростков.

Я как услышал разговор, ушел в холодную баню, под полом сизу. Искали меня, чуть до полиции не дошли.

На Онежском заводе проработал 43 года. Тяжелая была работа. В неделю два раза сменяли рубашки, но не эти рубашки, а холщевые рубашки.

Никаких приспособлений не было, не было ни молотов паровых, своими руками, своей силой. Если возвратиться к тому времени, как мы работали, сначала 12 часов, а потом 10, так это были мы как часы в кузнице, маятник.

Если хорошо заработать, — ведь это надо жизнь отдать. При этой работе кузнецы и молотобойцы падали от жары.

Фугасные ефраны мы работали. Например, две пары у меня в горне нагревали два молотобойца. Бьют. Отбили, закруглили и вот молотобойцам до шабаша 8 часов отстоять. Как маятнику вручную работать.

А что мы ели? — Хлеб да воду, а осенью вырастет картошка, дак едим, а к весне посолить хлеба нечем, еще мастер насмехается, да еще подплясывает, проклятый. Ну, вот, возьмешь 100 рублей на год, 10 рублей с вас и вычитают . . . штрафы, да потом священнику, на иконы тут к празднику. Иногда придешь получать, скажут: „Ну-ка, рублик с тебя надо получить, не хватает, не доработал“, — а месяц работал.

А семье тут как угодно надо было жить.

О начальстве: в 1907 году был у нас инженер Егорьевский. Такая сволочь. Иной раз в проходе ли там, у нас ли

в цеху кто-то скажет: „Эй (мать) царя и бога“. Егорьевский:
„Найти, кто недоволен!“

В субботу спрашивают: „Кто недоволен?“

Мы не знаем кто.

Вот я однажды сидел, сидел, подхожу:

— Ваше благородие, я матюгался, когда вы тут шли.

Кончили работу, а за нами сыщики. Иду в контору утром
в понедельник, меня и не пускают.

Я спрашиваю:

— Почему?

— Егорьевский распорядился.

Поработал в другом месте, в завод вызвали: таких кузнецов не было. Другой раз работы не было. Идем во двор к начальнику. Пообещает и тем кончится, отправляйтесь. Еще чище, когда Куропаткин мошенник приехал. Нас, как дураков: ворота растворили, в воротах все на коленки!..

— В чем дело?

— Да вот работы нет.

Он:

— Да, да, у вас дома огороды, капусту садите, картошку.

Сел я до свидания! С пятого года пошло у нас маленько. Необходимость отпора чувствовал каждый рабочий.

Были здесь меньшевики и эсеры. Ну, рабочий на стороже был. Им этот номер не прошел. После 1905 года рабочий сознательнее стал. Пошли кружки, митинги. В 1917 году приехали рабочие из Ленинграда. Вот, — говорят, -- большевики есть, Ленин. Я один из первых и записался, сперва как бы нелегально.

Связались потом с железнодорожниками. В 1919 году все пошли в красногвардейцы.

Дед кузнец, отец кузнец и я кузнецом всю жизнь был. Вот вам и сказ мой“.

СОЛДАТ НА ТОМ СВЕТЕ

Окончил солдат службу Николаевскую, двадцать пять лет прослужил. Пошел на свою родину и думает:

— Есть ли кто живой из родных-то?

Вот шел, шел, долго-ли, коротко-ли, сел отдохнуть и думает:

— Вот бы теперь хорошо в раю пожить. Эх, житье бы было старику—солдату.

Вдруг перед ним очутился апостол Петр.

— Что ты сейчас думал, служивый?

— Ах, думал кабы в рай попасть, пожить бы в раю.

— Пойдем, я тебя сведу.

Они отправились. Приходит к раю. Петр—апостол открывает ворота и пускает солдата в рай. Ах, видит—цветы, деревья, ангелы поют. Вот солдат и спрашивает:

— А как бы поесть мне?

Вот его в столовую свели. Разные кушанья. И ветчина, и жареное мясо, и баранина, все на свете. Солдат и подумал:

— Как же так? На земле говорят—святые мяса не едят, жаркого не едят ни мясного, ни рыбного, а тут все снадобья есть.

Живет месяц солдат, прямо сделался куда здоровый. Надоела ему эта жизнь. Выбрал полянку в раю. На этой полянке стал чертить план. Подходит к нему один святой:

— Что ты, служивый, делаешь?

— Да вот,—говорит,—надоело у вас мне так жить. Жить у вас хорошо в раю, есть есть и пить, но увеселения никакого нету. Покурить хочется—табаку нету, выпить хочется—вина нету, музыки нету, а вот на этом месте я сделаю план и сделаю трактир. И в этом трактире все будет, пойдет по нашему, по-солдатски.

— Что ты, служивый, в раю нельзя этого делать. Надо богу молиться. — Старец побежал к богу.

— Бог,—говорит,—солдат хочет строить в раю трактир, и вот будет музыка, вино, табак, все тут.

— Гоните-ка его с рая.

Выгнали солдата с рая. Вышел с раю и смотрит назад:

— Вот сволочи-то! На земле обманывают: рай, веселье, хорошо, а там никакого увеселения нет.

Шел, шел, устал. Задумался солдат.

— А попасть бы хоть в ад к чертям.

Вдруг перед ним чорт:

— Ты, служивый, что сейчас подумал?

— А подумал, как быть: хоть к чертям в ад попасть.

— Пойдем со мною, я сведу тебя в ад.

Вот чорт приходит к сатане и говорит:

— Солдат хочет пожить в аду.

Сатана дает разрешение:

— С удовольствием, пущай живет.

Живет солдат в аду месяц, живет два. Надоело ему, пошел гулять по аду. Гулял, видит площадка порядочная такая, взял палочку—давай чертить опять план. Приходит старший чорт:

— Чего ты, служивый, чертишь?

— А, черти,—говорит,—надо план сделать, на этом месте буду строить церковь. Все у вас хорошо, но все обманывают, а для души спасения нету.

Чорт испугался и бежит к сатане:

— Господин сатана, солдат в аду церковь хочет строить.

— Где?

— А вот на площадке.

Пошел сатана сам посмотреть.

Сатана приходит к солдату и говорит:

— Что ты делаешь?

— Вот, хочу, говорит, церковь строить. Наконец, об душе своей позаботиться надо.

— Гоните солдата к чорту с ада.

Много веков минуло, а это случилось в аккурат к семнадцатому году, выгнали солдата с аду.

— Вот,—думает солдат,—в раю был—с раю выгнали, в аду был—с аду выгнали. Там тоже справедливости нету.

И недалеко это было от Петрограда.

— А дай-ка я пойду в Петроград, узнаю, что-нибудь.

Вот когда он пришел в Петроград, там в аккурат—восстание, царя выгнали. Он, конечно дело, не знал, спрашивает первых попавшихся:

— Скажите, граждане, что тут за драка?

Ему рассказывают:

— Рабочие завоевывают себе свободу.

Вот тут он в ряды стал рабочие.

— В аду я был, в раю был, буду я здесь завоевывать с рабочими. Не лучше ли будет тут?

(Ан, лучше).

СТАРИК ДА СТАРУХА

Не в котором царстве, не в котором государстве жил старик со старухой. Старуха такая была упрямая, что старик не скажет, то она все наоборот делает. Старик старухе и говорит:

— Старуха, спеки-ка ты пирогов.

А старуха—наоборот:

— А вот не спеку.

— Старуха, спеки

— А вот не спеку.

Наконец, старик стал старухе иначе делать:

— Старуха, не пеки-ка вот завтра пирогов.

Старуха:

— А вот спеку.

— Не пеки.

Старуха:

— А вот спеку.

Старик старухе:

— Пойдем в лес завтра.

Старуха:

— А вот не пойду.

Старик пошел в лес, ходил, ходил, увидел—яма. Яма огромная-огромная, глубокая-глубокая; да. Старик посмотрел, посмотрел:

— А изведу я старуху. Для чего мне с ней грешить? Накидал на яму тоненьких-тоненьких жердочек.

На другой день старик старухе говорит:

— Старуха, не ходи хоть со мной в лес.

Старуха:

— А вот пойду.

Пошли со старухой в лес. Шли, шли в лес, завел старик старуху до ямы.

— Старуха, не ходи хоть по жердочкам по этим.

А старуха говорит:

— А вот пойду.

Старуха пошла и провалилась в эту яму.

Старик жил день—два. Старику стало скучно. Хоть худая, а все-таки веселей со старухой. Взял старик веревку и пошел к яме. Пришел—давай веревку спускать в яму. Спускал, спускал, вдруг веревку задергал кто-то. Да. Старик давай веревку тащить. Старик веревку вытащил, видит—не старуха, а зацепивши[йся] чорт.

Старик хотел бросить чорта, а чорт взмолился:

— Нет житья: старуха хвост и рога все общипала.

А старик и спрашивает:

— А какие мне обещания дашь, что чем меня вознаградишь?

Чорт и говорит:

— Я тебя сделаю самым богатым и самым славным будешь. Я вот пойду в одно государство, вселюсь в одну княгиню молодую, так, что никто не вылечит, а ты только придешь—она поправится. Только такой уговор, что к двум приходи, а к третьей не ходи.

Н. И. Одинцов.

Да. Ну, вот через несколько времени вдруг княгиня заболела. Лечат доктора и колдуны все и никто не может вылечить. Наконец, стали искать:

— Кто только вылечит—наградит большой наградой царь.

Вот, наконец, старик и взялся лечить. Когда старика только привели в тое царство, где княгиня молодая болела, старик взял воды, пошептал и маленько княгиню взбрызнул. Княгиня в скором времени поправилась. А в другом государстве вторая княгиня заболела. Тогда, как узнали старика, что он такой лекарь—вызвали в следующее государство. Привезли старика и в следующее государство. Тогда старик взял подушку, пошептал, взбрызнул. Еще и в третьем государстве заболела княгиня. Старика как узнали—какой лекарь, то его туда стали вызывать. Старик отказывался все, а там все-таки говорят:

— Не пойдешь, тебе и голова долой.

Да. Старик волей-неволей все-таки пошел. Когда туда пришел, то чорт выскакивает, и говорит:

— Зачем ты пришел, я ведь не велел притти в третье.

Старик и говорит:

— Я тебе дело скажу: ведь старуху я с ямы вытянул.

Чорт убежал опять в яму, к старухе и попал. А старик стал жить поживать, да добра наживать, денег приобрел.

Все.

ЛОВКИЙ СОЛДАТ

Шел солдат с походу, и с двенадцатого году. Отлучился от полку, пошел искать нюхательного табаку. Шел путем—дорогой солдат, ни денег и ни хлеба. Пришел в один дом—одна старуха сидит. Солдат:

— Здравствуй, бабушка!

(Солдат-то был барабанщик, шел с барабаном).

— Бабушка, нет ли у тебя покушать чего?

— Вуй, дитятко, где у нас покушать? Всех прохожих кормить—ничего у нас нету.

— Бабушка, нет ничего,—нет ли хоть худого топора? Я бы кашу с топора сварил.

Старуха засмеялась:

— Да какая каша с топора?

— Да какая, бабка, поешь, да и узнаешь, что за каша, поешь, да и похвалишь.

Вот солдат развел огонь, воды в котел и давай кипятить: кипятил, кипятил, откушал.

— От, бабушка, где бы крупки маленько? То кашка совсем готова.

Старуха притащила крупы чашку.

— На-ко, дитятко,—говорит,— что есть — всю дала.

Солдат кипятил, кипятил:

— Совсем каша готова, если бы маслица маленько.

Старуха принесла и маслица. Солдат-то топор раньше снял, а потом и масло клал. Когда поели, старуха и говорит солдату:

— Батюшка, был ли ты на войне?

— Как же, бабушка, был сколько раз в бою был.

— Да, дитятко, хотя бы показал, как это на войне-то действуют.

Старухе и говорит:

— Ставь ка, бабка, горшок да кадушек, я покажу, как на войне быть.

Старуха наставила горшков, кадушек, солдат взял ухват и скомандовал:

— К бою готовься!

Закричал „ура“ да давай кадушки, горшки хрястать, ломать. А старуха сидит на лавке, да кричит:

— Боже мой, умири войну, убей солдата!

Свалились спать.

На утро солдат встал, стал отправляться домой.

Гыт:

— Прощай, бабушка.

— Прощай, прощай, дитятко.

Да. Шел солдат дорогой, опять зашел во вторую деревню. Там тоже старуха сидит. Старуха и спрашивает у солдата:

— Откуль ты, дитятко, идешь?

— Да, бабушка, из того-то света выходец.

— Ох, дитятко, ведь у меня сыночек на том свете есть. Долоня. Аль видался ты, солдатик?

— А мы вместе под грешных в аду дрова подкидываем. Да, бабушка, он там тоже вот прорвавши—ни рукавиц, ни чего.

Вот старуха накормила его, на другой день солдат отправляется:

— Посылочку никакую не справишь к Долонюшке?

Старуха ему подштанники дала, две рубашки, рукавицы, шаровары там. Ну, солдат и ушел.

Приходит домой сын. Рассказывает мать сыну:

— Дитятко, был с того света выходец и с Долонюшкой вместе там и живут. Да. Долонюшка там прорвавши, я ему посылочку послала, там рубашки, сапоги, рукавицы.

Ну, а сын на старуху рассердился:

— Ну, мать, пойду, глупей тебя найду—приду домой, не найду—то и взад не приду.

Шел, шел, дошел мужик, аль как назвать, тут в город. Видит у господина во дворе свинья и двенадцать поросят. Вот пал на колени, снял фуражку, гыт:

— Свинья—пестра, ты моим ребятам крестна. Сегодня у них свадьба, я тя на свадьбу приглашаю.

Увидала госпожа в окно.

— Ступай-ка, — гыт прислуге, — посмотри, какой дурак стоит перед свиньей без фуражки.

Выходит прислуга и говорит:

— Чего же, дяденька, тут стоишь без фуражки?

— Да вот свинья—пестра моим ребятам крестна. Я приглашаю их на свадьбу.

Барыня рассмеялась:

— Вот еще, — гыт, — свинья да может быть крестной. Пусть возьмет, как ему нужно на свадьбу.

Мужик и погнал, значит, свинью и поросят к себе в деревню. Но, когда приходит барин домой, барыня рассказывает:

— Вот был мужик-то, такой дурак

И все рассказала. Барин гыт:

— Мужик дурак, да ты-то умная?

Запрет лошадь, карбиолетку и погнал вслед в догою.

Мужик гнал, гнал, слышит что-то топот сильный, взял загнал свиней в сторону подальше, вдруг нагоняет барин.

— Что, голубчик, не видал ты тут мужика со свиньями?

А у мужика снята шапка. Кладена под шапку еловая шишка.

— Да,—гыт,—видал, да тебе не найти, потому что тут несколько дорог, ты запутаешься. Дай-ка,—гыт,—я догоню, да и все пригоню тебе.

Барин дал ему лошадь и гыт:

— Пожалуйста, я тебя вознагражу, как пригодишь.

— Прокарауль, барин, шапку, а я той поры съезжу.

Вот мужик уехал. Только и был, а барин остался сидеть. Сидел, сидел.

— Что за соловей?—Посмотрю.

Когда открыл шапку, увидел еловую шишку. Тогда и смекнул:

— Ни одну барыню он надул, надул и меня.

Мужик приехал домой, сказал:

— Ну, мать, не только ты глупа, а глупей тебя барыня и барин.

И все.

БЕЗЗАБОТНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Однажды Петр Великий, проезжая далеко за городом, мимо одного монастыря, видит надпись на воротах:

— Беззаботный монастырь.

Петр Великий минутку постоял, подумал и сказал кучеру:

— А ну-ка, заезжай в монастырь.

Игумен увидел, что едет царь, моментом оделся и выбежал во двор встретить. Подбегает к карете, низко кланяясь, и сказал Петру:

— Милости просим, царь-батюшка, зачем пожаловали?

А царь и говорит:

— Меня заинтересовала ваша вывеска, как же понять, что Беззаботный монастырь?

Игумен и говорит:

— Да так, царь-батюшка.

Петр Великий и говорит:

— Так значит у вас нет ни работы ни заботы?

А игумен и говорит:

— А какая работа и забота? Утром встанем— чайку поьем, пойдем в церковь, помолимся немного. Оттуда придем, позавтракаем. Потом опять

идем не надолго молиться и вот так живем. (Значит, целый день пьют, едят и так далее—все в порядке).

Тогда Петр Великий сказал:

— Вот тебе будет работа и забота. Я останусь на ночь, а ты к утру реши три задачи.

Игумен и говорит:

— Какие же задачи?

— А вот какие: первая—сосчитай, сколько звезд на небе, да верней, вторая—сколько я стою, оцени, третья задача—о чем я думаю?

Игумен вышел от царя, идя по двору, сильно ругался:

— Чорт его принес! Ну, как мне тут решить эти задачи?

Навстречу игумену шел монах-мельник (он молот на ручном жернове—работа не легкая), и услышал, что игумен ругается, и спросил его:

— О чем, отче игумене, ругаешься?

Игумен и говорит:

— Чорт вас подсобил поладить эту надпись. И рассказал ему, что Петр Великий велел решить три задачи.

Мельник-монах услышал, какие задачи, сказал игумену:

— Не робей, отче игумене, если ты согласишься за меня муку помолоть, так я решу эти задачи.

Игумен, конечно, обрадовался и с полным удовольствием согласился на это: лучше муку молотить и головы ломать не надо (причем, нужно сказать, что этот монах был сильно похож на игумена).

Утром, переодевшись в игуменскую одежду, монах-мельник пришел к царю и говорит:

— Ну, царь-батюшка, я задачи решил.

Петр Великий и говорит:

— Ну, сколько звезд на небе?

Монах-мельник достает большой лист бумаги, решительно весь истыканный острым карандашом, а в середине нарисована большая звезда, и показывает этот лист бумаги и говорит царю:

— Вот, царь-батюшка, девятьсот девяносто девять миллионов и еще вот эта звезда.

А Петр Великий и говорит:

— А ты правильно сосчитал?

— А если не верите — пересчитайте сами.

Петр Великий улыбнулся и пересчитывать не стал (кто же согласится считать?).

— Ну, а сколько, — говорит, — я стою?

Тогда мельник этот и говорит:

— Ваше императорское величество, Иуда Искаротский царя небесного продал за тридцать серебряников, ну, а вы, как царь земной, на один подешевле: двадцать девять серебряников.

Петр Великий засмеялся и сказал:

— А о чем я думаю?

Мельник и говорит:

— Вы, наверное, царь-батюшка, думаете, что перед вами стоит игумен?

Петр:

— А то кто же?

Мельник говорит:

— Нет, игумен вместо меня муку мелет, а я вместо него решил задачи.

Петр Великий засмеялся и сказал:

— Ну, молодец, коли ты мог сделать так, будь же с этих пор ты игуменом, а тот в наказание мельником.

ОХОТНИЧЬЕ-РЫБАЧЬЯ ШУТКА

Дело было летом—канун крещения. Собрались мы с товарищем в лес на охоту. Погода была довольно красивая, солнышко пекло. Поехали своим берегом в Карсолму (местечко у нас такое). Доехали до Сай-Наволока.

Вдруг поднялся встречный ветер. Я, тогда, недолго думая, поставил паруса и на боковой поветери скоро проехал на Почтовую (дорога Вытегорского тракта). По Почтовой потащило—только столбы мелькали. Оттуда свернули в Карсолму. Приехали. Попили чайку, да поставили сети да продольник. Затем пошли в лес, посвистать рябчика.

Немножко пройдя, слышу—откликнулся. Я еще разик свистнул. Вижу,—перелетел и сел почти над самой головой. Я моментом выстрелил и пала к моим ногам килограмма на три щука. Пройдя еще немного вперед, я опять начал свистеть, на этот раз без отдачи голоса, слышу, сразу перелетел и сел шагов на сорок от меня—на хороший выстрел. Я ружье приправил и выстрелил. Вижу—свалилось с дерева. Подхожу, смотрю, лежит, трепеща, судак, тоже не меньше трех килограммов.

Вернулся к избушке. Незадолго товарищ пришел, он тоже ходил свистеть. У того было убито штук пять окуней и две плотвы.

Сварили ужин, легли спать.

Раненько утром поехали удить. Закинули удочки и минут через пяток удочки потопило. Вытащил леску из воды. Гляжу—червь объединный. Я моментом наладил нового и быстро закинул в воду. Как только стало поплавок топить, я сразу удочку дернул и чувствую, что-то порядочно тянется. Когда вытащил, то удивился, что на крючке сидит заяц-русак. Снявши его, я снова закинул удочку и сразу почти опять клюнула. На этот раз потащил куропатку. Ну, а товарищ наудил двух тетеревей. После чего мы поехали посмотреть сети. В первой сетке не было полавши ничего, а во второй—чувствую, что-то тянется. Подтащил к самой лодке, осторожно снял большой арбуз. И еще в двух сетках было полавши две тыквины и дыня.

После этого поехали похажать¹ продольник. Крючков за 15 от кубоса² слышу—задергало здорово, как ближе подтащил, вижу—нужно поддеть сачком, а то лопнет крючок. Я, значит, в лодку почерпнул—большой рыбник.³ Затем крючков за двадцать, слышу опять что-то тянется. Тоже пришлось поддеть сачком. Тут был полавши порядочный горшок ухи.

Ну, и после этого вернулись в избушку. Подкусили основательно. Легли малость поспать.

¹ Смотреть.

² Кол или маховка, к которому привязывается сеть или продольник.

³ Печеный пирог.

Когда встали, пошли в вечернюю зорьку еще по-свистеть рябчиков. На этот раз охота была неважная: достал, правда, на хорошую селянку белых грибов, грибов-маховиков, подосиновиков и прочих. Летели хорошо, но только мелкие.

А затем, немного спустя, слышал треск в лесу, промелькнул меж деревьями большой медведь. Я от страсти забрался в большое дупло и там заснул.

Когда проснулся, темень был страшный, не мог определить, где же я нахожусь. Руками как размахнул, чувствую кругом себя дерево. Тогда я вспомнил, что был зашедши в дупло, которое зарослось. Подумал:

— Как же теперь выйти?

Решил сбегать к избушке, взять топор и вырубить.

Что было и сделано.

Поужинали, легли спать, а рано утром обрали ловушки и поехали домой.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СОЛДАТ

Такого рода дело было у Петра Великого. Однажды Петр Великий вечером пришел в штатской одежде в трактир (тогда пивных не было, все трактиры были). Кроме одного солдата в трактире никого не было, и тот сидел у столика, понуриив голову.

Петр Великий сел рядом с им и спросил у солдата:

— О чем задумался, служивый?

— А, барин, задумаешься, что вчера был пьяный, а сегодня похмельиться не на что.

— На, деньги, возьми полштофа.

Солдат моментом принес полштофа (обрадовался он, что похмелье есть) и с барином выпили (потому что он его как за барина считал). Поразговаривал минут пять с солдатом, Петр Великий сказал:

— Ну, ладно, я пойду.

А солдат и говорит:

— Спасибо, барин, а когда я с тобой рассчитаюсь?

— Ладно, когда-нибудь.

А солдат говорит:

— Ладно-то мало радости, а по-нашему, по-русскому, надо бы сейчас.

— Да как же сейчас, коли у тебя денег нет!

Солдат говорит:

— Пойду к куме, заложу тесак.

А Петр Великий и спрашивает:

— А если будет внезапный осмотр, как же ты выйдешь без тесака?

А солдат и говорит:

— Знаем как ихнего брата объегорить (значит, про начальство).

Петр Великий заинтересовался этим ответом, что как же он объегорит, и сказал:

— Ну, ладно, иди, да только быстрей.

Минут, значит, через двадцать, вернулся солдат, купил штоф вина и сел рядом с Петром Великим.

Когда окончили выпивку, у солдата здорово загудело в голове. Петр Великий говорит:

— Теперь можем расходиться.

Солдат отблагодарил его и сказал:

— Ну, барин, может когда и увидимся.

А Петр и говорит:

— Наверно скоро увидимся.

На следующий день рано утром в казарме поднялась суматоха, стали говорить, что надо итти на парад: царь будет войска проверять или осматривать. Значит, этот солдат забегал.

— Что же ему делать, как без тесака выйти?

И недолго думал, взял растопину, обтесал, ручку пристроил, главное дело, и вложил в ножну.

Проходит Петр Великий по рядам, ища виновника. А рядом с Петром Великим начальство: генералы, офицеры, в общем начальство, и поравнявшись с этим солдатом, дает команду:

— Два шага нзаад. Руби ему голову!

И показывает на офицера. Офицер весь задрожал от испуга и подумал:

— За что мне будут голову рубить, если я ни в чем не виновен?

Солдат сделал два шага назад. Поставил глаза свои в небо и сказал:

— Господи! Если неповинен сей человек, превторись мой тесак в лучинину.

И моментом выхватил лучинину.

Все присутствующие были изумлены таким случаем, в особенности тот офицер, которому нужно было голову срубить. Все подумали, что здесь какое-то чудо сотворилось.

Петр Великий, не сказав ни слова (он смекнул, в чем дело, а другие этого не знали), пошел дальше по рядам. После осмотра велел позвать этого солдата к себе:

Когда солдат пришел, Петр Великий спросил его:

— Ты вчера в трактире был?

Тот говорит:

— Да, был.

Петр Великий говорит:

— Вино пил?

Тот говорит:

— Пил.

Скем пил?

— С каким-то барином.

— А ты знаешь, что это был я?

Солдат весь задрожал от испуга (он думал, что теперь ему беда).

А Петр Великий и говорит ему:

— Ну, не бойся ничего, но молодец, что так мог устроить.

В. В. Чижиков.

И отпустивши, сказал ему:

— Смотри, никому не говори, что такое дело было.

Этого солдата офицер в честь благодарности сколько раз поил вином и отпустил на две недели в отпуск домой. Но, однажды солдат под пьяную лавочку просказался офицеру. Офицер плевался, ругался с досады:

— Знал бы, не стал бы на тебя денег тратить и в отпуск не отпустил.

Но уж поздно было.

О ДЬЯКОНЕ, КОТОРЫЙ НЮХАЛ ТАБАК

Один священник в церкви нюхал табак (раньше нюхать была мода). Дьяк тоже нюхал. Дьякон забыл табакерку дома. Ему захотелось понюхать. Он попросил у священника табакерочки понюхать. Священник дал, а дьякону нужно было выходить на октению. Он пихнул табакерку за икону и ушел на церковь. Священнику тоже захотелось понюхать, а табакерки не было, надо было достать. Он и спрашивает оттуда возгласом:

— Дьяша, дьяша, где моя нюхаша?

Дьякон отвечает сразу:

— За иконой, за Николой. Господу помолимся.

Поп узнает, где взять табакерку, берет и нюхает.

ПОПЫ

Один дьякон выпивал в церкви. В церковь принес бутылку вина. Выпил, но не всю. Надо было кадить. Бутылку недопитую сунул в рукав, пошел кадить. Кадил, кадил, бутылка вылезла и упала из рукава. Дьякон, чтоб не растеряться, остановился перед иконой и сказал:

— Отцы святые, шутки плохие. Хорошо, что не в голову.

Этим он оправдался. (Как будто святые бросили).

КУЗНЕЦ И ПЕТР I

Петр I однажды заехал в кузницу на своей лошади к кузнецу подковать лошадь. Кузнец сковал подкову. Петр I взял подкову и сломал ее пополам в руках. И говорит:

— Что ж ты куешь, когда они ломаются?

Кузнец сковал вторую подкову. И Петр I ее переломить не мог.

Подковав лошадь, Петр I дает кузнецу серебряный рубль. Кузнец взял в руки и сломал его пополам. И говорит:

— А что же ты мне за рубль даешь?

Ну, тогда Петр I поблагодарил кузнеца и дал ему за это двадцать пять рублей. Вышло то, что сила на силу попала...

Петр I вторую подкову не переломал, а кузнец рублей без счета наломал бы.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ РАБОЧИХ

Изучение языка рабочих имеет большое теоретическое и практическое значение.

Лингвистами неоднократно отмечалось, что это изучение откроет широкие перспективы перед наукой о языке, позволит более четко представить те пути, какими из множества языков классовых обществ вырабатывается один общий язык бесклассового, коммунистического общества.

Практическое значение изучения языка рабочих прежде всего в том, что оно способствует укреплению и обогащению литературного языка.

Изучение языка рабочих — большая и сложная работа. При проведении ее в жизнь необходимо соблюдать следующие требования: первое — изучать язык рабочих не изолированно, не статически, а в историческом его развитии, в обусловленности каждого явления в нем, второе — в дело изучения должна быть вовлечена широкая рабочая общественность, широкие круги рабочих, именно те, кто является носителем изучаемого языка, творцом его. Опыт практической работы показывает, что рабочих весьма интересуют вопросы языковой деятельности, и нередко рядовые рабочие обнаруживают большую

осведомленность в тонкостях языка и стиля и хорошее языковое чутье.

Если проследить за нашим языком на территории всего Союза, то станет ясно, что он не везде одинаков. В разных местностях можно наблюдать различные говоры, часто значительно отличающиеся друг от друга.

Наряду с этими говорами, территориально ограниченными, существует так называемый литературный язык. Это язык, на котором пишутся книги, ведется преподавание в школах, который обязателен в учреждениях, — он является общегосударственным языком. Между многочисленными говорами и литературным языком существует постоянная тесная связь. Литературный язык заимствует из говоров все то, что является наиболее ценным в смысле лучшей передачи мысли. Говоры же, в свою очередь, перенимают многие формы литературного языка и этим самым сглаживают некоторые свои специфические формы, резко отклоняющиеся от форм литературного языка и от форм других говоров.

Но говорами и литературным языком не исчерпываются все особенности языка нашей страны. Говоры представляют собой в основном язык деревни; литературный язык — это языковая норма, которая объединяет всю совокупность говоров. Кроме говоров и литературного языка есть еще язык городских поселений и главным образом основного их населения — рабочих. К говорам, какие мы видим в деревне, отнести его мы не можем, хотя в нем зачастую и сохраняются некоторые особенности говоров (по происхождению рабочих). Чистым литературным языком тоже не можем счи-

тать, так как в нем, наряду с чертами сближения с литературным языком, многое не совпадает с ним. И самое главное, что отличает язык рабочего от говоров и от литературного языка, это то, что он является языком класса, игравшего ведущую роль в борьбе с буржуазией до Великой Октябрьской Социалистической революции и сохранившего эту ведущую роль уже в условиях построения социализма в нашей стране, когда литературный язык стал быстро перестраиваться.

Этим самым язык рабочих определяется как особая языковая норма, имеющая большое значение для общего развития языка.

Прежде чем говорить о развитии языка, надо дать определение его. Язык есть важнейшее средство человеческого общения и мощное орудие классовой борьбы. Такое определение языка мы находим у основоположников марксизма-ленинизма, оно является исходным моментом в работах крупнейшего лингвиста Н. Я. Марра и его учеников. Это определение одинаково характеризует язык любой стадии развития классового общества.

Каждая стадия развития человечества имела свои особенности в языке. Так, когда человечество жило небольшими замкнутыми группами, язык был раздроблен. Каждая группа имела свои особенности в языке, и часто особенности языка одной группы не были понятны другой. Это характерно для эпохи феодализма с ее экономической разобщенностью. Отдельные феодальные владения производили все необходимое для удовлетворения своих потребностей сами и поэтому не нуждались в общении с соседями. Границы между владениями были замкнуты. Отсюда — языковая разобщенность.

Небольшая территория, узкий круг говорящих на данном языке, примитивная хозяйственная деятельность тормозили обогащение языка.

Но языковая раздробленность феодальной эпохи является в свою очередь наследием более ранних эпох, как это указал Энгельс в своей статье „Франкский диалект“. (Изд. Партиздата ЦК ВКП(б), 1935 г.).

Следы языковой раздробленности, как пережитки эпохи феодализма, можно наблюдать и в современной деревне в виде тех остатков говоров, какие здесь наблюдаются. Такому долговому сохранению говоров способствовало то, что вплоть до Великой Октябрьской Социалистической революции в нашей деревне крепко держались пережитки феодализма: остатки натурального хозяйства, замкнутость отдельных сел, зачастую с наличием вражды между соседними селениями и почти сплошная неграмотность сельского населения.

В капиталистическую эпоху, со свойственным этой эпохе товарным производством и широким рынком сбыта, нарушаются феодальные границы. Наряду с завоеванием внутреннего рынка происходит государственное объединение территорий с населением, говорящим на родном языке; язык развивается и укрепляется в литературе. Но все же это сплочение говорящих на одном языке не приводит к полному сглаживанию всех особенностей диалектов. Массы крестьянства, почти сплошь неграмотные, подвергаются слабому влиянию литературного языка, как языка общегосударственного. Буржуазия не создала условий для такого сглаживания особенностей говоров. Крестьяне упорно сопротивлялись влиянию буржуазии, крепко дер-

жась старых обычаев, старых укладов хозяйственной жизни и своего говора. Лишь часть крестьян, уходивших на отхожие промыслы, усваивала особенности языка города и этим самым становилась проводником влияния языка рабочих на язык деревни.

Пролетариат, появившись одновременно с буржуазией, как класс-антагонист, вырабатывает в борьбе с буржуазией свою идеологию и создает свой язык, как орудие классовой борьбы. Отличие языка пролетариата от языка буржуазии не столько в произношении и в грамматике, чем определяется язык как средство общения, сколько в том, что определяет язык как выражение идеологии, как орудие классовой борьбы. Пролетариат на основе своего классового сознания иначе использует языковой материал общенационального языка, переосмысливает отдельные языковые факты и проявляет свое творческое начало в развитии языка.

То, что язык рабочего отличается от языка буржуазии, было отмечено еще Энгельсом в его работе „Положение рабочего класса в Англии“ (соч. т. III, стр. 415). Энгельс пишет: „Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, чем буржуазия“.

Отношения же между языком рабочих и крестьянскими говорами другие.

Поскольку основная масса рабочих составлялась из крестьян, естественно, что крестьянские говоры всегда входили в язык рабочих. Но здесь они подвергались определенным изменениям: некоторые черты говора сглаживались, другие сохранялись, и на сохранившееся наслаивались новые особенности, обусловленные всей совокупностью производ-

ственной и общественной жизни рабочих. Таким путем создавался язык рабочих, как вполне закономерная языковая норма, имеющая в своей основе общенациональный язык и отражающая идеологию класса-борца за коммунистическое общество.

Победа пролетариата в 1917 году, решительный разгром буржуазии в Октябре обусловили идеологическую перестройку существующих языковых средств национального языка. С первых же дней революции мы наблюдаем, как в языковой обиход хлынула большая волна новых слов, насыщенных глубоким эмоциональным содержанием. Многие старые слова совершенно отмирают или употребляются в другом значении, идет интенсивное словотворчество.

Факт этот отмечался исследователями языка. Но большинство исследователей подходило к нему, как хранители старых норм и поэтому они ничего, кроме констатации факта изменений и зачастую неверных его трактовок не могли дать. Они не видели большого процесса обновления литературного языка, необычайного расширения базы его; не могли понять, что пролетариат не отвергает того совершенства, которого достиг литературный язык в капиталистическую эпоху, что он отвергает лишь то, что должно умереть с буржуазией, но обогащает язык в соответствии с практикой своей производственной и общественной жизни.

В последние годы ряд ученых поставил вопрос о языке рабочих. Этим занимались Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин и В. М. Жирмунский. Нельзя считать работы этих исследователей безукоризненными. По отдельным вопросам нет достаточной четкости, даются слишком общие положения. Изуче-

ние языка рабочих нуждается в конкретных наблюдениях над самим материалом, чего нет у указанных исследователей.

Не имея перед собой опыта проведения обследования языка рабочих, я был вынужден пойти в своей работе по линии широкого охвата и более всестороннего обследования, примиряясь с тем, что отдельные вопросы не получают достаточно полного освещения, но будет определено, на что обратить внимание при дальнейшем обследовании и как проводить обследование.

Это обстоятельство должно объяснить то, что в данной работе не по всем вопросам языка имеется материал в достаточном количестве, и поэтому пришлось воздержаться от некоторых выводов.

Обследование проводилось в январе-феврале 1937 г. среди старых рабочих Онегзавода разных профессий, уроженцев гор. Петрозаводска или вообще местного края (Олонецкая группа сев. русск. говоров). Всего обследованием было охвачено около 20 человек.

Изложение материала начну с фонетики.

Фонетика

Большинству рабочих Онегзавода свойственно оканье. Характер оканья умеренный. Наиболее последовательно *О* сохраняется в первом ударном слоге перед ударяемым *О*, а также и в приставках (в 1-м и 2-м и т. д. предударном слоге с любым ударным звуком). В остальных неударных положениях *О* подвергается в большей или меньшей степени редуции, или произносится как *А*, или как *О* открытое (близкое к *А*).

Примеры:

1. Первый предупредительный перед ударяемым О: домой, потом, коронка, готово, подходят, горшок, дошел, хороший, окончил, дорога, довез и т. д.

2. В приставках: поддувалья, обмотал, повернул, оседлал, обвинчался, долагают, посадил, (не) допоказали, согласилса¹ обридился¹, пополнение, попался.

3. А в прочих положениях: салдатский, в шастом году; гълова, зълотой, пѣдожди, хърошо (но хороший). В этих словах О перед ударением произносится средне между А и О, приближаясь иногда к А, иногда к О.

Но наряду с оканьем у одних и тех же рабочих наблюдаются элементы аканья. Так, например, все обследуемые рабочие (а среди них некоторые довольно последовательно соблюдают в своем говоре сев.-русск. особенности) произносят: работа, работать, горячий; или: апекун, аддай (отдай). Но особенно черты аканья выступают в положении после мягких согласных и между мягкими согласными (яканье). При этом замечается такая последовательность: перед твердым согласным вместо е произносится а (я), перед мягким согласным—и.

Приведу примеры:

1. Перед твердыми (мятал, бярут, витярок, всяво, в мисяцу, Питярубурх, повярунул, осядлал, нъялятает, слязаит и т. д.

2. Перед мягким неслоговым: витярок, уминьшение, типерь, миня, обвинчался, отлитела, висти, видит, тибе, в тилегу, приижжает, бирет, встричать,

¹ Записано от разных рабочих.

постепенно, обридила в (дивитьсот) сидьмом году и т. д.

Вторая интересная черта в языке рабочих Онегзавода это—произношение г фрикативного (γ), которое произносится длительно. Оно не свойственно сев.-русским говорам и произносится лишь в некоторых словах (γосподь, блаγο). Как исключение является в Олонецких говорах. Среди рабочих Онегзавода такое произношение широко распространено. Привожу примеры: γазета, γолова, тиγиля, у γорна, γриγорьев, γолубика, γоворят, на γоре, γермания, моγила и т. п.

Соответственно в окончании имеем вместо к—х: друх, долх, сапох.

Но произношение это не всеобщее. Часто слышится и г взрывное или г со слабой фрикацией. Например: лягут, группами, многие, грит (говорит) и т. п.

Явление это было уже наблюдено раньше (см. Изв. Отд. русск. яз. и сл. А. Н. за 1919 г. т. XXIV, кн. 1, 3. Плотникова—„К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. м. и ср. рода местоимений и сложных прилагательных), но не получило еще своего объяснения. Мои наблюдения полностью совпадают с выводами данной статьи. А именно: γ произносится чаще всего в абсолютном начале (γазета) и между гласными (моγила). И такое произношение я наблюдал как среди старых рабочих Онегзавода, так и среди недавних выходцев из деревни.

Произношение е (из ъ), это е под ударением перед мягким согласным произносится как и. В остальных случаях как е.

1. С сиверного краю, сьись (съесть), свичи, слипят и т. д.

2. Ехать, мне, место, беседа, две, дед, лето и т. д.

Из других особенностей сев.-русск. говора, сохранившихся в языке рабочих Онегзавода, отмечу следующее:

1. Твердое окончание таких слов, как: кроф, голуп, сем (часто), (вм. кровь, голубь, семь).

2. Полногласные формы: столоб, верех, а также оболочно (редко).

3. Мягкое произношение р в словах: зерькало, перьвый (часто).

Во многом произношение рабочих сблизилось с литературным произношением. Многие диалектические особенности утратились. Так:

1. Совершенно отсутствует смешение ц и ч.

2. Ц произносится как шш мягкое, а не как шш твердое или шч (щука, щи).

3. В словах: дождя, вожжи произносятся ж долгое мягкое (дождя, вожжи).

4. Отсутствует мягкое произношение т в конце глаголов 3 л. ед. ч. наст. вр., свойственное олонецким говорам (идут, читают).

5. Сочетание чт, чн в таких словах, как-что, конечно, нарочно, молочный, пшеничный довольно часто сохраняется, хотя более обычно произношение с ш вместо ч (конечно, што). Некоторые слова, как молочный, я слышал только в форме молошний, а слово пшеничный чаще в форме пшеничный, без перехода ч в ш.

Морфология и синтаксис

Если в фонетике отдельные черты северно-русского говора устойчиво держатся в языке рабочего,

В. П. Черноголов.

все же можно наблюдать довольно частые явления нарушения этих черт. У одного и того же рабочего при довольно выдержанном оканье наблюдается и аканье. Это прежде всего в словах, заимствованных из литературного языка, а под влиянием их и в других случаях.

Что касается морфологии, то здесь сохранившиеся формы более устойчивы и последовательны. Рабочий считает их правильными, а иные определяет как „коверканье языка“. Формы эти настолько активны, что усваиваются и рабочими, пришедшими из другой языковой среды, в т. ч. и обладавшими литературным произношением. Я наблюдал говор одного рабочего, родившегося и проведшего детство в Ленинграде в семье с хорошим литературным произношением. Мать этого рабочего не усвоила особенностей местного говора, а сын подвергся большому влиянию и главным образом в области морфологии. Он говорит: Красна Армия, темна ночь, от маме, с той стороне и др. и утверждает, что это произношение правильное. Наблюдается это и у заводской интеллигенции (инженеры, начальники цехов).

Отмечу наиболее устойчивые черты сев.-русск. говора в языке рабочего.

1. Дательный пад. ед. ч. жен. рода на—а обслуживается формой род. пад.: к горы, к зимы, к пещеры, говорит жены, к избушки, по нашей силы. И наоборот, родительный пад. обслуживается формой дат.—с той стороне, от маме.

2. Форма тв. мн. на—м или—мы вместо—ми: пойти за грибам, брать рукам или: идут с ковшамы, пошел за грибами, куда тебе с деньгам.

3. Краткое окончание прилагательных: Красна

Армия, темна ночь, твердо дерево, сине небо, стары (вместо красная, старые), каждую калошу.

У многих рабочих средний род имеет формы женского рода: синяя моря, широкая поля.

5. Особенности в местоимениях: говорят: у ей, над йим, за ее (нее) на тое (на то), ейные, ю (ее): рано ли ю повезут, ю утром застаните.

Оне вм, они—очень часто.

6. Оконч. инфинитива на—ти,—чи вместо литературного-ть,-чь довольно часты; спати, быти, жити, пекчи, берекчи.

7. Интересны и нередки случаи употребления сложного времени: есть у меня накоплено; вот надуть бывает назвать; он был ушедши, мы были собравшись на улице; все были явившись

8. Форма прошедш. времени: ушедши; умерши; отеу оставши трех лет; наевши пирогов.

9. У одного рабочего наблюдалось употребление постпозитивного члена: доска-та худая, стол-от хорош. Рабочий этот высококвалифицированный, ведет большую общественную работу (парторг цеха, бывал в Ленинграде, служил в армии, в деревне жил в детстве) и все же довольно последовательно сохранил черты сев.-русск. говора по своему происхождению.

10. Особенности в употреблении падежей. Род. ед. на-у: будет ли ремонт дому. Вин. ед.: вызывает матерь. Им. мн.: крестьяны, мещаны, поддувалья. Вин. мн. ч. между склады: он нас загонит между склады и начинает нас учить.

11. Употребление предлогов.

—С-из: с магазина, со своей головы, с Ленинграда, с выступлений товарищей видно было. „С“ с род. п. в значении творительного: сплят с рук

такую штуку... Перед-за: сразу подходят один перед одним. При-на: с этих пор нахожусь при заводе. Замест(о)-вместо: а замест его администрация не поставила другого человека. За-по:... который за разными предложениями отлынивается от собраний.

Укажу то, что является усвоением литературного произношения: 1. Так, вместо ожидаемого: доброй, белой, синей, говорят—добрый, белый. 2. Моево, твоево, своево, а не мово („так крестьяне говорят“,—замечает обследуемый). 3. Окончание 3 л. ед. и мн. ч. наст. врем. согласно с литературным произношением: идет, знают, пишут и т. п., а не иде, как это свойственно сев. русск. говорам или: знают, пишут—олонецкие говоры.

Обращают на себя внимание интересные формы слов, широко распространенные в Петрозаводске:

1. Существительные с суффиксом—ушк—без всякого оттенка уменьшительности или ласкательности: водушка, летушка, работушка, женушка, свобо-душка: рядом с горном стоит корыто с водушкой; чтобы ровно закалить изделие, опускаешь его постепенно в водушку и т. д.

2. Полагать—класть, назначать: полагай сахар в чай; клали меня работать на шишки (литейный цех), положили меня работать на станок.

3. Жгать—жечь: жгало руку, сожгал штуку, жганая корка и т. п.

4. Выстать—встать: рано он выстал и пошел в лес.

5. Походить—итти, пойти: в буфет походил; куда походишь. Он походит за водой.

Пожигать—обжигать: рабочие ходят без валенок, пожигают ноги.

6. Спустить—впустить, отпустить, пустить: мама, спусти меня на улицу; туда не спустят без пропуска; рабочие приходят на завод раньше определенного времени, т. е. до спуска на завод.

Особенности ударения

Пошел домой; мотор; другой раз; плохой свет; была, сковороду; грубая; мне то пальто не упадет; ловкой; множ. ч. зеркала, насоса, клапана; лесозаготовки; средства и т. п.

Отдельно изложу особенности языка рабочих, наблюдаемые в письменной речи. Многое здесь является общим с устной речью, но есть особенности, свойственные только письменной речи (главным образом синтаксис). И из-за этих-то особенностей считаю целесообразным изложить отдельно все, что взято из рукописей рабочих. (Статьи, автобиографии, заметки).

Лексика и производственная терминология

Беспробульно работает,—без прогулов.

Предмюдовское обязательство.

Формуются части в литейном цехе. Комсомольцы Г. и М. формуют самую ответственную деталь. На 11 апреля *заформовано* три комплекта цилиндров.

Средактировать — исправить и напечатать: т. редактор, прошу *средактировать* статью о работе яслей Онегзавода.

Сработать—сделать: а рабочий, что работал и что сработал... ничего неизвестно.

Сремонтировать—отремонтировать: сремонтируют (мотор) пустят в действие, он и работать не может (сремонтировать м. б. в зависимости от „смонтировать“.)

Справить—исправить: справиться ошибки в расчете.

По бюллетеню гуляю третий день.

Имею *несколькогодичный* стаж.

Это приспособление с рычагом для *гибки* и деталей.

Все были явившись, за исключением О, который за разными предложениями *отлынился*... и после этого *отлынивается* под предлогом нездоровья.

У нас на заводе есть в столовой *диетный* стол. В ней *кушают* 12 человек *диетников*.

Чертежи были *спущены* в цех.

Пойти на бюллетень. Ведь они могут порезать руку *выйти на бюллетень*.

За первый год я научился *брать все мощности станка*, какие в нём только есть.

Несмотря на большое количество (*порядка 30-ти*) кнопок, рычагов, вся система управления очень проста.

Морфология и синтаксис

Падежи и предлоги.

Первый день стахановской декады по цеху, *начальником* которого П., проходит работа напряженно.

Некрасов был *противник* крепостного права (эти два примера показывают способ выражения составного сказуемого).

За-по: за разными предложениями отлынивался...

Виноваты этому делу (простою) отдел снабжения и магазин.

Хотя сталевар Б. и молодой, но он *прилежный к работе*, быстро плавит и печь бережет лучше старых.

Очень на низком уровне — на очень низком уровне.

Деепричастный оборот (довольно распространён). Я будучи на заводе, меня выдвинули на ответственную работу.

Читая произведения великого русского поэта А. С. Пушкина, мне больше всех понравился его роман „Е. О.“.

Участь в фазбавуче, мне неоднократно пришлось сталкиваться с...

Рабочий *пивши* этой воды, может легко заболеть и выйти на бюллетень.

Как пример того, что рабочий избегает сложных предложений, можно указать на редкое пользование подчинительными союзами. Часто сложное предложение, поскольку оно все-таки употребляется, соединяется через „то“, которое заменяет собой самые разнообразные союзы: „Под конец смены пройти по цеху, то можно наблюдать такую картину“.

„На котором станке работает, то он на другой день сломается“.

Остановлюсь на общем характере речи рабочего, причем приводимые ниже положения не могу считать бесспорными, так как недостаточен материал и кратковременно мое наблюдение. Кроме того, для более тщательного изучения речи рабочего нужно учитывать целевую установку речи, которая, конечно, определяет и характер (стиль)

К. Ф. Петров.

Один из старейших рабочих. Сейчас на пенсии.

высказывания. Мой материал, главным образом, газетный (заметки) и очерковый. В пределах моего материала, речь рабочего обращает на себя внимание своей конкретностью и лаконичностью. В первой же фразе дается коротко то, о чем автор будет говорить в статье или в заметке:

„Конкретными делами решила встретить МЮД комсомольская организация Онегзавода. Комсомольцы взяли на себя обязательство“...

„Придите и посмотрите бак, где находится вода для питья“.

„Под конец смены пройти по цеху, то можно наблюдать такую картину, что рабочие убирают стружку руками“.

„С каким наслаждением читаешь произведения Пушкина, сколько доброты было в этом идеальном человеке, как хотелось ему, чтобы всем жилось свободно и радостно“.

Дав в первой фразе основную мысль, рабочий в дальнейшем изложении часто пользуется приемами ораторской речи:

„Мне больше всех понравился его роман „Е. О.“. *Это тот роман, который был назван Белинским энциклопедией русской жизни. Это тот роман, который охватывает эпоху 20-х годов XIX ст. и т. д.*

...„*Больше того, стахановские методы работы по автотранспортному отделу завода применены крайне слабо; больше того, они не использованы на транспорте*“.

„*Неужели в цехе нельзя найти хороших стахановцев.— Они есть*“... .

Выразительность речи часто достигается чисто лексическими средствами. Берется наиболее выра-

зительное для данного положения или явления слово или наиболее выразительная форма слова:

„Все это *безобразие* в организации физкультурного движения происходит на глазах завкома“.

„Комсомольцы обязались в *кратчайший* срок освоить их детали“.

„Но Г. *упорно* достигает цели. Четыре дня... шла *упорная* работа по освоению“.

Отмечу еще обще-стилистические наблюдения. Целый ряд заметок и статей отличается своей непосредственностью, живым и ярким изложением. Но наряду с этим встречается иногда совершенно невыразительные словесные штампы. Приведу образцы того и другого.

1. С каким наслаждением читаешь произведения Пушкина. Сколько доброты было в этом идеальном человеке к бедным и угнетенным. Как хотелось ему, чтобы всем жилось свободно и радостно. Вот, например, меня затронуло очень его стихотворение—письмо в Сибирь декабристам, сосланным на каторгу (приводится текст). Разве можно спокойно читать такие стихи. Мне грустно за Пушкина, почему *это* (революция, Г. Н.) не случилось при жизни его. Сколько бы радости было ему, если бы он видел, что его желанная мечта сбылась. Но, умирая, он верил в будущее и надеялся, что рано или поздно настанет свобода“. (Работница электростанции).

2. (Образец штампа)... Мне из книги сочинений А. Пушкина понравился стих „Я вас любил“, потому, что Пушкин являлся одним из лучших поэтов. Он вел правильную политику против капитализма, он любил правильно жить, чтобы друг друга не эксплуатировать.

Следующий раздел моей работы—обогащение словаря рабочего, усвоение иностранных слов и их осмысление. По этому разделу, помимо непосредственных наблюдений над языком рабочего, была составлена специальная анкета, включившая в себя 20 слов для определения, насколько понятны эти слова рабочим.

Наши общие наблюдения над языком рабочих дали богатый материал по словарю, особенно по производственной лексике. Но его излагать здесь я не буду. Этот материал, скорее, тема специальной работы по словарю рабочих, работы продолжительной, большой.

Здесь же ограничусь приведением результатов обследования по указанной анкете. Слова были взяты следующие: конкретный, эффект, традиция, освоить, официально, инициатива, результат, проза, поэзия, культурный, реставрация, либерал, информация, агрессор, метод, констатировать, цитата, территория, теория, интервенция.

Положительные ответы составляют 75%, т. е. большинство слов опрашиваемые рабочие знают. Правда, иногда рабочий не дает, не может дать „перевода“ слова, но употребляет его в речи правильно.

Отдельные слова понимаются рабочими в несколько ограниченном значении. Объясняется это тем, что в обиходе рабочего данные слова встречались только в данных смыслах, и он так усвоил их. Приведу несколько примеров (стенографическая запись без отделки).

I. Конкретный, конкретно.

1. Действительный, действительно надо сделать, когда я тебе сказал.

2. Определенно.
3. Это значит сделано, больше делать нечего.
4. Человек сказал конкретно, нечего рассусоливаться.
5. Твердо, уверенно, определенно знаешь.

II. Эффект.

2. Оставить впечатление. Эффектная барышня.
4. Рисовал кто-либо чего-либо, вот получился эффект. (Это слово непопулярно среди рабочих).

VI. Инициатива.

1. Человек инициативный, настойчивый.
2. Почин сделать, подхватить мысль.
3. Изобрел что-нибудь, надумал; моя инициатива, не чья-нибудь другая.
4. Затея данного товарища, его труд.
5. Передовой зачаток какого-нибудь дела, проявление какого-нибудь дела.

V. Официально.

1. Уже сделал, выполнил.
2. Законно.
3. Конкретно, добавлений нет никаких.
4. Подтверждается, что так было, а то есть неофициально, может так, а может нет.
5. Подтверждено документами; уверенно.

X. Культурный.

1. Жить надо культурно, чисто, в порядке все держать.
2. Опрятный, нормальный; некультурный—грязный, растрепанный.

3. Культурный человек хорошо разбирается в жизни, ученый, хорошо обставлена квартира.

4. Человек образованный есть культурный.

5. Образование; жить в чистоте, опрятности, вежливое обращение.

XV. Метод.

1. По хорошему работать, выполнять обязуюсь, работать побыстрее.

2. Система работы, воспитания, учебы.

4. Метод работы.

5. Приспособление, сноровка для ускорения работы.

XIX. Теория.

2. Учеба на словах.

3. Прошел я теорию, как говорится, учение.

4. Теория того или другого ученого.

5. Проект, научное знание, но не практическое.

XX. Интервенция.

2. Вторжение на чужую территорию.

3. Из капиталистического класса она выходит. Было же у нас, когда нападали Корнилов, Колчак.

4. переброска войск из одного государства в другое.

5. У нас была во время нападения из заграницы.

На этом я заканчиваю обзор материала. Собранный материал далеко не исчерпан настоящей статьей. Остался неразработанным словарный материал, а также большой материал из записей сказок, песен и т. п. от рабочих. Этот материал требует специальной разработки.

Изучение языка рабочих может во многом оказать услуги диалектологии и общему теоретическому языкознанию. В языке рабочих особенно ясно видны процессы движения, роста языка. Взаимоотношения говоров и литературного языка в определенных социально-экономических условиях создали новый во многом продукт, оказывающий влияние и на говоры и на литературный язык. Говоры сглаживаются, как только они попадают в соприкосновение с языком рабочих. А литературный язык, поскольку он нуждается в какой-то основе, питающей его, не может остаться вне влияния языка рабочих.

Язык рабочего я рассматриваю не как какое-то арифметическое среднее между говорами и литературным языком, а как самостоятельную норму, имеющую, безусловно, много общего с диалектами и с литературным языком, но в то же время обладающую своими законами развития, своими особенностями.

Оправдания этого положения можно найти в любом вопросе языковой деятельности рабочего. Язык рабочего — богатейший источник создания новых слов для современного языка. Изучение семантики слов употребляемых рабочими, обещает значительно обогатить наши представления, наш словарь тем новым, что создалось в условиях производства и революционной борьбы, в условиях наиболее активной социально-экономической и политической жизни.

Г. Нефедов.

Песни

Старый Александровский завод.

Записал *А. Соймонов* от Морозова П. Д., 61 года.

О муже своем, который обжог ногу... (причитание).

Записал *Н. Новиков* от Уконнен А. С., 57 лет, жены рабочего завода.

Плач по мужу и сыну.

Записал *Н. Новиков* от Уконнен А. С.

Причитание по рабочему.

Записал *Н. Новиков* от Уконнен А. С.,

Песня про купцов.

Записал *А. Соймонов* от Копаева К. А., 44 лет, работавшего на заводе с 1906 г., в настоящее время пенсионера.

Скоро ли наступит первое число.

Записал *В. Чистов*.

Александровская дубинушка.

Записал *А. Соймонов* от Суханова Н. Г., 50 лет, рабочего завода с 1903 по 1930 гг., теперь пенсионера.

Про архиерея Анастасия.

Записал *А. Н. Нечаев* от Морозова П. Д., 61 года.

Житков, ты барин каков.

Записал *А. Соймонов* от Спиридонова К. В., 62 лет, рабочего с 1886 года, пенсионера с 1920 г.

Мастер Житков („Как явился наш Антон“)...

Записал *А. Соймонов* от Копаева К. А., 54 лет.

О мастере Житкове („Антон—эконом“)...

Записал *В. Чистов* от Власкова И. Е., 69 лет, рабочего Онежского завода с 1901 по 1918 гг., председателя пер-

- вого заводского комитета завода (1917), активного участника гражданской войны, члена ВКП(б) с 1917 г., находящегося сейчас на кооперативной работе.
- Песня рабочих. Записал *А. Соймонов* от *Власкова М. Г.*, 53 лет, члена ВКП(б).
- Плач по *В. И. Ленину*. Записали *А. Громов* и *В. Чистов* от *Уконнен А. С.*
- Частушки
Записал *В. Чистов* от тт. *Ежова, Ших* и других рабочих.
Рекрутская.
Записал *А. Соймонов* от *Суханова Н. Г.* (см. выше).
Меня в солдатики возьмут.
Записал *А. Соймонов* от *Вавилиной А. И.*
Запрягай-ка, татка, бурку и др. частушки.
Записал *А. Соймонов* от *Одинцова Н. И.*, 64 лет, рабочего завода с 1891 по 1934 гг., пенсионера с 1934 г.
Женят, женят нас молодчиков и др. частушки.
Записал *В. Чистов* от *Шалопановой А. С.*, 53 лет.
У приема у стола.
Милые родители...
Частушки, записал *А. Соймонов* от *Сухановой П. И.*, 50 лет, жены рабочего.
- Причеть по солдату.
Записал *А. Соймонов* от *Васильевой П. И.*, 84 лет и другой женщины, потерявшей детей в империалистическую войну. Фамилия ее осталась неизвестной.
- Вынул я жребий недалний.
Записал *Н. Новиков* от *Коносова Н. Н.*
- Рекрутчина.
Записал *В. Чистов*.
- Частушки о Красной Армии.
Записал *В. Чистов* от *Ших М. И.*, чл. ВЛКСМ, 26 лет.
- Партизанский отряд.
Записал *В. Чистов* от группы б. партизан.
- Варшавянка.
Архивный фонд *О. Г. Ж. У.*, 1905, св. 27 д. 3, л. л. 138—152.
- Часы бегут.
Опубликовано в первом сборнике карельских писателей „Начало“, 1934, стр. 45—47 „Что пели в ссылке“.
- Колыбельная.
Записал *В. Чистов* от *Туренкова В. С.*, слесаря на заводе с 1904 по 1936 гг., пенсионера.

Дуда.

Архивный фонд О. Г. Ж. У., 1905, св. 27, д. 3, л. л. 138—158.
Труд да горе...

Опубликовано в первом сборнике карельских писателей „Начало“. 1934 г., стр. 45—47. „Что пели в ссылке“. Созданная в конце прошлого века, песня эта была распространена во многих промышленных центрах и вошла в ряд песенников (см., например: „Песни труженников и тружениц“, изд. Максимова, Москва, 1910, стр. 14).

Отпустили крестьян на свободу.

Архивный фонд О. Г. Ж. У., 1906, дело № 31/9, лист. 108.

Камаринская.

Архивный фонд О. Г. Ж. У., св. 27, д. 3, л. л. 138—152.

Песня бедняка.

„Песня о бедноте“...

Записал Г. Нефедов от Куликова К. А., 65 лет.

Измученный, истерзанный.

Записал А. Соймонов от Копяева К. А., 44 лет.

Узник.

Записал А. Соймонов от Суханова Е. Г., 50 лет, рабочего завода с 1903 по 1930 гг., пенсионера.

Степан Разин.

Записал В. Чистов от Огаркова А. Н., 51 г., члена ВКП(б).

Чтоль по морю, морю синему.—Записал Н. Новиков от Суханова П. С. Варианты см. П. В. Киреевский. Новая серия, в. II, ч. II №№ 25, № 25118; Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, № 378.

Из-за лесу, лесу темного. Записал А. Соймонов от М. А. Бриткиной, 30 лет, грамотной, чл. ВКП(б). Вар. см. Рыбников, ч. I, стр. 463; Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I №№ 198, 199; т. III №№ 50—59; П. Б. Киреевский. Новая серия, в. II, ч. II, № 1614.

Во лужях, во лужях.—Записал А. Соймонов от А. И. Михеевой. Неграмотная. Вар. см. Соболевский А. И. Великорусские народные песни т. II № 299—306; Соколовы Б. и Ю. № 382.

И льнется, и льнется да уж как.—Записал А. Соймонов от М. А. Бриткиной.

Байки.—Записал А. Соймонов от М. А. Бриткиной. В сборниках песен байки встречаются довольно редко. См. „Библиотека поэта“, Малая серия, № 2, Крестьянская лирика, Л., 1935, стр. 122—127.

- Край дорожки — Записал *А. Соймонов* от *Е. И. Чехониной*, 67 лет, неграмотная, б/п. Варианты см. *Соболевский А. И. Великорусские народные песни*, т. I, №№ 378—379.
- Кофейшко грешного. — Записал *А. Соймонов* от *Морозовой*. Вар. см. *Соколовы Б. и Ю.* № 437.
- Снежки белые, пушистые. Записал *А. Соймонов* от *Песковой* (инвалидный дом, Клименицы). Вар. см. *Истомин Ф. М. Песни русского народа*. Спб. 1894, стр. 181.
- Маменька, голубушка. — Записал *А. Соймонов* от *А. В. Дорофеевой*, 84 л., неграмотная, б/п. См. *Песни русских поэтов*. Л., 1936 г. стр. 476.
- „Меня маменька будила“.
- Заблела головушка — Записал *А. Соймонов* от *А. В. Дорофеевой*. Вар. см. *Соболевский А. И. Великорусские народные песни*, т. V. № 53.
- Счастливый путь—дороженька. Записал *Н. Новиков* от *А. С. Уконнен*. Вар. см. *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни*, т. V. № 516.
- Не ходил бы, не гулял. Записал *А. Соймонов* от *Морозовой*. Вар. см. *Ф. М. Истомин, Песни русского народа*, СПб., 1894, стр. 181.
- Что ж ты, Ванюшка, не весел. Записал *Н. Новиков* от *Н. Г. Суханова*. Вар. см. *Соболевский, Великорусские народные песни*, т. V, № 20.
- Я вчор своего дружка унимала. Записал *А. Соймонов* от *Песковой*.
- Что ж ты, Машенька, радость, приуныла. Записал *А. Соймонов* от *М. А. Бриткиной*. Вар. см. *Истомин Ф. М. Песни Русского народа*, Спб., 1894, стр. 172.
- А повадился Иванушка. Записал *А. Соймонов* от *Е. И. Чехониной*.
- Запоемка „Молодку“ во всю глотку. Записал *А. Соймонов* от *Е. И. Чехониной*.
- Снегирюшечка. Записал *В. Чистов*. Вар. см. „Русская баллада“. Л., 1936, №№ 302—303, *Киреевский*. Новая серия, в. I, № 1169.
- Курочка. Записал *А. Соймонов*. Вар. см. *Соболевский А. И. Великорусские народные песни*, т. VII, № 484—484.
- Чечетка. Сообщил и записал *И. А. Вепрев* (материал *А. Нечаева*) 45 лет, рабочий. Производственный стаж 35 лет. Малограмотный, б/п.

У игумена престрашного. Записал А. Соймонов от В. В. Чижикова.

Что ж ты идешь. — Записал А. Соймонов от Морозовой. Частушки. — Записаны бригадой от разных лиц.

Песня про кузнеца. Записал Г. Нефедов от Копеева. См. песни русских поэтов, Л., 1935 (П. П. Ершов, 1815—1869 гг. „Фома-кузнец“; Ончуков, Народная драма, „Царь Максимилиан“).

Сказки

Филипп Павлович Господарев (биография) — Н. Новиков.

Солдатские сыны. — Записал Н. Новиков от Господарева. Эта сказка о двух братьях-близнецах. Наиболее близкие варианты находятся в сборнике сказок Афанасьева (№ 92), у Ончукова (№ 4), Карнауховой („Сказки Белозерского края“, № 138); в Каталоге международных сказочных сюжетов Н. Андреева (в дальнейшем помечается Андр.) этот сюжет отмечен под № 303.

Незнайка. — Записал Н. Новиков от Господарева. В отличие от многих аналогичных сказок (Андр. 532) к сказке Господарева присоединен сюжет „Сивка-бурка“ (Андр. 530 А, 530 В.). Сказка „Незнайка“ довольно распространена в народе. Встречается во многих сборниках (см. например сборник Карнауховой. „Сказки Северного края“ № 47).

Иван — кузнецкий сын. — Записал Н. Новиков от Господарева. Сказка представляет из себя сочетание сюжетов: „Бычок-спаситель“ (Андр. 314), „Звериное молоко“ (Андр. 315 А) и „Победитель змея“ (Андр. 300 А). Наиболее близким вариантом (с сочетанием трех вышеприведенных сюжетов) является сказка, записанная В. Ф. Булгаковым в с. Бердском б. Барнаульского у. (см. „Записки Красноярского подотдела Восточно-сибирского отдела Р. Г. О. по этнографии“, т. I. вып. II, Томск, 1906 г., Сказка „Об идолище и о Иване, царском сыне“).

Сова и сыч. — Записал Н. Новиков от Господарева (Андр. 230 — „Воспитание большоголовой и большеглазой птицы“).

Волк, лиса и журавль. — Записал Н. Новиков от Господарева (Андр. 33. „Лиса в яме“).

- Николай Иванович Одинцов (автобиография). — Записал А. Соймонов.
- Солдат на том свете. — Записал А. Соймонов от Н. И. Одинцова. Сказка в указателе Андреева значится „Соломон в аду“. (Андр. 804). Из всей сказки концовка особенно примечательна и единственна в ряде сказок на данный сюжет.
- Старик да старуха. — Записал В. Чистов. (Андр. 1164 „Злая жена в яме“). Близкий вариант сказки см. сборник Афанасьева, № 236 А.
- Ловкий солдат. — Записал В. Чистов. Сказка — сочетание сюжетов: солдат варит кашу из топора и т. п. — Андр. 1548 и солдат (мужик) выпрашивает у барина свинью в гости. Андр. 1541.
- Беззаботный монастырь. — Записал Н. Новиков от В. В. Чижилова. В некоторых сборниках сказка озаглавлена „Беспечный монастырь“. (Андр. 922). Близкий вариант сказки „Беспечальный монастырь“, записана в б. Тобольской губ. (сборник Великорусских сказок, изд. А. Н. Смирнов).
- Охотничья-рыбачья шутка. — Записал Н. Новиков от Чижилова. Сказка построена по принципу сказки-шутки „Человек в дупле“ (Андр. 1877 В.).
- Петр Великий и солдат. — Записал Н. Новиков от В. В. Чижилова. „Петр Великий и солдат“ — полусказка, полуанекдот. Можно предположить, что произведение зародилось в солдатской среде, ибо действующим героем в ней является солдат. Из имеющейся литературы о Петре I укажем: Е. Барсов „Петр Великий в народном предании Северного края“, М. 1872 г.; Штелин „Полное собрание анекдотов о Петре Великом“, 2 ч. М., 1801 г.
- О дьяконе, который нюхал табак. — Записал Н. Новиков от Н. Г. Суханова.
- Попы. — Записал Н. Новиков от Н. Г. Суханова.
- Кузнец и Петр I. — Записал А. Соймонов от В. П. Черноголова, рожд. 1899 г., грамотн., канд. ВКП(б).

СОДЕРЖАНИЕ

На Онежском заводе (предисловие)	Стр. 3
--	-----------

I. ПЕСНИ

Старый Александровский завод	27
О муже своем, который обжог ногу при плавке стали . .	28
Плач по мужу и сыну	29
Прочитание по рабочему	31
Песня про купцов	33
„Скоро ли наступит первое число“	35
Александровская дубинушка	36
Про архиерея Анастасия („Надгробное слово“)	38
„Житков, ты барин каков“	40
„Вот явился наш Антон“	—
„Антон—эконом“	41
Песня рабочих	42
Плач по В. И. Ленину	44
Частушки	47

II. Песни о рекрутчине

Рекрутская	51
„Меня в солдатики возьмут“ и др. частушки	52
Причеть по солдату	55
„Вынул я жребий недальний“	57
Рекрутчина (вариант)	59

III. О Красной Армии

„Скоро, скоро, снег растает“ и др. частушки	60
Партизанский отряд	62

	Стр.
Варшавянка	63
Часы бегут	66
„Колыбельная“	67
Дуда	68
Труд да горе	70
Отпустили крестьян на свободу	71
Камаринская	73
Песня бедняка	77
Песня о бедноте	79
Измученный, истерзанный	81
Узник („Сижу за решеткой“)	83
Степан Разин	86

Лирические песни

„Что ль по морю, морю синему“	88
„Из-за лесу, лесу темного“	90
„Во лужах, во лужах“	92
„И льнется, и льнется, да уж как“	93
Байки	94
Край дорожки	95
„Кофейшко грешного“	97
„Снежки белые, пушистые“	98
„Маменька—голубушка“	99
„Меня маменька будила“	100
„Заболела головушка“	102
„Счастливый путь-дорожка“	103
„Не ходил бы, не гулял“	104
„Что ж ты, Ванюшка, не весел“	106
„Я вечер своего дружка унимала“	107
„Что ж ты, Машенька, радость, приуныла“	108
„А повадился Иванушка“	109
„Запоем-ка „Молодку“ во всю глотку“	110
„Снегирюшечка“ (баллада)	111
Курочка	113
Чечетка („Ходила чечетка“)	117
„У игумена престрашного“	119
„Что ж ты идешь“	—
Частушки	120
Песня про кузнеца („Вдоль по улице широкой“).	124

Сказки

Ф. П. Господарев (биография)	131
Солдатские сыны (Иван и Роман)	135
Незнайка	174
Иван — кузнецкий сын	227
Сова и сыч	259
Волк, лиса и журавль	260
Николай Иванович Одинцов (автобиография)	262
Солдат на том свете	265
Старик да старуха	269
Ловкий солдат	272
Беззаботный монастырь	276
Охотничье-рыбачья шутка	279
Петр Великий и солдат	282
О дьяконе, который нюхал табак	286
Попы	287
Кузнец и Петр I	288
Заметки о языке рабочих	289
Примечания	311

Список иллюстраций

Расчетная книжка рабочего Е. Середкина — фото-снимок	34
Портрет А. И. Вавиловой	53
Портрет Е. И. Чехониной	105
Портрет И. А. Вепрева	121
Портрет Ф. П. Господарева	137
Портрет Н. И. Одинцова	271
Портрет В. В. Чижикова	285
Портрет В. П. Черногорова	299
Портрет К. Ф. Петрова	317